

"A marvelously plotted read." —DAVID BALDACCI

A THRILLER

THE
SPY
COAST
TESS
GERRITSEN

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

Бывшая шпионка Мэгги Бёрд, после трагически проваленного задания, приезжает в приморскую деревню Пьюрити, штат Мэн, желая оставить прошлое позади. Теперь она тихо живёт на своей птицеферме, всё ещё опасаясь последствий событий, которые вынудили ее досрочно уйти в отставку. Но когда на подъездную дорожку у дома Мэгги выбрасывают тело, она понимает, что это послание от бывших врагов, которые не забыли её. Мэгги обращается за помощью к своим старым друзьям — отставным шпионам из ЦРУ — чтобы раскрыть правду о том, кто пытается её убить и почему. Этот «Клуб Мартини» из бывших шпионов, возможно, и вышел на пенсию, но у них ещё остались полезные навыки, которые они не прочь задействовать вновь, хотя бы для того, чтобы оживить свою довольно размеренную новую жизнь. Их старания осложняет исполняющая обязанности шефа полиции Пьюрити Джо Тибодо. Джо, привыкшая больше иметь дело с шумными туристами, чем с убийствами, озадачена нежеланием Мэгги делиться информацией, а также её странным кругом друзей, которые, кажется, всегда идут на шаг впереди неё. Поиски ответов вынуждают Мэгги вернуться к её скрытному ремеслу, охватывающему весь мир, от Бангкока до Стамбула, от Лондона до Мальты. Призраки её прошлого вернулись, но с помощью своих друзей — и упёртой Джо Тибодо — Мэгги, возможно, сможет спасти жизнь, которую она построила.

Глава 1

ДИАНА

Париж, десять дней назад

Раньше она была золотой девочкой. «Как все изменилось», — подумала она, смотрясь в зеркало. Ее волосы, на которых когда-то столь изящно отражались солнечные блики, теперь были коричневыми, словно дохлая мышь. Это был самый скромный оттенок цвета волос, который она смогла найти на полках «Моноприкса», куда она пошла за покупками после того, как сосед упомянул, что о ней спрашивал мужчина. Это была первая подсказка, что что-то не так, что кто-то о ней спрашивает, хотя этому могло быть и совершенно невинное объяснение. Это мог быть её поклонник, или просто курьер ошибшийся адресом, но ей не хотелось, чтобы ее застали врасплох, поэтому она направилась через весь город в Моноприкс, в третьем округе, районе, где её никто не знал, и купила краску для волос и очки. Это были вещи, которые ей следовало всегда держать под рукой, но с годами она стала беспечной. Неосторожной.

Она осмотрела себя как брюнетку и решила, что нового цвета волос недостаточно. Она взяла ножницы и стала кромсать волосы, испортив свою причёску стоимостью 300 евро от L'Atelier Blanc. Каждый взмах ножниц был, словно ещё один разрез на ткани её новой жизни, жизни, которую она так тщательно создавала. Пока её волосы, прядь за прядью опускались на плитку в ванной, она продолжала их стричь, и её сожаление вскоре переросло в ярость. Всё, что она планировала, всё, чем рисковала, теперь стало напрасным, но таков был мир. Каким бы умным ты ни считал себя, всегда есть кто-то умнее, и в этом была её ошибка: она не учла возможность того, что её могут перехитрить. Слишком много лет она была самым умным человеком в комнате, тем, кто всегда был на два шага впереди и мог переиграть любого в команде. Секрет успеха заключался в том, чтобы не позволять правилам мешать вам — подход, который другие не всегда ценили. Да, иногда допускались ошибки. Да, кровь иногда проливалась без надобности. По пути она нажила врагов, и

некоторые коллеги теперь её презирали, но благодаря её усилиям миссия всегда завершалась успешно. Именно это сделало её золотой девочкой.

До настоящего момента. Щёлк.

Она изучала свое отражение, на этот раз холодным и критическим взглядом. За те десять минут, которые потребовались ей, чтобы состричь свои драгоценные локоны, она прошла через все стадии скорби по своей потерянной жизни. Отрицание, гнев, депрессия. Теперь она достигла стадии принятия и была готова двигаться дальше, сбросить оболочку старой Дианы и вдохнуть жизнь в новую Диану. Больше не золотую девочку, а человека, закаленного опытом, словно сталь. Она переживёт и это.

Она собрала отрезанные волосы в мусорный пакет и выбросила туда же пустую коробку из-под краски для волос. У неё не было времени подчищать за собой это место, поэтому она оставила после себя множество следов своего пребывания здесь, но с этим ничего нельзя было поделать. Она только надеялась, что парижская полиция, руководствуясь своими типичными сексистскими инстинктами, предположит, что женщина, которая жила в этой квартире, женщина, которая теперь пропала без вести, была похищена. Жертва, а не преступник.

Она надела очки и взъерошила свои недавно подстриженные волосы в беспорядочный вихор. Это была всего лишь легкая маскировка, но ее должно было хватить, чтобы сбить с толку любых соседей, с которыми она могла столкнуться на выходе. Она завязала пакет для мусора и вынесла его из ванной в спальню, где взяла свою дорожную сумку. Какой позор, что ей придется расстаться со всеми своими красивыми туфлями и платьями, но ей нужно было путешествовать налегке, а если она оставит после себя полный шкаф дизайнерской одежды, ее исчезновение будет выглядеть еще более непроизвольным. То же самое можно сказать и о произведениях искусства, которые она собирала годами, после того как ее банковские счета подросли: старинные китайские вазы, картину Шагала, римский бюст двухтысячелетней давности. Она будет скучать по ним, но если она хочет выжить, нужно чем-то пожертвовать.

Взяв с собой дорожную сумку и мешок для мусора с обрезками волос, она вышла из спальни в гостиную. Там она еще раз с сожалением вздохнула. Безобразные брызги крови испачкали ее кожаный диван и дугой побежали по стене, где висел Шагал, словно абстрактное продолжение самой картины. Источник этой крови был спрятан под Шагалом. Этот мужчина был первым, кто вломился в ее двери, он же был и первым, кого она уничтожила. Он был типичным brutальным мужиком, чьи часы в тренажерном зале окупались накаченными бицепсами, но не мозгами. Не такого окончания дня он ожидал, и умер с выражением удивления на лице, вероятно, даже не ожидая, что с ним расправится женщина.

Она услышала позади себя шепоток дыхания и повернулась, чтобы посмотреть на второго мужчину. Он лежал на краю ее драгоценного персидского ковра, его кровь просачивалась в замысловатый узор из виноградных лоз и тюльпанов. К ее удивлению, он был еще жив.

Она подошла к нему и толкнула его в плечо носком туфли.

Его глаза распахнулись. Он уставился на нее и потянулся за своим оружием, но она уже отбросила его подальше, и все, что он мог сделать, это хлопать рукой по полу, как умирающая рыба, плещущаяся в собственной крови.

— Кто тебя послал? — спросила она.

Его рука зашарила по полу еще неистовой. Пуля, которую она выпустила ему в шею, должно быть, повредила позвоночник, и движения его были судорожными, рука дергалась, как у робота. Может быть, он не понимал по-французски. Она повторила свой вопрос, на этот раз по-русски: Кто тебя послал?

В его глазах она не увидела ни малейшего проблеска понимания. Либо он угасал слишком быстро, и его мозг уже не мог нормально функционировать, либо он не понимал языка, и то и другое вызывало беспокойство. Она могла бы справиться с русскими, но если бы этих людей послал кто-то другой, это стало бы проблемой.

— Кто пытается меня убить? — спросила она, на этот раз по-английски. — Скажи мне, и я оставлю тебя в живых.

Его рука перестала трепыхаться. Он затих, но она увидела в его глазах, что он понял вопрос. Как понял и то, что на самом деле уже не имело значения, скажет ли он ей правду; в любом случае, он был покойником.

Она услышала мужские голоса в коридоре перед своей квартирой. Не послали ли они за подкреплением? Она слишком долго медлила, и у нее не осталось времени допрашивать этого человека. Она прицелилась из своего пистолета с глушителем и выпустила две пули ему в голову. Спокойной ночи.

Ей потребовалось всего несколько секунд, чтобы вылезти из окна на пожарную лестницу. Ее последний взгляд на свою квартиру был горько-сладким. Здесь она обрела частичку счастья и наслаждалась заслуженными плодами своих трудов. Теперь это место превратилось в бойню, стены которой были залиты кровью двух безымянных мужчин.

Она спрыгнула с пожарной лестницы в переулок внизу. В 11:00 вечера улицы Парижа все еще были людными, и она легко затерялась среди пешеходов, прогуливавшихся по оживленному проспекту. Она услышала приближавшуюся полицейскую сирену, но не ускорила шага. Это было слишком рано; сирены не имели к ней никакого отношения.

Пройдя пять кварталов она выбросила мусорный мешок в контейнер у ресторана и продолжала путь, перекинув сумку через плечо. Там было всё, что ей было нужно в данный момент, были у неё и другие ресурсы. У нее было более чем достаточно, чтобы начать все сначала.

Но сперва нужно было выяснить, кто желал ее смерти. К сожалению, на этот вопрос было несколько вариантов ответов. Она предполагала, что это русские, но теперь не была уверена. Когда вы разозлите несколько фракций, у вас появится множество врагов, каждый из которых обладает своим талантом к хаосу. Вопрос был в том, как выплыло ее имя? И почему спустя шестнадцать лет они пришли за ней?

Если они знали ее имя, то должны были знать и о других. Казалось, прошлое вот-вот настигнет их всех.

Вот тебе и безбедный выход на пенсию. Пора было возвращаться к работе.

Глава 2

МЭГГИ

Пьюрити, штат Мэн, сейчас

Здесь что-то умерло.

Я стою на своем поле, глядя вниз на следы бойни на снегу. Убийца протащил жертву по свежему снегу, и хотя хлопья продолжают бесшумно падать, они еще не замели ни следов убийцы, ни борозды, оставленной мертвым тельцем, когда его тащили к лесу. Я вижу пятно

крови, разбросанные перья и клочья черного пуха, трепещущие на ветру. Это всё, что осталось от одной из моих любимых араукан, которую я ценила за то, что она безотказно несла красивые голубые яйца. Хотя смерть — это всего лишь точка в бесконечном круговороте жизни, и я видела её много раз и прежде, но именно эта утрата ударила по мне особенно сильно, и я вздыхаю, отчего мое дыхание выплывает холодным облачком.

Я бросаю взгляд через курятник на то, что осталось от моего выводка, который сократился до трёх дюжин цыплят, а это едва ли две трети от первоначальных пятидесяти, которых я вырастила прошлой весной. Прошло всего два часа с тех пор, как я открыла дверь их курятника, чтобы выпустить их прогуляться, и за этот короткий промежуток времени хищник проник внутрь. У меня остался последний петух, единственный, кто пережил неоднократные нападения орлов и набеги енотов. И теперь он невозмутимо расхаживает по вольеру, все его хвостовые перья целы, и он нисколько не печалится из-за потери еще одной наложницы своего гарема. Что ему за печаль.

Ведь их так много.

Когда я поднимаюсь на ноги, мое внимание привлекает какое-то движение, и я смотрю на лес, покачивающийся за куриным вольером. Деревья в основном дубы и клены, с несколькими жалкими елями, борющимися в тени своих властных соседей. Почти скрытая в подлеске пара глаз наблюдает за мной. Мгновение мы просто смотрим друг на друга, два врага, стоящие лицом к лицу на заснеженном поле боя.

Я медленно отхожу от своего передвижного курятника. Я не делаю резких движений, не издаю ни звука.

Мой враг неотступно следит за мной.

Заиндевшая трава хрустит под моими ботинками, когда я направляюсь к своей Куботе RTV. Я тихо распахиваю дверцу и тянусь за винтовкой, которая спрятана за сиденьями. Она всегда заряжена, так что мне не нужно тратить время на то, чтобы доставать патроны и вставлять их. Я поворачиваю ствол в сторону деревьев и прицеливаюсь.

Мой выстрел раздается громко, словно раскат грома. Испуганные вороны поднимаются с деревьев и отчаянно взмывают в небо, а мои пронзительно пищщие цыплята в панике бросаются в безопасное укрытие своего курятника. Я опускаю винтовку и, прищурившись, смотрю на деревья, осматривая подлесок.

Ни малейшего движения.

Из своей RTV я окидываю взглядом поле до опушки леса и вылезаю из машины. Подлесок густо зарос ежевикой, а снег скрывает слой опавших листьев и сухих веток. Каждый мой шаг вызывает взрывной треск. Я еще не заметила крови, но уверена, что найду ее, потому что ты всегда знаешь — каким-то образом чувствуешь всем нутром, — когда твоя пуля попадает в цель. Наконец-то я вижу доказательство того, что моя цель была верной: забрызганную кровью подстилку из листьев. Изуродованная тушка моей курицы араукана лежит брошенная там, где ее оставил убийца.

Я продираюсь глубже сквозь подлесок, раздвигая ветки, которые цепляются за мои брюки и царапают лицо. Я знаю, что он где-то здесь, если не мертвый, то серьезно раненный. Ему удалось убежать дальше, чем я ожидала, но я продолжаю продвигаться вперед, пар от моего дыхания улетучивается спиралью. Когда-то я могла бы пробежать по этим лесам бегом, даже с тяжелым рюкзаком за спиной, но я уже не та женщина, которой была когда-то. Мои суставы были изношены изнурительной эксплуатацией и неумолимым течением времени, а жесткое приземление после прыжка с парашютом потребовало

хирургического вмешательства, и теперь у меня болит лодыжка, всякий раз когда понижается температура или падает давление. Старение — это безжалостный процесс. Оно сковало мои колени, покрыло серебром некогда черные волосы и углубило морщины на моем лице. Но мое зрение по-прежнему острое, и я не утратила способности считывать ландшафт, интерпретировать подсказки на снегу. Я присаживаюсь на корточки над отпечатком лапы и замечаю пятнышко крови на листьях.

Животное мучается. Это моя вина.

Я поднимаюсь на ноги. Мои колени и бедра протестуют, а в былые дни я могла выпрыгнуть из тесной спортивной машины и пуститься в спринт. Я пробираюсь через заросли ежевики и выхожу на поляну, где наконец нахожу своего заклятого врага, неподвижно лежащего на снегу. Лисица. Она выглядит здоровой и упитанной, а ее густая шерстка ярко-красного цвета. Ее рот приоткрылся, обнажая острые, как бритва, зубы, и челюсти, достаточно мощные, чтобы перерезать горло цыпленку и свернуть ему шею. Моя пуля попала ей прямо в грудь, и я удивлена, что она смогла добежать так далеко, прежде чем потерять сознание. Я толкаю тело ботинком, просто чтобы убедиться, что она мертва. Хотя эта конкретная проблема решена, лишение жизни лисицы отнюдь не приносит мне удовольствия. Когда я выдыхаю, мой взгляд полон сожаления.

В свои шестьдесят лет я накопила их более, чем достаточно.

Мех слишком ценен, чтобы бросать его здесь, в лесу, поэтому я хватаю лису за хвост. Она хорошо питалась, пожирая моих цыплят, и она такая тяжелая, что мне приходится волоком тащить ее из леса, и ее тело прокладывает траншею среди мертвых листьев и снега. Я поднимаю ее и перекачиваю на сиденье моей Куботы, и туша со скорбным стуком опускается. Хотя эта шкура мне не нужна, я знаю человека, который будет ей рад.

Забираюсь в Куботу и еду через поле, к дому соседа.

Лютеру Янту нравится чуть пригоревший кофе, и я чувствую его запах ещё с подъездной дорожки, когда выбираюсь из RTV. Отсюда я могу видеть через заснеженное поле мой собственный фермерский дом, который стоит на холме за колоннадой красивых сахарных кленов. Мой дом не такой уж большой, но достаточно прочный, построен в 1830 году, по словам агента по недвижимости, который продал его мне. Я знаю, что эта информация верна, потому что отследила оригинал документа на ферму Blackberry. Я верю только в то, что могу подтвердить сама. Из моего дома открывается беспрепятственный вид во всех направлениях, и если кто-то приближается, я увижу его; тем более ясным зимним утром, когда пейзаж особенно суров и бел.

Я слышу мычание коровы и кудахтанье кур. Цепочка маленьких следов тянется по снегу от хижины Лютера к амбару. Должно быть, там его четырнадцатилетняя внучка Келли, которая ухаживает за своими животными, как она делает каждое утро.

Я поднимаюсь по ступенькам крыльца и стучу. Лютер открывает дверь, и тотчас мне в ноздри ударяет горелый запах кофе, слишком долго простоявшего на плите. Он заполняет дверной проем, белобородый Санта в красной клетчатой рубашке и подтяжках, задыхающийся от древесного дыма и постоянной пыли в своей хижине.

— Доброе утро, мисс Мэгги, — говорит он.

— Доброе утро. Я принесла подарок для тебя и Келли.

— По какому же случаю?

— А без случая. Я просто подумала, что ты найдешь этому какое-нибудь применение.

Он в Куботе.

Он не утруждает себя надеванием пальто, вместо этого выходит на улицу в своей шерстяной рубашке, синих джинсах и болотных сапогах. Он следует за мной к RTV и восхищенно бормочет, глядя на мертвую лису, а затем гладит ее по шерстке.

— Она настоящая красавица. Так вот, что за выстрел я слышал сегодня утром. Ты уложила ее одной пулей?

— Ей все же удалось пробежать пятьдесят ярдов в лес.

— Вероятно, это та же самая лиса, которая убила двух кур Келли. Хорошая работа.

— И все же мне стыдно. Лиса просто пыталась заработать на жизнь.

— Разве не все мы такие?

— Я подумала, что шкура тебе пригодится.

— Ты уверена, что не хочешь оставить её себе? Ведь это прекрасный экземпляр.

— Тебе она нужнее.

Он лезет в кузов грузовика и вытаскивает тушу. Громко кряхтя от этого усилия. — Заходи, — говорит он, баюкая мертвое животное, как внука. — Я только что сварил кофе.

— Эм, спасибо. Но нет.

— Тогда, по крайней мере, позволь мне отправить тебя домой со свежим молоком.

Вот это я определенно приветствую. Молоко от джерсийской коровы Кэлли, которую откармливают травой, не похоже ни на что, что я пробовала до переезда в Мэн, оно достаточно густое и сладкое, что стоит рискнуть и выпить его непастеризованным. Я следую за Лютером дом, где он бросает тушку лисы на скамейку. Внутри плохо изолированной хижины лишь ненамного теплее, чем снаружи, даже с учетом тепла от дровяной печи, поэтому я не снимаю пальто, но Лютеру, кажется, вполне комфортно в одной рубашке и джинсах. Я не хочу его кофе, но он все равно ставит две кружки на кухонный стол. Было бы невежливо отказаться от приглашения.

Я присаживаюсь.

Лютер пододвигает ко мне кувшин со сливками. Он знает, как я люблю свой кофе — или, по крайней мере, только так я могу переносить его кофе, — и он также знает, что я не могу устоять перед сливками от коровы Келли. За два года, прошедшие с тех пор, как я переехала в соседний дом, он, без сомнения, узнал обо мне немало подробностей. Он знает, что я выключаю свет каждый вечер около 10:00 вечера, что я встаю рано, чтобы покормить и напоить своих цыплят. Он знает, что я новичок в вырубке кленовых деревьев, что я в основном держусь особняком и что я не устраиваю шумных вечеринок. И сегодня он узнал, что я неплохой стрелок. Но многого он обо мне и не знает, о вещах, о которых я ему никогда не рассказывала. Вещах, которые я никогда ему не расскажу. Я благодарна ему за то, что он не из тех людей, которые задают слишком много вопросов. Я ценю благоразумных соседей.

Однако я действительно очень много знаю о Лютере Янте. Нетрудно уловить суть этого человека, просто оглядев его дом. Его книжные полки сделаны вручную, как и грубо отесанный кухонный стол, а с потолочной балки свисают пучки сушеного тимьяна и орегано, срезанных в его домашнем саду. У него также есть книги — много-много книг по поразительно широкому кругу предметов, от физики элементарных частиц до животноводства. Некоторые учебники носят его имя как автора, что свидетельствует о предыдущем воплощении Лютера Янта в качестве профессора машиностроения, прежде чем он уволился с факультета Массачусетского технологического института. До того, как он оставил позади академиков и город Бостон, а также, возможно, нескольких личных демонов,

чтобы переделать себя в этого растрепанного, но счастливого фермера. Я знаю все это о нем не потому, что он мне рассказал, а потому, что я тщательно изучила его биографию, как и всех своих ближайших соседей, прежде чем купить ферму Блэкберри.

Лютер прошел проверку. Вот почему я чувствую себя совершенно непринужденно, сидя за его кухонным столом и потягивая кофе.

Сапоги стучат по крыльцу, и дверь распахивается, впуская порыв холодного воздуха вместе с четырнадцатилетней Келли. Лютер обучает ее на дому, и в результате Келли стало очаровательно дикой, что делает ее одновременно и мудрее и наивнее других девочек ее возраста. Как и ее бабушка, она безмятежно растрепана, ее амбарное пальто испачкано грязью, а в каштановых волосах застряли выбившиеся куриные перья. Она несет две корзины со свежесобранными яйцами, которые ставит на кухонный стол. Ее лицо настолько покраснело от холода, что щеки выглядят так, словно их нахлестали.

— Привет, Мэгги! — говорит она, вешая пальто.

— Посмотри-ка, что она нам принесла, — говорит Лютер.

Келли смотрит на мертвую лису, лежащую на скамейке, и проводит рукой по меху. Она не выказывает ни боязни, ни брезгливости. Она прожила с Лютером большую часть своей жизни, с тех пор как ее мать умерла от передозировки героина в Бостоне, и жизнь на этой ферме научила ее не удивляться смерти.

— Ух, она кажется всё ещё теплой, — говорит она.

— Я сразу её принесла сюда, — говорю я. — Подумала, что вы с бабушкой могли бы соорудить себе из этого что-нибудь интересненькое.

Она сияет от восторга. — Мех такой красивый. Спасибо тебе, Мэгги! Как ты думаешь, этого хватит, чтобы сшить шапку?

— Думаю, да, — говорит Лютер.

— Ты знаешь, как её сделать, бабушка?

— Мы с этим разберемся вместе. Нельзя же допустить, чтобы такая красотища пропала даром, а?

— Хотела бы я посмотреть, как ты с этим справишься, Лютер, — говорю я.

— Тоже хочешь посмотреть, как я его освежую?

— Нет, я уже знаю, как это сделать.

— Ты? — Он смеется. — Тебе всегда удастся удивить меня, мисс Мэгги.

Кэлли ставит корзиночки с яйцами в раковину. Открыв кран, она начинает протирать яйца тряпкой, чтобы они выглядели безукоризненно в картонной упаковке. В местном кооперативе они продаются по семь баксов за дюжину, что является выгодной ценой для органических яиц свободного выгула, учитывая трудозатраты, корма и постоянные битвы с рысями, лисами и енотами. Не то чтобы Лютер и Кэлли зарабатывали себе на жизнь продажей яиц, потому что у Лютера солидный инвестиционный счет. Это еще одна маленькая деталь о нем, которую мне удалось раскопать. Это цыплята Кэлли, ее и заработок, и она уже настоящая бизнес-леди. Ни разу в жизни я не встречала четырнадцатилетнего подростка, который мог бы так мастерски зарезать и выпотрошить старую несущую.

— Печально, что тебе пришлось пристрелить ее, но я тоже потеряла слишком много своих кур, — говорит Келли.

— Не она так какой-нибудь другой хищник появится", — говорит Лютер. — Так устроен мир.

Келли смотрит на меня. — А ты сколько потеряла?

— Полдюжины только на прошлой неделе. Сегодня утром лиса утащила одну из моих араукан.

— Может быть, и мне стоит купить несколько араукан. Покупателям, похоже, нравятся эти голубые яйца. Я, вероятно, могла бы запрашивать за них побольше.

Лютер хмыкает: — Синие яйца, коричневые яйца — на вкус они все одинаковые.

— Ну, мне, пожалуй, пора идти, — говорю я и встаю.

— Так рано? — спрашивает Келли. — Мы ведь нескоро увидимся в следующий раз.

Редкий четырнадцатилетний подросток жаждет общения с женщиной моего возраста, но Келли — необычная девочка. Она так непринужденно чувствует себя в компании взрослых, что я иногда забываю, насколько она молода.

— Когда твой дедушка соберется сшить ту лисью шапку, я вернусь, — говорю я.

— А я приготовлю курицу и клецки на ужин.

— Ну тогда я непременно вернусь.

Лютер допивает остатки своего кофе и тоже поднимается на ноги. — Подожди, дай я принесу молоко, которое я тебе обещал. — Он открывает холодильник, вызывая музыкальный звон стеклянных молочных бутылок на полках внутри. — Если бы не эти чертовы санитарные правила, мы могли бы продавать наше молоко с фермерского прилавка. Просто сиди сложа руки и собирай деньги.

Деньги, которые ему не нужны. Некоторым людям нравится выставлять напоказ свое богатство, но Лютер, похоже, стесняется своего. Или, может быть, это тактика самосохранения — скрывать то, что другие, возможно, захотят отнять у вас. Он достает четыре стеклянные бутылки молока с густым слоем сливок, и кладет их в бумажный пакет. — Когда к тебе в следующий раз кто-нибудь заглянет, Мэгги, угости их этим молоком. Так ты их отправишь напрямик сюда, чтобы купить еще. Разумеется, строго частная распродажа. Держите штат Мэн подальше от нас.

Я уже стою у двери со своим любимым молоком, когда до меня доходит, что он мне только что сказал. Я снова поворачиваюсь к нему. — Что значит “в следующий раз”?

— А разве к тебе вчера никто не заходил повидаться?

— Нет.

— Хм-м. — Он взглянул на Келли. — Может быть, тебе послышалось.

— Послышалось *что*? — спрашиваю я.

— На почте была одна дама, — говорит Келли. — я забирала нашу почту, и вдруг услышала, как она спрашивает почтмейстера, как добраться до фермы Блэкберри. Она сказала ему, что она твоя подруга.

— Как она выглядела? Молодой, старой? Какого цвета были ее волосы?

Мои молниеносные вопросы, похоже, немного обескуражили Келли. — Эм, мне показалось, она была молода. И довольно-таки хорошенькая. Я не видела ее волос, потому что на ней была шапка. И хороший пуховик. Синий.

— Ты ведь не сказала ей, как найти мой дом, а, Кэлли?

— Нет, но Грег из полиции сказал. Что-то не так?

Я не знаю, что ответить. Я стою у их открытой двери, держа в руках сумку с молочными бутылками, и холодный воздух проносится мимо меня. — Я никого не ждала. Просто не люблю сюрпризов, вот и все, — говорю я и выхожу из их дома.

Что-то не так?

Этот вопрос все еще не дает мне покоя, когда позже я еду в город за припасами. Кто

спрашивает дорогу к моей ферме? Вопрос мог быть и вполне невинным, заданным кем-то в поисках предыдущей владелицы, не подозревающим, что женщина скончалась три года назад в возрасте восьмидесяти восьми лет. Говорят, что о ней ходили легенды, благодаря ее острому уму и дурному характеру. Мой тип женщины. Это было бы логичной причиной для посетителя спросить о ферме Blackberry, потому что ни у кого нет причин искать меня здесь. За те два года, что я прожила в Пьюрити, штат Мэн, меня не искал никто.

И я хочу, чтобы так оно и оставалось.

В городе я совершаю свой обычный обход: захожу в магазин кормов, на почту, в продуктовый магазин. Это все места, где я легко сливаюсь с другими седовласыми женщинами, все мы закутаны в наши зимние куртки и шарфы. Как и они, я редко привлекаю к себе внимание. Старость дарует анонимность, что делает ее самой эффективной маскировкой из всех возможных.

В деревенском продуктовом магазине я остаюсь невидимой, катая свою тележку взад и вперед по узким проходам, покупая овсянку и муку, картофель и лук. Яйца, по крайней мере, мне никогда не придется покупать. Выбор спиртных напитков в этом маленьком городке невелик, но у них есть две разные марки односолодового шотландского виски, и хотя ни одна из них мне не по вкусу, я все равно покупаю бутылку. Я пытаюсь сохранить свой запас тридцатилетнего Лонгморна и не знаю, когда смогу найти для него другой источник. Любой виски лучше, чем никакого.

Когда я стою в очереди у кассы, меня можно принять за обычного фермера, домохозяйку или учителя на пенсии. В течение многих лет я учила себя не выделяться, не привлекать к себе внимания, и теперь это происходит без усилий, что одновременно и печально и приносит облегчение. Иногда я скучаю по тем дням, когда на меня обращали внимание, по тем дням, когда я носила короткие юбки и туфли на шпильках и чувствовала взгляды мужчин на своем теле.

Кассирша, округлив глаза, смотрит на меня, потом на счёт, а затем снова на меня. — Это будет, эм-м-м, ничего себе, двести десять долларов. — Она поднимает на меня глаза, словно ожидая, что я буду возражать, но я этого не делаю. Это из-за виски. Оно мне даже не нравится, но некоторые вещи в жизни считаются предметами первой необходимости.

Я перехожу улицу и следую за Беном в "Мэриголд".

Я сразу замечаю его, сидящего с Декланом Роузом в угловой кабинке. Как обычно, оба мужчины сидят лицом ко входу — привычка, от которой они не могут избавиться даже на пенсии. Деклан, в своем твидовом пиджаке и красивой львиной гривой волос, выглядит как профессор истории, кем он и был раньше. В шестьдесят восемь лет его некогда черные волосы наполовину поседели, но они все еще такие же густые, какими были, когда я встретила с ним впервые, почти четыре десятилетия назад. В отличие от профессора Деклана, Бен Даймонд выглядит весьма угрожающе со своей бритой головой и черной кожаной курткой. Требуется врожденная властность, чтобы выглядеть так в семьдесят три года, но у Бена она все еще есть. Когда я подхожу к их кабинке, они оба поднимают глаза.

— О, Мэгги! Присоединяйся к нам, — говорит Деклан.

— Давненько тебя не видел. Чем ты занималась? — спрашивает Бен.

Я проскальзываю в их кабинку. — Мне нужно было решить проблему с лисой.

— Полагаю, лиса уже умерла.

— Сегодня утром. — Я поднимаю взгляд на проходящую мимо официантку. — Кофе, пожалуйста, Джанин.

— Меню? — спрашивает она.

— Не сегодня, спасибо.

Бен изучает меня. Читать лица — его талант, и он, должно быть, чувствует, что я с какой-то определённой целью присоединилась к ним. Я жду, пока Джанин окажется вне пределов слышимости, прежде чем задать мужчинам свой вопрос.

— Кто меня искал?

— Кто-то ищет тебя? — говорит Деклан.

— Была некая женщина, нездешняя. Я слышала, вчера она была на почте и спрашивала, как найти ферму Блэкберри.

Мужчины смотрят друг на друга, затем на меня.

— Для меня это новость, Мэгги, — говорит Бен.

Джанин приносит мне кофе. Он слабенький, но, по крайней мере, не сожжен, как у Лютера. Мы ждем, пока она уйдет, прежде чем продолжить разговор. Для нас это просто сила привычки. Причина, по которой мужчины всегда выбирают эту кабинку, заключается в том, что она напоминает безопасно изолированный аванпост, вдали от любопытных ушей.

— Тебя это беспокоит? — спрашивает Деклан.

— Я не знаю, повод ли это для беспокойства.

— Она интересовалась твоим именем? Или только названием фермы?

— Только ферма. Это может ничего не значить. Откуда ей знать, что именно я там живу?

— Они могут узнать все, что угодно, если действительно захотят.

Мы замолкаем, когда два посетителя встают из-за своего столика и проходят мимо нас к кассе. Наступившая тишина дает мне возможность обдумать слова Деклана. Если действительно захотят. Это как раз то, на что я и рассчитываю, что я не стою того, чтобы меня выслеживать. Всегда есть рыба покрупнее, а я всего лишь мелкая рыбешка. Или, может быть, рыба среднего размера. Зачем прилагать усилия, чтобы выследить женщину, которая не хочет, чтобы ее нашли? За шестнадцать лет, прошедших с момента моей отставки, я постепенно ослабила бдительность. Теперь я настолько привыкла быть птицефермом из маленького городка, что сама начала верить, будто я только фермер и есть. Так же, как Бен — всего лишь вышедший на пенсию продавец гостиничных принадлежностей, а Деклан — всего лишь вышедший на пенсию профессор истории. Мы знаем правду, но храним секреты друг друга, потому что у каждого из нас есть свои, которые необходимо охранять.

Взаимный шантаж безопасен.

— Мы приложим уши к земле, — говорит Бен. — И узнаем, кто эта женщина.

— Буду признательна, спасибо. — Я положила два доллара на кофе.

Деклан говорит: — Ты придешь сегодня в книжную группу? Прошло два месяца с момента твоего последнего посещения. Мы скучаем по тебе.

— Какую книгу вы обсуждаете?

— Путешествие Ибн Баттуты. Ингрид её выбрала, — говорит Бен.

— Я уже читала её.

— Тогда ты можешь дать нам пояснения, — говорит Деклан, — потому что мы с Беном еще не сделали домашнее задание. Сегодня вечером мы встречаемся в доме Ингрид и Ллойда. В шесть часов мартини. Имея в своем распоряжении несколько таких людей, возможно, мы сможем пропустить обсуждение книги и вместо этого сразу перейти к рассмотрению местных сплетен. Можем ли мы рассчитывать на тебя?

— Я подумаю.

— Это не ответ, — рывкает Бен. Он пытается заставить меня прийти. Мне всегда было интересно, насколько хорошо этот образ гангстера работал на него, когда он был в поле. Меня он, конечно, никогда не пугал.

— Хорошо, я буду там, — говорю я.

— А я прослежу, чтобы твоя любимая водка была со льдом, — говорит Деклан.

- “Бельведер”.

Деклан смеется. — Ну правда, Мэгс, неужели ты думаешь, я забыл, какую ты любишь водку?

Конечно, он знает, что я предпочитаю водку. За красивой шевелюрой Деклана скрывается умение разбираться в деталях и талант к иностранным языкам, который и позволил ему выучить их семь. Я сдалась на трёх.

Вернувшись в машину, я еду домой по проселочным дорогам, ухабистым от наледи, через черно-белый пейзаж с голыми деревьями и заснеженными полями. Это не то место, где я представляла себя в конце своей жизни. Я выросла в месте, где было пыльное, жаркое и ослепительно яркое лето, и моя первая зима в штате Мэн была непростой. Я научилась колоть дрова, ездить по льду и размораживать замерзшие трубы, и я поняла, что человек никогда не бывает слишком старым, чтобы адаптироваться. Когда я была молода и представлял себе обстановку для идеального уединения, я мечтала, что это будет вилла на вершине холма на острове Самуи или домик на дереве на полуострове Оса, где мне будут петь серенады птицы и обезьяны-ревуны. Это были места, которые я знала и любила, места, куда, в конце концов, я не смогла сбежать.

Потому что они ожидали, что я буду именно там. Быть предсказуемым — это всегда первая ошибка.

На моем телефоне раздаётся звуковой сигнал.

Я опускаю взгляд на экран, и то, что я вижу, заставляет меня нажать на тормоза. Я съезжаю на обочину и смотрю на изображения. Это видеозапись с моей системы безопасности. Кто-то только что вошел в мой дом.

Я могла бы позвонить в местную полицию, чтобы она отреагировала, но они наверняка зададут вопросы, на которые я, возможно, не захочу отвечать. В полицейском управлении Пьюрити работают всего шесть штатных сотрудников, и до сих пор у меня не было никаких причин взаимодействовать с ними. Я хочу, чтобы так и оставалось, даже если это означает, что мне придется справляться с возникшей ситуацией самостоятельно.

Я выезжаю обратно на дорогу.

Когда я проезжаю мимо колоннады сахарных кленов и останавливаюсь перед своим фермерским домом, мой пульс уже несётся галопом. На мгновение я остаюсь в своем грузовике, глядя на крыльцо. Ничто не выглядит необычным. Входная дверь закрыта, а лопата для снега лежит там же, где я ее и оставила, прислонившись к стопке дров. Злоумышленник хочет ослабить мою бдительность, заставив поверить, что все в порядке.

Я сыграю по его правилам.

Я вылезая из грузовика и несу мешок с картошкой и корм для цыплят на крыльцо. Там я бросаю их, позволяя им приземлиться с громким стуком. Когда я достаю ключи от дома, каждый нерв ощущается чрезвычайно настроенным, усиливающим каждое ощущение. Шелест ветвей дерева, поцелуй холодного ветра на моей щеке.

Я замечаю, что нить накала на моем дверном косяке сломана.

Это такая примитивная тактика в наш электронный век домашнего наблюдения, но цифровые системы могут выйти из строя или быть взломаны. За последние несколько месяцев я стала беспечна, не всегда утруждая себя закреплением этой нити, тонкой, как паутинка, но то, что я услышала сегодня утром в доме Лютера, заставило меня возобновить эту предосторожность.

Я отпираю дверь и толкаю ее ботинком, и в поле зрения появляется прихожая. Мои ботинки выстроились в ряд под скамейкой, пальто висят на крючках. Пол зернистый от въевшегося песка и грязи. Пока все выглядит нормально. Слева от меня находится гостиная. Я заглядываю в дверной проем и вижу диван, кресла с подголовниками, сложенные дрова у камина. Незваного гостя не видно.

Я поворачиваю направо и захожу на кухню, стараясь не наступать на половицу, которая неизменно скрипит. Я вижу свою кофейную чашку и тарелки из-под завтрака в раковине, кожуру грейпфрута в ведре для компоста. Рассыпанные гранулы сахара искрятся на столе. Все так, как я оставила, за исключением одной вещи: запаха незнакомого шампуня.

Проблемная половица скрипит у меня за спиной. Я поворачиваюсь лицом к незваному гостю.

Она молода и гибка, и двигается с легкой грацией спортсменки. Чуть за тридцать, с прямыми черными волосами и прямой челкой, темными глазами, славянскими скулами. Она кажется на удивление невозмутимой, несмотря на то, что дуло моего "вальтера", который я ношу с собой с момента моего утреннего разговора с Келли, теперь направлено ей в грудь.

— Привет, Мэгги Берд, — говорит она.

— По-моему, мы раньше не встречались.

— Почему вы выбрали именно это имя?

— Почему бы и нет?

— Дайте-ка я угадаю. Птица, в смысле "свободна, как птица"?

— Может же девушка помечтать.

Она выдвигает стул. Садится за мой кухонный стол и небрежно смахивает в сторону гранулы сахара, которые я рассыпала за завтраком, похоже, ее не волнует, что я на расстоянии от одного нажатия на спусковой крючок, чтобы разнести ее в пух и прах. — В этом и в самом деле нет необходимости, — говорит она, кивая на мой "вальтер".

— "Это я решу сама. Прямо сейчас я смотрю на человека, который вошел в мой дом без приглашения. Я понятия не имею, кто вы такая и почему вы здесь."

— Пожалуйста, моё имя Бьянка.

— Настоящее или вымышленное?

— Разве это имеет значение?

— Полиции понадобится имя трупа.

— О, я вас умоляю. Я здесь, потому что у нас проблема. И нам бы не помешала ваша помощь.

Мгновение я смотрю на нее, отмечая расслабленные плечи и длинные стройные ноги, теперь лениво скрещенные. Она даже не смотрит на меня; вместо этого она небрежно ковыряет заусенец.

Я сажусь напротив нее и кладу свой "вальтер" на стол.

Она бросает взгляд на пистолет. — Да, я понимаю, почему вы чувствуете необходимость иметь при себе оружие. У вас репутация человека, не доверяющего людям.

— У меня есть репутация?

— Поэтому они и послали меня. Они подумали, что вы сочтете женщину менее угрожающей.

— Если вы вообще что-то знаете обо мне, то вы также должны знать, что я давно вышла из игры. Я выращиваю цыплят. Мне нравится быть птицеводом.

На ее губах даже не дрогнуло подобие улыбки. У нее нет чувства юмора, она говорит только по делу, женщина на задании. Агентство явно улучшило свою работу по подбору персонала с тех пор, как я у них служила.

— Я не знаю, зачем они послали вас, — говорю я. — но теперь, когда вы меня увидели, вы знаете, что я уже не в расцвете сил, и к тому же я заржавела. Я больше не заинтересована в том, чтобы выполнять для них какую-либо работу.

— Вам за это заплатят.

— У меня вполне хватает денег для жизни.

— Заплатят весьма существенные деньги.

Я хмурюсь. — В самом деле? Это не похоже на моего бережливого дядю Сэма.

— Это задание будет иметь для вас особое значение.

— Я по-прежнему не заинтересована. — Я встаю со стула, и хотя от быстрого подъема у меня ноет колено, я слишком горда, чтобы позволить ей услышать мой стон или увидеть, как я гримасничаю.

— Я провожу вас до двери. Скажите им, что в следующий раз, когда они пришлют кого-нибудь поговорить со мной, пусть этот человек постучит в мою дверь, как это сделал бы любой нормальный посетитель.

— Диана Уорд исчезла с радаров.

Я замираю. Мгновение я просто смотрю на нее, пытаюсь прочесть выражение ее лица, но все, что я вижу, — это холодная невозмутимость и совершенно ничего не выражающее лицо.

— Она жива или мертва? — спрашиваю я.

— Мы не знаем.

— Где её видели в последний раз?

— Физически? В Бангкоке, неделю назад. С тех пор она исчезла, а ее мобильный телефон замолчал.

— Она уже много лет на пенсии. Ушла из Агентства вскоре после меня. Почему вас так волнует, где она сейчас?

— Мы беспокоимся о ее благополучии. На самом деле, мы беспокоимся обо всех, кто был вовлечен в операцию "Сирано".

Я не могу скрыть свою реакцию, услышав эти два слова. Я чувствую, как шок от этого удара отдаёт по моим костям, такой же мощный, как сотрясение мозга. — Почему вы обеспокоились этим именно сейчас?»

— Недавно произошла утечка информации в автоматизированных информационных службах Агентства. Этот несанкционированный доступ вызвал тревогу, но единственный файл, к которому получил доступ злоумышленник, был файлом операции «Сирано».

— Эта операция была шестнадцать лет назад.

— И информация оставалась засекреченной для безопасности всех участников. Но теперь я боюсь, что ваши имена могли стать известны, и именно поэтому мы вас всех отслеживаем, чтобы проверить ваше благополучие. Чтобы узнать, нужна ли вам помощь. Должна сказать, я никогда бы не подумала, что вы окажетесь в таком месте. Она

оглядывается на мой сосновый стол, на вешалку с чугунными кастрюлями. На улице пошел снег, и за окном кружатся густые хлопья, по такому снегу очень приятно ходить. Бьянка не похожа на женщину, которая радуется снежинкам.

— Как видите, я обосновалась здесь и у меня новое имя, — говорю я ей. — Я в полной безопасности.

— Но у Дианы могут быть неприятности".

— У Дианы неприятности? — смеюсь я. — А когда у неё их не было? Но она выжила и вполне способна сама о себе позаботиться. А теперь, если это все, о чем вы хотели со мной поговорить, я попрошу вас уйти. — Я подхожу ко входной двери и рывком открываю ее. Несмотря на врывающийся холодный воздух, я держу ее открытой, ожидая, когда мой нежеланная гостья выйдет.

Бьянка, наконец, выходит на крыльцо, затем поворачивается, чтобы посмотреть на меня. — Помогите нам найти ее, Мэгги. Вы должны знать, куда она могла пойти. Вы работали вместе.

— Шестнадцать лет назад.

— И все же вы, вероятно, знаете ее лучше, чем кто-либо другой.

— Да, вы правы. Наверное, так и есть. Вот потому-то мне и насрать, что с ней случится! — говорю я и захлопываю дверь у нее перед носом.

Глава 3

Джо

Некоторым мужчинам просто нужен хороший удар ножом, подумала Джо Тибодо, наблюдая, как парамедики загружают носилки с Джимми Кили в машину скорой помощи. Он почти наверняка выживет после своих ран, и это либо хорошо, либо плохо, зависит от того, под каким углом посмотреть. Это хорошо, потому что его жене Меган не пришлось бы предстать перед судом по обвинению в убийстве. Плохо, потому что это означало, что Джимми вернется, чтобы сделать несчастную жизнь Меган еще более несчастной, вынудив Джо и ее офицеров снова вмешаться в нескончаемую драму этой пары. Даже в таком маленьком городке, как Пьюрити, всегда случались драмы, иногда за закрытыми дверями, где никто другой не мог услышать рыданий или ударов кулаков по плоти. Иногда эти личные драмы выплескивались наружу, и соседи, которые видели подбитые глаза и постоянно задернутые шторы, кивали и говорили друг другу: мы знали, что когда-нибудь это случится.

Сегодня вечером это действительно случилось, и дюжина из этих соседей теперь стояла на парковке паба "Китовый фонтан", слушая, как Джимми выкрикивает угрозы из задней части машины скорой помощи, крики, которые были достаточно громкими, чтобы их можно было слышать сквозь музыку, доносившуюся из бара.

— Ну подожди, сука! Подожди, пока я вернусь домой!

Жаль, что нож не задел легкие Джимми.

— Ты еще пожалеешь! Просто подожди!

Мигнули фары, машина скорой помощи уехала, и Джо вздохнула, выпустив облачко пара в холодный воздух. Толпа на парковке у бара даже не попыталась разойтись, потому что это было самое захватывающее событие, произошедшее в Пьюрити с тех пор, как Фернальда Хоббса хватил удар за рулем его пикапа, и он прокатился прямо через верфь в гавань. Несмотря на то, что сегодня ночью было пятнадцать градусов тепла и снова пошел снег, они стояли, словно загнипнотизированные, уставившись на габаритные огни двух патрульных

машин. Когда ты растешь в штате Мэн, пятнадцать градусов — это приятная февральская ночь.

— Пожалуйста, расходитесь по домам, ребята! — крикнула Джо. — Здесь не на что смотреть.

— Он сам напросился, Джо! — закричала Дороти Френч.

— Это должны решить присяжные. А теперь, пожалуйста, отправляйтесь по домам, пока вы все не обморозились. Бар закрыт на ночь.

Поскольку единственное питейное заведение в городе вечером закрылось, возможно, остаток ночи пройдет спокойно. Если только кто-то не ехал слишком быстро по дороге и не заехал в сугроб, или чей-то малыш не отпер дверь и не вышел из дома. Для полицейского холодная погода осложняла все — от несчастных случаев до пропажи детей. Добавьте к этому бытовые дразги с едва сдерживаемой яростью и слишком большим количеством выпивки, и вы получите...

Что ж, вы поняли, что произошло сегодня вечером в "Китовом фонтане".

Она вошла в бар и стряхнула снег со своих ботинок. После уличного холода, казалось, что внутри было как в теплице, температура поднялась по меньшей мере до семидесяти пяти градусов. Какая пустая трата энергии. Джо посмотрела на бар, где она проработала несколько летних месяцев, разливая вино и взбивая коктейли для орд приезжих загорелых туристов, которые говорили, что ее маленькая приморская деревушка необычная, и спрашивали, что люди делают здесь зимой. "Что ж, вот чем мы здесь занимаемся", — подумала она. Мы набираем вес, слишком много пьем и действуем друг другу на нервы. Она вдохнула дрожжевой аромат пива и подумала, как хорошо было бы прямо сейчас выпить бокал холодного эля "Морской пес", но с этим придется обождать. Она расстегнула молнию на куртке, сняла перчатки и шерстяную шапочку, и сосредоточилась на причине, по которой она здесь оказалась: молодая женщина сидела за столиком в углу, а рядом с ней стоял офицер охраны.

Меган Кили, безусловно, знавала лучшие времена. В старших классах она была одной из самых популярных девочек в школе, энергичной рыжеволосой девушкой, чей смех можно было услышать на другом конце поля для бега по пересеченной местности. Ее волосы по-прежнему были рыжими, и у нее по-прежнему была потрясающая фигура, но в свои тридцать два года из нее высосали весь смех, оставив после себя эту печальную оболочку женщины.

— Привет, Меган! — сказала Джо достаточно громко, чтобы ее было слышно сквозь грохот музыки.

Меган подняла голову и вяло сказала: — Привет, Джо.

Джо сказала своему офицеру: — Майк, ты не оставишь нас наедине? И выключи эту ужасную музыку, ладно?

Она подождала, пока Майк зайдет за стойку и выключит динамики. Наконец-то наступила благословенная тишина. Когда она села за стол напротив Меган, то почувствовала что-то липкое на поверхности стола и, посмотрев вниз, увидела, что тыльная сторона ее ладони измазана кровью. Должно быть, это была кровь того придурка, потому что у Меган, похоже, не было никаких открытых ран, только опухший правый глаз, который к завтрашнему дню должен засиять здоровенным фингалом.

— Ну, может поговорим об этом? — спросила Джо.

— Нет.

— Ты знаешь, что мы должны.

— Да, — вздохнула Меган. — я знаю.

Джо потянулась за бумажной салфеткой из автомата и вытерла кровь со своей руки. —

Что случилось?

— Он ударил меня.

— Где?

— По лицу.

— Я имею в виду, где это произошло?

— Дома. Я даже не помню, что его так разозлило. Ах да, это потому, что я поздно вернулась из маминого дома. Он ударил меня, и я ушла. Пришла сюда, думая, что просто пережду, пока он не успокоится. Но он поперся за мной. Ворвался прямо сюда и набросился на меня, когда я сидела за стойкой. Наверное, я просто... просто взорвалась. Когда я попятилась, то схватила нож для стейка. Я даже не помню, как я это сделала. Я только помню, как он начал кричать, и там была кровь, и в моей руке как-то оказался нож.

Джо посмотрела на Майка, который сказал: Нож уже упакован, как улика. И у нас есть полдюжины свидетелей, которые видели, как она это сделала. — Он пожал плечами. — Всё просто, как дважды два.

Только это было не так. Часть о жене, наносящей удар ножом своему мужу, конечно, проста, но то, что было до этого, было грустной и запутанной историей о женщине, которая слишком рано влюбилась и слишком рано выскочила замуж. И по глупости лет попала в ловушку.

— Меня посадят, да? — прошептала Меган.

— На сегодняшний вечер, да. Пока твой адвокат не разберется во всем утром.

— А потом что?

— Есть смягчающие обстоятельства. Я и сама это знаю, и большинство людей в городе тоже.

Меган кивнула и грустно рассмеялась. — Я вроде как с нетерпением жду тюрьмы. Это было бы похоже на небольшой отпуск, понимаешь? Я могла бы спокойно спать допоздна и не беспокоиться о том, что Джимми может...

— Меган, так не должно быть.

— Но это так. — Она посмотрела на Джо. — Это действительно так.

— Тогда исправь это. Скажи Джимми, чтобы отваливал.

Губы Меган изогнулись в полуулыбке. — Да, вот ты именно так и сказала бы. Все та же старая Джо Тибодо, которая ничего не боится. Ты ничуть не изменилась со времен старшей школы. — Она покачала головой. — И вообще, какого черта ты всё ещё в этом городе? Ты могла бы уехать. Могла бы жить где угодно. Куда-нибудь в теплое место, например, во Флориду.

— Не люблю жару.

— Дело в том, что ты могла бы жить где-нибудь в другом месте.

— Да, могла бы. Ты тоже могла бы.

— Ты не попала не к тому мужчине.

— Ты всегда можешь это изменить.

— В твоих устах это звучит так просто. Ты не понимаешь, как это тяжело.

— Нет, — вздохнула Джо. — наверное, нет. — Кроме того, Джо не понимала, как вообще Меган позволила уговорить себя отправиться в объятия Джимми Кили. Но с другой стороны, такие мужчины, как Джимми, обычно держались подальше от таких, как Джо,

потому что у нее была репутация. Все парни в городе знали, что если ты когда-нибудь ударишь Джо Тибодо, она ударит в ответ, причем в два раза сильнее.

Джо встала и помогла Меган подняться на ноги. — Тебе нужно осмотреть глаз. Сперва Майк отвезет тебя в больницу, а уж потом мы позаботимся о твоём аресте.

— И тогда я смогу поспать. — сказала Меган. Сегодня вечером ей, вероятно, удастся как следует выспаться, поскольку она будет единственной обитательницей тюрьмы. В это время года камеры Пьюрити почти всегда пустовали. Для Джо это было плюсом зимы. Никаких пьяных летних туристов, с ревом пересекающих гавань на скоростных катерах, никаких мелких краж, совершаемых скучающими подростками, возвращающимися домой из школы. Когда ночи становились длиннее и начинал падать снег, город Пьюрити, казалось, впадал в спячку, становясь более сонной и менее беспокойной версией самого себя.

Это была та самая сонная версия Пьюрити, которую она увидела, проезжая по Мейн-стрит позже тем вечером, витрины магазинов были уже темны в 7:00 вечера, пустынные тротуары посверкивали льдом под уличными фонарями. Заколдованная деревня, дремлющая зимней ночью. Хотя это место выглядело застывшим во времени, Джо повидала слишком много перемен за свои тридцать два года. То, что раньше было старым антикварным магазином, где продавалась разномастная фарфоровая посуда и выцветшие открытки, теперь превратилось в сувенирный магазин, где продавались причудливо упакованные джемы, желе и конфеты. Старый фонтанчик с газировкой, где ее отец обычно пил кока-колу, превратился в винный магазин, который позже превратился в кофейню, где продавалось столько разновидностей кофе, что требовался итальянский словарь, чтобы понять, что ты заказываешь. По крайней мере, хозяйственный магазин все еще работал, но восьмидесятитрехлетний владелец собирался уйти на пенсию, и в один прекрасный день этот магазин перестанет продавать молотки и отвертки и вместо этого будет продавать футболки. Хотя этим кирпичным зданиям было 150 лет, через них постоянно проходила череда предприятий и владельцев, потому что единственное, на что вы могли рассчитывать в жизни, даже в маленьком городке, — это перемены.

Она подумала о том, что сказала ей Меган: *И вообще, какого черта ты всё ещё в этом городе? Ты могла бы уехать.* Это было правдой, Джо могла бы уехать из Пьюрити, но она знала, что никогда бы его не покинула, потому что не хотела этого. Это было место, где выросла она, где выросли ее отец, дед и его дедушка, 250-летний Тибодо, чьи корни глубоко ушли в каменистую почву. Теперь в ее обязанности входило защищать этот город, эти 29,5 квадратных миль, простирающиеся от залива Пенобскот до горы Камерон на западе. В пределах его границ находились гавань и лодочная верфь, сельскохозяйственные угодья и лес, озеро, многочисленные пруды, как названные, так и безымянные, и три тысячи круглогодичных жителей, большинство из которых жили вдоль побережья в пределах видимости моря.

Однако в эту зимнюю ночь было слишком холодно, чтобы почувствовать запах океана, даже когда Джо подъехала к пристани и припарковалась у доков. Она опустила стекло машины, прислушиваясь, не случилось ли чего-нибудь, но все, что она услышала, был плеск воды о дамбу. Два городских виндджаммера, Амели и Сэмюэл Дэй, были завернуты на зиму в белую термоусадочную пленку и выглядели как корабли-призраки, покачивающиеся на своих причалах. С наступлением лета, два этих судна отправлялись в плавание каждый день после полудня, если позволяла погода, битком набитые от носа до кормы платящими пассажирами. Местные жители называли их "уловом дня", и в то время как жители города

были рады получить свои денежки, местные были недовольны пробками и хаосом, которые привносили в город туристы.

Проблемы, которые, как и следовало ожидать, приходится решать Джо.

Она отъехала от пристани, подальше от моря, и продолжила свой патруль. Сначала она поехала на запад, к озеру Камерон, где сезонные коттеджи теперь были закрыты и созрели для взломов. Она повернула на север, проехав по дороге мимо огромного дуба, где два года назад мальчики Паркер разбили свою "Хонду", оставив своих родителей бездетными и опустошенными, затем повернула обратно на восток, к побережью, мимо фермерского дома, где Джордж Олсен застрелил свою жену, а затем и себя. Теперь этот дом снимали новые люди, молодая пара из Бостона, пробующая себя в деревенской жизни. Джо предположила, что они знали об убийстве-самоубийстве Олсенов. А может, и нет. Возможно, Бетти Джонс, управляющая недвижимостью, предусмотрительно убрала эти сведения из информационного листа об аренде. Это было как раз то, что сделала бы Бетти.

На американском шоссе № 1, прибрежной дороге, которая вела обратно в деревню, Джо проехала мимо поворота, где прошлым летом упал велосипедист и проломил себе череп; мимо бухты, где утонула девочка-подросток. Когда вы проживаете всю свою жизнь в одном городе, вы знаете все места, где произошла трагедия, потому что плохие воспоминания такие же неизбежные, как надгробия.

Завершив свой вечерний обход, она направилась обратно в полицейское управление Пьюрити и припарковалась на стоянке с надписью "Начальник полиции". По состоянию на пять месяцев назад именно им она и была. Исполняющей обязанности шефа, во всяком случае, до тех пор, пока избранный городской совет не соберется с силами и не решит, кто должен заменить Глена Куни, который умер в возрасте шестидесяти четырех лет, буквально вылетев из ботинок, когда его сбила проезжавшая машина, когда он выписывал штраф за нарушение правил дорожного движения. Джо первой прибыла на место происшествия, и у нее до сих пор были кошмарные воспоминания о том образе Глена, распростертого в придорожной траве, куда его отбросило, с вывернутым назад правым бедром и ногой, выгнутой в обратную сторону. Именно он нанял ее десять лет назад, но неохотно, потому что сомневался, что двадцатидвухлетняя женщина сможет надеть наручники на летнего пьяницу. Потом однажды ночью он наблюдал, как она это делает, и после этого у Глена и Джо все было хорошо.

Теперь именно ей приходилось иметь дело с графиками смен полиции, больничными днями и вечно недостаточным бюджетом. Действительно ли городу с населением в три тысячи человек нужны шесть штатных офицеров? Что ж, мадам председатель Правления, мы могли бы обойтись меньшим количеством, если бы вы все перестали попадать в аварии, ввязываться в драки и взламывать машины. О, и в июле, не могли бы мы перекрыть трассу № 1 и остановить ежегодное нашествие летних туристов? Я уверен, что они были бы счастливы отвезти свои доллары в какой-нибудь другой город.

Она вошла в здание и направилась к столу, за которым раньше сидел Глен Куни, столу, который теперь принадлежал ей. Она все еще видела, как он сидит здесь, как делал это каждое утро, с чашкой черного кофе и бутербродом на завтрак, спина прямая, как шомпол, седые волосы аккуратно зачесаны на пробор слева. Он был порядочным человеком, как и большинство мужчин в жизни Джо, не выдающимся, но надежным, а это более всего имело значение в долгосрочной перспективе. Теперь, когда Джо приходилось сталкиваться с неприятностями, с которыми раньше справлялся Глен — офицером с проблемой

алкоголизма, церковным органистом с kleptomанией, — она сидела в этом кресле и задавалась вопросом: а что бы сделал Глен?

Она села за его стол, включила компьютер и принялась за работу, составлять отчет о нанесении ножевого ранения Джимми Кили. Если вечер пройдет спокойно, она заодно составит расписание смен на следующий месяц и, возможно, поработает над своей речью для Дня карьеры в старшей школе на следующей неделе. Потом нужно было спланировать выходные. Прогноз погоды обещал ясное небо в субботу, холодное и сверкающее, что делало этот день подходящим для того, чтобы собрать палатку и отправиться на Лысую гору со своей собакой Люси. Она с нетерпением ждала ночи, когда не будет ни телефонных звонков, ни отвлекающих факторов, только она и ее собака будут разбивать лагерь в снегу под звездным небом.

У нее включилась рация.

Глава 4

Мэгги

Когда я подъезжаю к красивому белому дому Ллойда и Ингрид в колониальном стиле, я вижу, что черная "субару" Бена Даймонда припаркована через дорогу, а синяя "вольво" Деклана стоит на углу, что говорит мне о том, что вся банда в сборе. Наблюдение за транспортными средствами на улице, фиксирование того, кто приехал, а кто нет, по-прежнему является для меня второй натурой. От старых привычек трудно избавиться.

Ллойд открывает дверь. — А мы все гадали, когда же ты появишься, — говорит он, когда я вхожу в дом, неся свой вклад в вечернее застолье.

— Как вкусно пахнет, — говорю я, протягивая ему свое блюдо. — что ты готовил?

— Это моя первая попытка сделать поркетту. Но сначала мартини! Деклан уже положил твой "Бельведер" в морозилку.

Я вешаю пальто и иду в гостиную, где в камине потрескивает огонь — настоящий дровяной, а не газовый. Из кухни доносится аромат карри и чеснока, а на кофейном столике Ллойд разложил экстравагантный поднос с закусками: салями и мортаделлой, оливками и сырами. В этом доме Ллойд полностью взял готовку на себя, и, судя по его талии, он же и принимает большую часть пищи. Остальные стоят вокруг камина с бокалами мартини в руках. Возможно, мы и окрестили эти встречи вечерами нашего "книжного клуба", но на самом деле мы пришли за мартини.

И за сплетнями. Сплетни были валютой нашей прежней жизни, до того, как мы нашли дорогу в этот тихий уголок штата Мэн. Бен Даймонд был первым, кто установил здесь флаг девять лет назад. Он рано вышел на пенсию, чтобы позаботиться о своей больной жене, и его поиски идеального города привели его сюда, в деревню Пьюрити. Там было все, что ему требовалось: книжный магазин, приличная городская библиотека, кофейня, где подавали эспрессо, и поблизости не было ядерных объектов.

Через год после того, как Бен перебрался сюда, его жена умерла, но он остался в Пьюрити. Несколько лет спустя он уговорил Ингрид и Ллойда, а затем и Деклана, чтобы они, уйдя на пенсию, тоже приехали сюда. Я не сомневаюсь, что есть и другие люди, подобные нам, спокойно доживающие свой пенсионный возраст по всему Мэну, штату, который долгое время использовался Агентством как удобное место для конспиративных квартир. Хотя эти коллеги не представились мне, Бен наверняка знает, кто они такие. Бен знает все.

Деклан подаёт мне бокал мартини. Он настолько холодный, что его больно держать, а мне как раз такие и нравятся.

— Мы слышали, у тебя сегодня был неожиданный гость, — говорит Ингрид.

Я смотрю на Деклана, который был единственным человеком, которому я рассказала об этом визите. Он виновато пожимает плечами. — Ты определенно не терял времени даром, распространяя эту новость. — говорю я.

— Я счёл нужным рассказать им об этом. Когда в нашем маленьком городке появляется посторонний, это вызывает волну возмущения.

— Расскажи нам о ней?! — просит Ингрид.

Я делаю глоток этого о-о-очень холодного, о-о-очень нежного мартини. — Она сказала, что ее зовут Бьянка.

Теперь они все придвигаются поближе, чтобы присоединиться к разговору. Все это время они ждали, прислушивались. Они всегда прислушиваются к любым крупным фрагментам информации, которые могут оказаться полезными.

— Бьянка. Это имя мне ни о чем не говорит. — сказала Ингрид. Остальные тоже качают головами.

— Новое лицо. — говорю я им. — Чуть за тридцать. Рост пять футов семь дюймов, вес около ста тридцати фунтов. Черные волосы, карие глаза.

— Какой-нибудь региональный акцент?

— Для моего уха это трудноуловимо. Возможно, британский английский. Приобретённое произношение. Может быть, она прожила там несколько лет.

Они все кивают, впитывая эту информацию. Этим четверым не нужно делать заметок; теперь это навсегда зафиксировано в их сером веществе.

— Что ей здесь было нужно? — спрашивает Ингрид, поправляя свой шарф. В городе, где чистая рубашка и синие джинсы считаются нарядной одеждой, Ингрид никогда не отказывалась от своего чувства стиля. Ее серебристые волосы элегантно уложены и скреплены оловянной заколкой-бабочкой, а шелковый шарф идеально завязан на шее. Она может выглядеть как матрона с Парк-авеню, но за ее мягким приятным выражением лица скрывается гений взлома шифров.

— Она пришла по поводу одного старого дела, в котором я участвовала, — говорю я, жалея теперь, что доверилась Деклану. — ничего особенно интересного.

— И все же для нее было достаточно важно проделать весь этот путь, чтобы увидеть тебя. Как давно было это, гм, дело?

— Много лет назад. — Я поворачиваюсь и бросаю на Деклана мрачный взгляд. Он смотрит прямо на меня, его взгляд непоколебим. — Старая история. — добавляю я.

— Почему они спрашивают тебя об этом сейчас?

— О, ты же знаешь, как это бывает с этим новым поколением, — говорит ее муж Ллойд. — у них нет должного представления об истории операций. Они нуждаются в том, чтобы мы ввели их в курс дела.

Ингрид не собирается уходить от этой темы. В отличие от Ллойда, она чувствует, что за визитом Бьянки кроется нечто большее, чем я им рассказала. — Чего она хотела от тебя?

Я делаю еще один глоток мартини, обдумывая свои следующие слова. — Много лет назад я работала с одной женщиной. Она пропала из виду, и им нужна моя помощь в ее поисках.

Ллойд фыркает. — Сначала они говорят нам, что мы стали слишком стары для этого

дела, а потом приходят к нам за помощью, когда понимают, что не знают, что делать. Пусть они учатся на работе, как это делали мы. — Он постукивает себя по голове. — Все по-прежнему на месте. Каждая мелочь, если бы они только потрудились спросить нас.

Бен, кажется, обеспокоен этим разговором. В свои семьдесят три года он самый старший среди нас и неофициальный глава нашего тесного маленького круга. — Мне не нравится, как это звучит. — говорит он.

— Какая часть из этого? — спрашивает Ллойд.

— Она является сюда без предупреждения и просит тебя о помощи. Это выходит за рамки дозволенного. Эта деревня — наша личная демилитаризованная зона. Это причина, по которой мы здесь живем, — чтобы нас оставили в покое.

— Ну, я её, разумеется, не приглашала. — говорю я.

— Бьянка. Бьянка... — Ингрид роется в своей потрясающей памяти в поисках имени. — На какое бюро она работает?

— Она не сказала. Если я не ошибаюсь, Восточная Азия?! Потому что женщину которую она ищет, в последний раз видели в Бангкоке.

— Псевдоним? — предполагает Деклан.

— Или она такая новенькая, что мы о ней не слышали. — говорит Ингрид.

Я думаю о женщине, которую встретила на собственной кухне. От неё так и веяло хладнокровием и готовностью пойти на смертельный риск. — Это не какая-то салага. Она прошла полевые испытания.

— Тогда мне придется спросить своих друзей в штаб-квартире. Посмотрим, знают ли они о ней.

— Заодно спроси в штаб-квартире, не планируют ли они прислать еще каких-нибудь посетителей. — добавляет Бен.

Ллойд вернулся к бару и наливает себе еще мартини. — Что скажешь, если мы продолжим нашу программу? Деклан принес свое знаменитое карри из козлятины. И я потратил все утро на то, чтобы опалить щетину со свиной грудинки, так что, надеюсь, вы отнесетесь к моей поркетте с должным уважением.

Предполагалось, что это заседание книжного клуба, но никто даже не упомянул название книги, которую мы должны обсудить. Ибн Баттуте и его приключениям в средневековом мире придется подождать, пока наши желудки не наполнятся и мы не обменяемся сплетнями. Мы все переходим в столовую, где вскоре накрывается стол с неизменно превосходным карри Деклана, персидским рисом Бена, свиной Ллойда и моим тайским ларбом — рецептами, которые мы собрали за годы работы в отдаленных местах. Жизнь за границей меняет ваш вкус; пристрастие к чили — это реальность.

Я смотрю на сидящих за столом, на кружок знакомых лиц, на волосы, которые поседели, или начинают седеть, или — как в случае с Беном — совсем исчезли. В этих мозгах накоплен более чем вековой опыт, но время идет своим чередом. Сюда приезжает молодежь, и мы становимся расходным материалом. Итак, мы прогуливаемся по нашей тихой маленькой деревушке, рассказывая о книгах, которые мы прочитали, и блюдах, которые мы готовили, а также о том, где найти лучший онлайн-источник коры кассии и сычуаньского перца-горошка. Полагаю, что есть вещи и похуже.

Звонит мой сотовый.

Я не жду никаких звонков, и это необычно, что мне вообще кто-то звонит, потому что я поделилась своим номером мобильного с весьма небольшим кругом людей. Я опускаю

взгляд на свой телефон и вижу имя Лютера Янта в идентификаторе вызывающего абонента. Он, наверное, звонит, чтобы еще раз поблагодарить меня за лисью шкурку, которую я подарила ему сегодня утром.

— Привет, Лютер. — отвечаю я, осознавая, что мои товарищи по ужину перестали разговаривать и прислушиваются. Это привычка, от которой мы, похоже, уже никогда не избавимся — подслушивать.

— Как там у тебя дела? — спрашивает Лютер.

— Я ужинаю в гостях у друзей.

— А, ну хорошо. Я просто хотел убедиться, что с тобой все в порядке.

— А почему бы мне не быть в порядке? В чем дело?

— Прямо сейчас у тебя в доме творится какая-то неразбериха. Я услышал сирены и подумал, что, может быть, у тебя пожар или ещё что. Я только что вышел на свое крыльцо и вижу полицейские машины у тебя на подъездной дорожке. Сейчас Келли обуется и мы пойдем посмотрим.

— Нет, ни в коем случае. Вы оба держитесь подальше. Я прямо сейчас возвращаюсь домой. — Я кладу трубку и смотрю на четыре лица, уставившиеся на меня. — Мне нужно идти. Что-то случилось в моем доме.

Деклан откладывает салфетку. — Я пойду с тобой.

— Нет, пожалуйста. Продолжайте ужинать без меня. Я сама разберусь.

Тем не менее, Деклан провожает меня до входной двери. В нем всегда была нотка старомодной вежливости. Возможно, это связано с тем, что он сын дипломата, или с тем, что он вырос в швейцарских школах-интернатах, детство которых так отличалось от моего собственного. Мое детство научило меня, что я никогда не должна полагаться на помощь мужчины; Деклан же вырос, веря, что помочь нуждающейся женщине — его мужской долг.

— Брось, Мэгги, меня не затруднит поехать вместе с тобой, — говорит он — если назревают какие-то неприятности, ты не должна разбираться с ними в одиночку.

— Разумеется, не буду, только не с полицейскими машинами на моей подъездной дорожке. Но спасибо тебе.

Когда я уезжаю, он все еще стоит на крыльце и смотрит мне вслед. Я испытываю почти облегчение, когда он наконец исчезает из виду, и я могу сосредоточиться на том, что, возможно, происходит в моем доме. Могла ли я оставить плиту включенной? Кто-нибудь пытался вломиться внутрь? Что бы это ни было, я предпочитаю разобраться с этим самостоятельно.

Когда я сворачиваю на свою частную дорогу, я вижу синие огоньки, мелькающие среди деревьев. Две полицейские машины. Лютер не преувеличивал; должно было произойти что-то по-настоящему серьезное, чтобы обе патрульные машины Пьюрити приехали к моему дому. Я подъезжаю к одному из патрульных автомобилей и выхожу в похуже на стробоскопы вспышки габаритных огней. Моему вниманию сразу же предстаёт причина, по которой здесь находится полиция.

На моей подъездной дорожке лежит тело. Яркий свет фар патрульной машины освещает лицо женщины. Лицо, которое я сразу узнаю. Бьянка лежит на спине, ее глаза обращены к небу, руки раскинуты по бокам, как будто ее распяли. На ней та же одежда, в которой она была сегодня днем, когда стояла у меня на кухне: узкие черные брюки, облегающий синий жакет, ботинки на шнуровке. У нее во лбу пробиты два пулевых отверстия. Двойное нажатие. Казнь.

Трое полицейских в форме стоят и смотрят на меня, двое мужчин и женщина. Все они молоды и гораздо больше привыкли раздавать штрафы за нарушение правил дорожного движения или помогать заблудившимся туристам. В нашей деревне Пьюрити почти не бывает убийств, и в тех редких случаях, когда это происходит, полиция обычно знает, кого арестовывать. Мужа. Бойфренда. Эта ситуация выбила их из колеи, и они смотрят на меня так, как будто у меня есть ответы на все вопросы.

— Вы здесь живете, мэм? — спрашивает женщина-полицейский. Она крепкая блондинка, с волосами, завязанными сзади в строгий конский хвост. Несмотря на свою молодость, у нее властный вид, и она, очевидно, старший офицер в этой тройке. Властная, но все же достаточно вежливая, чтобы называть меня "мэм", уважительным тоном, каким обращаются к старушке.

— Да. Я Мэгги Берд. Я владелец этой фермы. А как вас зовут?

— Джо Тибодо, полиция Пьюрити. И сами видите, что...

— На моей подъездной дорожке лежит мертвая женщина.

Она замолкает, очевидно, застигнутая врасплох моей прямолинейной оценкой. Возможно, она ожидала от меня большего драматизма — крика, рыданий, судорожных всхлипов, в общем чего-то большего, чем я выказываю, но драматизм не в моей натуре. Вместо этого я спокойно оцениваю ситуацию. Я смотрю на руки Бьянки, отмечая, что обе они в синяках и почернели, ее пальцы согнуты и вывернуты под гротескными углами.

— Где вы были сегодня вечером? — спрашивает Тибодо.

Я снова сосредотачиваюсь на полицейском. — Я ужинала с друзьями в городе, и мне позвонил сосед. Он живет вон в том доме. — Я указываю на хижину Лютера. — Он сказал что на моей подъездной дорожке стоят полицейские машины, так что я сразу поехала домой. — Я снова смотрю на тело — Кто нашел ее?

Тибодо хмурится. Я веду себя не как шокированная бабушка, какой она меня себе представляла. — Водитель "Федерал Экспресс". Он был здесь, чтобы доставить посылку. Это была его последняя доставка за день.

Я бросаю взгляд на свое крыльцо, но там нет никакого пакета. Я ждала новые лампы для обогрева партии цыплят, которую заказала на весну, и теперь, похоже, моя доставка задержится.

— Вы знаете, кто эта женщина, мэм? — спрашивает полицейский.

Снова мэм. Меня начинает это раздражать. — Она сказала мне, что ее зовут Бьянка.

— Значит, вы ее знаете.

— Не совсем.

— Вы знаете ее фамилию?

— Она не говорила. Я встречалась с ней только сегодня днем, когда она заглянула ко мне домой.

— Зачем она приходила?

Правда слишком сложна, чтобы ее мог переварить полицейский из маленького городка. — Она пришла купить свежих яиц. Это был единственный раз, когда мы с ней разговаривали.

Воцаряется тишина. Может я и могла бы придумать ответ получше, но мартини плюс несколько бокалов вина притупили моё остроумие. Любое объяснение, более близкое к истине, только вызовет еще больше вопросов.

Я быстро задаю один из своих вопросов. — Как тело оказалось здесь?

Никакой реакции.

Я смотрю вниз на многочисленные следы шин, оставленные моим пикапом, грузовиком FedEx и двумя полицейскими патрульными машинами. Сбивающее с толку нагромождение перекрещивающихся следов протектора. — Вы нашли поблизости какую-нибудь машину? — спрашиваю я.

— Нет, мэ.м.

Я наклоняюсь, чтобы поближе рассмотреть тело, и она рявкает: Отойдите! Мы должны оставить всё так, как есть, для полиции штата.

Я повинуюсь ей и делаю шаг назад, но я уже увидела достаточно. Улики очевидны по раздробленным рукам и переломанным пальцам. Прежде чем ее убили двумя пулями в голову, Бьянку пытали. Для получения информации? В качестве предупреждения? И почему убийца решил выбросить тело на моей подъездной дорожке? Если он или она отправляет мне сообщение, то я не понимаю, что оно означает.

— Во сколько вы ушли из дома сегодня вечером? — спрашивает Тибодо.

— Это было около шести часов, и тогда здесь определенно не лежало тело.

— Это было три часа назад. Кто-нибудь может подтвердить, где вы были последние три часа?

Меня раздражают эти вопросы, хотя я знаю, что задавать их — ее работа. Я также знаю, что на самом деле она не может считать меня подозреваемым, потому что я не похожа на человека, который стал бы пытаться женщину, всадил две пули ей в голову и оставил тело выставленным на всеобщее обозрение на моей собственной подъездной дорожке. Это не только маловероятно, но и нелогично.

— Вы можете поговорить с Ллойдом и Ингрид Слокум, — говорю я ей — они живут на Честнат-стрит, 651. Они были ведущими нашей книжной группы сегодня вечером, и они подтвердят, что я была там.

Тибодо записывает имена в блокнот и кладет его обратно в карман. Ингрид и Ллойд, конечно, подтвердят скучную правду: мы встретились сегодня вечером за вкусным ужином, обильным вином и оживленным обсуждением путешествий Ибн Баттуты. Считается, что именно таким вечерам, мы, пенсионеры, и должны предаваться. Я сомневаюсь, что полиция спросит, от чего мы все ушли на пенсию, потому что, когда вы находитесь за бугром, то, что вы делали в своей прошлой жизни, мало кого интересует.

— Я заметила, что на вашей территории установлены камеры видеонаблюдения. — говорит Тибодо.

Я не удивлена, что она искала их; едва ли в Америке найдется район, за которым не следили бы чьи-нибудь уличные камеры Ring, Wyze или Blink. Тем не менее, я надеялась сама просмотреть записи, прежде чем делиться ими с полицией.

— Да — признаю я.

— Нам нужно будет посмотреть отснятый материал. А также заглянуть в ваш дом.

— Заглянуть в дом? Зачем?

— На вашей подъездной дорожке лежит мертвая женщина, и мы не знаем, кто убийца и где он находится. Я хочу убедиться, что он не прячется в вашем доме, — Она замолкает. — ради вашей же безопасности.

Это разумная просьба, которую любая женщина, живущая одна, обычно приветствовала бы. Я киваю и достаю ключи от дома.

Тибодо и один из ее офицеров-мужчин следуют за мной по ступенькам крыльца ко

входной двери. Она по-прежнему надежно заперта, и нет никаких признаков того, что ее взломали. Они прямо за мной, когда я вхожу внутрь и включаю свет. Все так, как я оставила три часа назад. Я не знаю, что они ожидают увидеть, когда яведу их на кухню — возможно, орудие убийства, удобно оставленное на виду, или какие-нибудь компрометирующие брызги крови, отмечающие комнату, где я пыталась и застрелила Бьянку. Все, что они видят, — это моя старая фермерская кухня, мои чугунные сковородки, висящие на вешалке, несколько грязных тарелок в раковине.

Я провожу их через гостиную, которую обставила в стиле разумной бережливости янки. Диван, обитый серой шерстью, был приобретен со скидкой в мебельном магазине в Бангоре. Журнальный столик из березы, прикроватные столики из сосны и кресло-качалка с веретенообразной спинкой были приобретены на дворовой распродаже и доставлены домой с помощью Деклана, который всегда готов помочь загрузить мой пикап. Здесь нет ничего броского, ничего такого, что привлекло бы внимание полицейского. Обычный — вот что говорит мой дом любому, кто его посещает. Обычный — это тихий, ненавязчивый и безопасный.

Я веду их вверх по скрипучей лестнице на второй этаж. Это старый дом с допотопной системой отопления, и в спальнях зябко даже в свитере и шерстяных носках. Сегодня вечером мне придется подбросить в дровяную печь еще несколько поленьев, чтобы не было холодно. Хотя я возмущена их вторжением в мою частную жизнь, но если я не буду сотрудничать, это приведет к ордеру на обыск и глубокому погружению в мое прошлое, а этого я не могу себе позволить, поэтому я беру их с собой в большое турне. Спальни, ванне комнаты, гардеробные.

Убийца нигде не прячется.

И наконец мы оказываемся в моей спальне. Через окно я могу смотреть вниз на две патрульные машины, припаркованные на подъездной дорожке. Мой дом теперь превратился в место преступления. Не лучший способ оставаться в тени.

— Хорошо, мэ, похоже, все чисто. С вами все должно быть в порядке, — говорит Тибодо. Она думает, что оказала мне услугу, подтвердив, что старая дева в безопасности. — А теперь, не могли бы вы показать нам записи с камер наблюдения?

Это не просьба, а приказ. Хотя мне не хочется делиться какими-либо кадрами до того, как я просмотрю их сама, у меня нет никакого способа отвертеться. Мы спускаемся вниз к настольному компьютеру на кухне. Это тот же компьютер, который я использую для ведения своего фермерского бизнеса: заказ цыплят, продажа яиц, закупка кормов. На нем нет ничего секретного, ничего, что стоило бы скрывать, и даже мой пароль для входа в систему до смешного прост: BlackberryFarm431#. Я не пытаюсь скрыть от них то, что печатаю.

На главном экране — фотография одного из моих старых призовых петухов, сэра Галахада, который, к сожалению, скончался после стычки с белоголовым орланом. Птичий символ нашей страны также является проклятием для моей стаи. Моя система безопасности обеспечивает мне свободный доступ со всех моих устройств, и здесь может возникнуть проблема, поскольку за моей спиной стоят два копа, когда я набираю другой пароль, на этот раз сложную последовательность цифр и символов, для доступа к системе безопасности. Мои пальцы двигаются так быстро, что я уверена, что их представление о пароле безнадежно размыто.

Появляется домашняя страница "Моя безопасность". На экране отображаются шестнадцать различных видеовходов с камер, установленных в различных точках обзора

дома, а также в сарае.

— Святая корова, — бормочет мужчина-полицейский. — Какая у вас замысловатая система наблюдения. — Вероятно, он ожидал трансляции с одной камеры — всего того, что нужно большинству людей и с чем они могут справиться. Вместо этого они смотрят на каналы высокого разрешения в формате 4К с каждой точки входа.

— Я ушла из дома около шести, — говорю я. — давайте оттуда и начнем.

Я отматываю видео назад до 17:50 вечера. К тому времени уже стемнело, и камеры переключились на инфракрасную передачу. В 17:58 я выхожу из своей парадной двери. Запираю её на ключ, спускаюсь по ступенькам крыльца и забираюсь в свой пикап.

— Вот я уезжаю, — говорю я, когда мой грузовик отъезжает. — как я и говорила.

Тибодо просто кивает. По крайней мере, теперь я вычеркнута из ее списка подозреваемых, если вообще когда-либо была в нем. Видео продолжается дальше: 18:05. 18:10. Ничего не происходит.

— В котором часу позвонил представитель “Федерал Экспресс?” — спрашиваю я.

— 19:36.

Я увеличиваю скорость воспроизведения в два раза. Нет смысла сидеть здесь следующий час, наблюдая, как ничего не происходит. И ничего не происходит — до 19:05 вечера.

Появляется автомобиль, темный внедорожник, и моя аудиопередача улавливает звук двигателя. Его фары выключены, и в темноте светятся только огни двигателя. Тот факт, что водитель выключил фары, говорит мне о том, что он знает, что в моем доме есть камеры наблюдения. Как и тот факт, что он скрыл свои номерные знаки, как спереди, так и сзади. Машина останавливается у моего крыльца. Водительская дверь распахивается, но плафон освещения не включается; он отключил его.

Я чувствую, как оба копа наклоняются прямо ко мне сзади, их дыхание касается моих волос. Мое собственное сердце бешено колотится, когда я наблюдаю за фигурой, выходящей из машины. В капюшоне. В маске. Весь в черной одежде, свободного покроя и бесформенной. Мои камеры — лучшие на рынке, но они не могут видеть сквозь ткань. Фигура подходит к задней части внедорожника, открывает багажник, и что-то достает. Не раздается ни звука, даже самого слабого стопа, когда он или она вытаскивает тело наружу и позволяет ему упасть на землю. Я знаю, сколько сил требуется, чтобы двигать безвольное тело, а этот человек делает это так, что кажется, будто это не требует усилий.

Это должен быть мужчина.

Теперь он делает то, в чем мало смысла. Он наклоняется и переворачивает тело на спину. Зачем располагать его лицевой стороной вверх? Чтобы сделать сувенир, который он оставил после себя, еще более неприятным? Он, вероятно, предполагает, что именно я обнаружу тело, что я приеду домой сегодня вечером, а там будет она, невидящими глазами смотрящая прямо на меня. Он не мог предвидеть, что какой-нибудь бедный водитель FedEx появится первым.

Нет, этот сюрприз предназначался специально для меня. И я понятия не имею почему.

Уложив тело, убийца забирается обратно в свой внедорожник и уезжает, скрывшись из поля зрения моих камер. Направляется куда-нибудь, где можно будет выставить номерные знаки на всеобщее обозрение, и снять капюшон с маской. И снова он будет обычным человеком, разъезжающим по городу на обычном внедорожнике.

— Что, черт возьми, это было? — Тибодо смотрит на меня.

— Понятия не имею, — говорю я. И я действительно не имею понятия. Все, что я знаю, это то, что это было не случайное место для избавления тела. Кто бы это ни сделал, он знал, что его действия будут засняты на камеру, поэтому позаботился о том, чтобы скрыть любые опознаваемые улики. — но это доказывает, что я сказала вам правду, — говорю я. — я вышла из дома около шести, как и сказала. Если вам нужно подтверждение, вы можете поговорить с Ллойдом и Ингрид. Вы также можете позвонить Бену Даймонду и Деклану Роузу. Сегодня вечером они тоже были в книжном клубе. Они все скажут вам, что я была с ними этим вечером.

— Да, мэм. Я поговорю с ними.

— Теперь, я полагаю, вам нужен этот видеофайл?

— Полиция штата, безусловно, его потребует.

— Тогда я сделаю для вас копии.

Двое копов уже собираются покинуть кухню, когда Тибодо внезапно оборачивается и обращается ко мне. — Вы чувствуете себя здесь в безопасности?

— В моем собственном доме? Да.

— Даже после того, что произошло снаружи дома?

— Я не могу представить, что это имеет какое-либо отношение ко мне.

Мгновение она оценивающе смотрит на меня. В ярко освещенной кухне я, наконец, могу прочитать ее имя на бейджике: офицер Джо Тибодо. Между нами есть тревожные сходства, в ее вопросах, без лишней чепухи, в ее владении ситуацией. В ее возрасте я была так же уверена в себе, но опыт научил меня, что чрезмерная самоуверенность опасна. — Как вы думаете, почему он бросил тело именно здесь? — спрашивает она.

— Я не знаю.

— Может, вы узнали машину?

— Это темный внедорожник. Половина людей в этом городе ездят на таких машинах.

— Вы ведь не так давно живёте в Пьюрити, не так ли, мисс Берд?

— Я купила эту ферму два года назад.

— А где вы жили до этого?

— Последний дом, которым я владела, находился в Рестоне, штат Вирджиния. Но я жила во множестве разных мест.

— По работе?

— Да.

— Что за работа?

— Я была аналитиком по импорту. Работала в таможенной брокерской компании, занимаясь экспортной логистикой для иностранных компаний. — Вот момент в моем резюме, когда глаза большинства людей стекленеют, и они не хотят больше ничего слышать о моей работе. Ее же подозрительность, кажется, только обостряется.

— И что привело вас в Пьюрити?

— Название этого места. (Purity англ. — чистота, непорочность) Мне хотелось место с чистой водой, чистым воздухом. Место, где я могу прогуляться по лесу. Почему вы спрашиваете обо всем этом?

— Мне интересно, почему вы так спокойно отреагировали. Почему наличие мертвого тела на вашей подъездной дорожке, вас словно бы и не пугает? Большинство людей от этого пришли бы в ужас.

— В моем возрасте, офицер, меня уже ничто особо не пугает.

Уголок ее рта приподнимается. В нее как будто вмонтирован счётчик брехни, и он сигнализирует ей, что я рассказываю не всю историю, но сегодня вечером она больше ничего от меня не добьется.

— С вами скоро свяжется полиция штата. — говорит она.

— Скажите им, чтобы не приходили до утра. Уже поздно, и я очень устала.

И я измотана, но после того, как двое полицейских покидают мой дом, я не поднимаюсь в спальню. Через кухонное окно я наблюдаю за происходящим на подъездной дорожке. Интересно, понимает ли офицер Тибодо, сколько лжи я нагородила ей сегодня вечером?

Я не могу себе представить, что это имело какое-то отношение ко мне.

Это самая большая ложь из всех. Конечно, это имеет отношение ко мне. Чего я не знаю, так это того, какое сообщение должно было передать мне тело, лежащее на моей подъездной дорожке. Попытка напугать меня? Или это подарок, точно так же, как кошка приносит вам дохлую мышь? Способ сказать мне: мы позаботились о вашей маленькой проблемке. Не благодарите. У меня есть два варианта на выбор, каждый из которых ведет в совершенно разных направлениях.

Я настраиваю сигнализацию. Если какая-нибудь дверь, или окно, приоткроются хоть на миллиметр, я узнаю об этом. Я направляюсь в свой кабинет, где на письменном столе случайно лежит мой экземпляр "Путешествий Ибн Баттуты". Это увлекательный рассказ о путешествиях молодого человека в 1300-х годах, от Марокко до Центральной Азии и Китая. Было ли это простым совпадением, что я случайно выбрала ее для легкого чтения, или это было предзнаменование? В тот самый вечер, когда наша книжная группа обсуждает этот самый средневековый травелог, кто-то поджигает спичку моей тщательно перестроенной жизни, угрожая спалить ее дотла. Я подхожу к книжной полке, нащупываю защелку сбоку и отпускаю ее. Вся нижняя полка откидывается, открывая нишу — хитроумная столярная работа, которой я обязана новообретенным навыкам Деклана, как столяра. Пенсионерам ведь нужны хобби. Внутри ниши я храню свою дорожную сумку. За прошедшие годы я сократила её содержимое до самых основ, ровно настолько, чтобы быстро покинуть город и спрятаться где-нибудь на несколько недель. Паспорта, кредитные карты, несколько пачек наличных в разных валютах и несколько рабочих инструментов. Инструментов, которые, как я надеялась, мне больше никогда не понадобятся.

Жизнь полна сюрпризов.

Я достаю сумку и несу ее наверх, в спальню. Я хочу, чтобы она была рядом со мной. Если вдруг мне придется бежать, я не хочу разыскивать её впотьмах.

Но сегодняшним вечером я буду в безопасности. На подъездной дорожке слишком много копов, слишком много внимания приковано к моему дому. В кои-то веки я счастлива быть тем, кого обслуживают и защищают местные правоохранительные органы. Тем не менее, прежде чем выключить лампу, я кладу свой "вальтер" на прикроватную тумбочку. Занавески в спальне не могут заслонить свет полицейских машин снаружи; даже сквозь плотную ткань я вижу вспышки огней на стеллажах.

Мой сотовый раздражается сигналом сообщения. Это Лютер.

— Все в порядке?

Я набираю ответ: На моей подъездной дорожке лежит мертвая женщина.

— Святой Иисусе!

— Возможно, копы скоро свяжутся с тобой.

— Мы ничего не видели.

— Ну и отлично.

У меня звонит телефон. Это не Лютер, а Деклан Роуз. Я беру трубку.

— Я слышал, тебе нужно алиби — говорит он.

— Тебе уже звонили из полиции?"

— Пять минут назад. Очаровательный сотрудник полиции Пьюрити, по имени Джо Тибодо, спросила, была ли ты сегодня вечером в нашем маленьком книжном клубе. Я подтвердил. Полагаю, что правда тебе в данном случае на руку?"

— На этот раз, да.

— Ты там в безопасности, Мэгги?

— Не знаю... — Я наблюдаю за мигающими огнями сквозь занавески и думаю о том, что ни одна ситуация никогда не бывает совершенно ясной. Всегда есть что-то, заслоняющее обзор, затуманивающее правду. Я думаю о дорожной сумке рядом с моей кроватью и о том, как легко было бы всё бросить, уехать из города, даже из страны. Но теперь это мой дом, и я потратила два года на то, чтобы построить эту жизнь, приспособиться к ее ритмам. Я устала переезжать, устала искать место для приземления. Вот оно. На этом странствия заканчиваются.

— Я могу приехать прямо сейчас, — говорит Деклан. — посплю на твоём диване.

— Зачем?

— Составить тебе компанию? Поиграть в сторожевого пса?

Я смеюсь. — Ты действительно джентльмен, Деклан, но прямо сейчас на моей подъездной дорожке столько копов, что мне определенно не нужна сторожевая собака.

— Что ж, тогда звони, если я тебе понадобится. Для чего угодно.

— Так и сделаю.

Я кладу трубку и лежу в полумраке, наблюдая за мерцанием света сквозь занавески. На моей подъездной дорожке лежит мертвая женщина, женщина, которая попросила меня помочь найти Диану Уорд. Прошло шестнадцать лет с тех пор, как я в последний раз видела Диану, шестнадцать лет с тех пор, как я оставила карьеру, которую любила. Те годы не были добры ко мне; я вижу это, когда смотрю в зеркало. Интересно, как сейчас выглядит Диана?

Я закрываю глаза и представляю Диану постарше, ее волосы седеют, кожа начинает обвисать. Внезапно ее образ распадается, такой же мимолетный, как отражение в воде, и в моем сознании расцветает другой образ. Это лицо, которое я вижу каждую ночь, когда закрываю глаза, лицо, которое я буду видеть всегда.

Дэнни.

Глава 5

Бангкок, 24 года тому назад

Мы встретились случайно. По крайней мере, кажется, что случайно. Своего рода дружеская встреча, от коих я обычно уклоняюсь, потому что по натуре скептически отношусь к кажущимся невинными мотивам людей. Я приобрела этот скептицизм в детстве, когда росла с отцом, который почти никогда не говорил правды, отцом, чьи поездки в город на встречу с клиентом в девяти случаях из десяти заканчивались посещением бара "Тинхорн" на Мейн-стрит. Именно там я обычно находила его вечером, он выпивал шесть рюмок и поднимал шум. Были случаи, когда он действительно встречался с клиентом, когда он действительно говорил правду, и этот один случай из десяти всегда приводил меня в замешательство. Если бы он лгал все время, у меня, по крайней мере, была бы хоть какая-то

уверенность в жизни. Именно возможность лучшего исхода сводит вас с ума, порождает надежду, которая в конечном счете приводит к разочарованию. Я была похожа на алмазодобытчика, который продолжает долбить камни в поисках драгоценного камня в груди щебня. Ты знаешь, что где-то там он должен быть, и готов потратить всю жизнь на его поиски.

До тех пор, пока однажды не перестанешь. Однажды ты скажешь: "Да к чёрту все это дерьмо", соберешь манатки и уедешь, как это сделала моя мать много лет назад. Так что да, я подвергаю сомнению все. Это именно то, что делает меня лучшей в моей работе.

На сегодняшний день я в отпуске и жажду острого супа с лапшой. В отпуске все по-другому. Мир кажется почти безобидным, и кажется, что люди действительно имеют в виду именно то, что говорят, когда улыбаются. Это не оправдание, но это объясняет мою беспечность сегодня днем. Небо только что разразилось муссонными дождями, и каждый стремится спрятаться под никуда не годными тентами уличного рынка Ван Ланг. Я не могу протиснуться под край навеса, и задняя часть моих джинсов быстро промокает, но это теплый дождь, долгожданная передышка в неослабевающей жаре Бангкока. Я покинула свой отель и пересела на паром через реку только для того, чтобы съесть тарелку супа именно этого повара, которого нашла во время предыдущего задания в Таиланде. Мои коллеги уже улетели домой, но я планирую остаться еще на четыре ночи, просто чтобы насладиться Бангкоком. Я буду спать столько, сколько захочу, и есть то, что захочу, и все это за счет правительства. А что я хочу съесть сегодня днем, так это острого говяжьего супа с лапшой.

Продавец протягивает мне миску, от которой исходит аромат звездчатого аниса и корицы. Это стоит всего шестьдесят бат. Два доллара, которые даже не стоят того, чтобы брать с дяди Сэма оплату за это блюдо.

Я несую миску к единственному свободному столику и устраиваюсь на низком пластиковом табурете. Такое ощущение, что я сижу за детским столиком, но мне повезло найти хоть какой-нибудь насест, защищенный от дождя. Когда я с шумом втягиваю в рот первые ниточки лапши, я лишь краем глаза замечаю мужчину, который стоял в очереди позади меня у тележки продавца. Потом я слышу, как он спрашивает: "А что взяла та дама? Можешь ли ты дать мне то же самое?"

Я поднимаю глаза и вижу, что он указывает на мою миску. Тайская женщина, управляющая тележкой, не понимает, что он говорит. Он переспрашивает ее, и в голосе его слышна беспомощность. Британский акцент. Я не сильна в акцентах, но этот не из аристократических. Мне кажется, он моложе меня, или, может быть, дело в атмосфере, которую он излучает. Широко распахнутые глаза. Горящие. Такие бывают у тех, кто радуется каждому новому опыту. У него взъерошенные светлые волосы, месяцами не знавшие парикмахера. У его выцветшего синего рюкзака одна лямка заклеена скотчем, а из кармана торчит сложенная карта Таиланда. На нем шорты-карго и туристические сандалии, а его орехово-коричневый загар повествует мне о том, что он некоторое время провел в тропиках. На его футболке тайская надпись, которая переводится, примерно, как "Глупый турист". Интересно, знает ли он об этом?

Он выкладывает свои шестьдесят бат, забирает тарелку супа и осматривает помещение в поисках свободного столика, но его нет. Мгновение он стоит, держа свою миску, с растерянным видом. Дождь барабанит по тенту, и река воды течет по затопленной улице, пачкая его сандалии. За моим столом есть пустой стул. Я могла бы опустить голову и продолжать есть, притворяясь, что его здесь нет. Проходят секунды, пока я взвешиваю все за

и против.

— Вы можете сесть здесь — предлагаю я.

Дождь шумит так громко, что он меня не слышит.

— Эй! — зову я его.

Он поворачивается и видит, что я указываю на пустой стул. Улыбнувшись, он ставит свою миску на стол и складывает свои невероятно длинные ноги, чтобы устроиться на табурете.

— Мне не хотелось есть стоя. Спасибо!

— Я вижу, вы заказали тот же суп. — говорю я.

— Он выглядит таким аппетитным, что я решил последовать вашему примеру. Вы, кажется, в этом разбираетесь.” Он наклоняется над своей миской, отхлебывает немного бульона и восклицает: Божественно!

— Действительно вкусно, правда?

Он сосредотачивается на вкусах. — Звездчатый анис. Корица. Калган. Рыбный соус и... — Он кашляет, и его лицо внезапно становится пунцово-красным. — ...чили.

— Первоцвет. Не самый острый перец чили, но достаточно острый.

Он покраснел и вспотел от чили, но продолжает есть, возможно, из благодарности за то, что я наблюдаю за ним, или потому, что ему действительно это нравится, несмотря на жгучесть. Я это понимаю. Боль — это мощная приправа, другая сторона удовольствия. Некоторые из нас жаждут этого, ровно настолько, чтобы это напоминало нам, что мы живы.

— Здесь есть еще что-то, чего я не могу определить, — говорит он, откладывая ложку — что-то землистое, металлическое...

— Говяжья кровь.

Он удивленно поднимает на меня взгляд, и я вижу, что у него ярко-зеленые глаза. С этой спутанной гривой светлых волос он напоминает мне викинга, затерявшегося не в том веке, не на том континенте. — Серьезно?

— Абсолютно. — Интересно, не напугала ли я его, не оттолкнет ли он миску с отвращением?

Вместо этого он смеется. — Это блестяще! Это объясняет цвет. Насыщенность. — Он подносит миску к губам и допивает остатки супа. Я наблюдаю удовольствие в его самом первобытном и беззастенчивом проявлении.

Вот тогда-то у меня в голове и возникает видение. Образ нас двоих, лежащих в постели, наши конечности сплетены друг с другом, наши тела скользкие от пота.

— Вы всегда пытаетесь разобрать каждый компонент в пище? — спрашиваю я.

— Это раздражающе, да?

— Это аналитически. Вы, случайно, не химик?

— Вообще-то, врач. Такова уж моя натура — препарировать вещи, даже тарелки с супом с лапшой.

— Врач? — переспросила я.

Он, должно быть, слышит скептицизм в моем голосе, потому что смеется. По морщинкам вокруг его глаз я вижу, что он не так молод, как я думала, но близок к моему возрасту. — Я знаю, что сейчас не очень-то на него похож.

— Старый рюкзак сбил меня с толку.

Он опускает взгляд на заклеенную лямку. — Этот рюкзак через многое прошел, и я слишком сентиментален, чтобы выбросить его. Он был со мной на протяжении пяти лет

благотворительной работы в полудюжине лагерей беженцев.

— Где?

— В основном я бывал в Кении и Судане. Лечил все, от огнестрельных ранений до малярии.

— Так вы в Таиланде по работе?

— Нет, просто турист. Через несколько недель я должен вернуться домой в Лондон, и у меня никогда не было возможности исследовать Азию. Я пытаюсь охватить как можно больше мира, пока могу, прежде чем мне придется надеть галстук.

— Не похоже, чтобы вас радовала такая перспектива.

— Да нет, но... — вздыхает он. — ...мне пора начинать зарабатывать на жизнь.

— Для чего?

— Никогда не задавался таким вопросом.

— А всё-таки?

— Моей маме нужна помощь.

Такого ответа я не ожидала. — Похоже, вы очень хороший сын.

— Сейчас она сама по себе, и у нее задолженности по счетам. — Он пожимает плечами. — Ты делаешь то, что должен, но... — Он смотрит на тележки с дымящейся едой, на продавцов, на их столы, заваленные зеленью и неоновым-красным перцем чили. — я буду скучать по жизни без своего рюкзака.

— Вы, случайно, не в Бангкоке купили эту футболку?

Он опускает взгляд на свою рубашку. — Купил у продавщицы с тележкой.

— Вам кто-нибудь сказал, что там написано?

— Дама, которая мне её продала, сказала, что это означает "счастливый турист".

В конце концов, я решаю не говорить ему правду. Он действительно счастливый турист, в отличие от некоторых иностранцев с кислыми лицами, которых я вижу на террасе своего отеля. Те, кто вечно недоволен и всегда раздражен какой-нибудь мелочью, которая не соответствует их стандартам.

— Куда вы отправитесь дальше? — спрашиваю я.

— Я не знаю. У меня есть еще три недели свободы, прежде чем мне придется лететь обратно. Посоветуйте, куда отправиться.

— Я не уверена, что знаю ответ.

— Вы выглядите человеком хорошо ориентирующемся в мире. Во всех лучших местах, которые еще не нашли другие туристы.

Дождь прекратился, но вода продолжает капать с тента, забрызгивая тротуар прямо у него за спиной. Я думаю обо всех секретных местах, которые я знаю, о местах, о которых я не могу ему рассказать из-за того, что там происходит на службе нашей национальной безопасности. Места с щемящей красотой и ужасной историей.

— Попробуйте Чиангмай, — говорю я. — многие туристы любят это место.

— А вы?

— Там красиво. Не так изнуряюще жарко. И вам почти наверняка понравится тамошняя еда.

— А вы куда ездите в отпуск?

— Мне нравятся бывать в местах, где я никогда не бывала.

— Например, где?

Я делаю глоток из своей бутылки с водой и смотрю ему в глаза. — Мадагаскар.

Он раздражается смехом. — Почему-то я так и знал, что вы это скажете! Все говорят о поездке на Мадагаскар, как будто это место их мечты, но я не знаю никого, кому на самом деле довелось там побывать.

Теперь я тоже смеюсь, потому что это правда. Всегда что-то встает на пути. очередное задание, очередной кризис. Это желанное место назначения в списке желаний каждого.

— Вы американка? — спрашивает он.

— Родилась и выросла.

— Похоже, вы довольно много путешествуете. По работе?

— Это одно из преимуществ моей работы.

— А чем вы занимаетесь?

Я делаю еще один глоток воды, делаю паузу, чтобы рассказать свою предысторию. — Я аналитик по импорту в Europa Global Logistics.

— Европа? Как на спутнике Юпитера?

— Очень хорошо. Большинство людей этого не знают.

— Чем занимается ваша компания?”

— Мы занимаемся таможенным брокерством. Занимаемся глобальной логистикой для импортных и экспортных компаний. Все, от сельскохозяйственного оборудования до моды.

Скорее всего, ему на все это наплевать. На этом этапе глаза большинства людей остекленевают, и их вопросы прекращаются. Для тех, кто достаточно любопытен, чтобы действительно поискать Europa Global Logistics онлайн, существует красиво оформленный веб-сайт с достаточным количеством деталей, чтобы убедить их, что это реальная компания, в которой работают реальные люди. И они увидят мое имя и фотографию: Маргарет Портер, аналитик по импорту, специализирующаяся на текстиле и одежде.

— Вам нравится эта работа? — спрашивает он.

— Это дает мне шанс увидеть мир.

— Но она вам нравится?

— Почему в вашем голосе звучит сомнение?

— Это просто... — Он обводит взглядом рыночные прилавки. Продавцов, бакалейщиков и продавщиц безделушек. — Эти люди зарабатывают на жизнь продажей вещей, которые можно потрогать, съесть и понюхать. Это просто кажется таким честным.

— А моя работа — нет?

Он смущается. — Простите. Я просто очень далёк от корпоративного мира, и, наверное, именно поэтому на моем банковском счете ничего нет. И потому моя мама постоянно говорит мне завязывать с благотворительностью.

— Вы всегда можете когда-нибудь вернуться к этому. Это единственная вещь, которая не меняется в этом мире. Всегда будут войны и лагеря беженцев.

— Верно. Слишком, черт возьми, верно.

Мы с минуту не разговариваем. Наш маленький столик — это островок мрачной тишины среди шума и суеты рынка. Сейчас светит солнце, о дожде почти забыли, если не считать пара, поднимающегося от луж на горячем асфальте.

Он поднимается на ноги и, кряхтя, вытягивается во весь рост. Должно быть, мужчине его комплекции было неудобно так долго сидеть на этом крошечном табурете. — Я думаю, мне пора вернуться в отель и еще раз взглянуть на карту. — говорит он.

— Где вы остановились?

— В небольшом семейном отеле, несколькими улицами выше. Там чисто и

дружелюбно. Идеально подходит для человека с ограниченным бюджетом. — Он натягивает свой рюкзак. Промокшая туристическая карта Бангкока свисает из наружного кармана. — Спасибо вам за компанию. И за совет, куда двинуться дальше. Было приятно, эм...

— Мэгги.

— Мэгги. — Он наклоняется, чтобы пожать мне руку. Это такой старомодный жест, но в тот момент, исходящий от этого оборванного викинга, он показался мне совершенно очаровательным. — А я Дэнни Галлахер. Если вы когда-нибудь окажетесь в Лондоне и вам понадобится вытащить занозу или удалить аппендикс, я к вашим услугам.

Когда он поворачивается, чтобы уйти, я в нерешительности: решиться или не решаться? У меня есть четыре свободные ночи в Бангкоке, прежде чем я отправлюсь домой. Я в отпуске, у меня нет ни обязательств, ни четких планов, и прошло так много времени с тех пор, как я спала с мужчиной. Он уже уходит, и я как раз собираюсь окликнуть его, когда он внезапно останавливается. И разворачивается.

— А как вы смотрите на то, чтобы попозже встретиться и выпить? — спрашивает он. Когда я мешкаю с ответом, он краснеет. — Извините, это было бестактно с моей стороны. Просто мне действительно очень приятно было с вами поговорить, и...

— Да — соглашаюсь я.

— Ты когда-нибудь бываешь в Лондоне? — спрашивает Дэнни.

Мы лежим в моем гостиничном номере, пот от наших неистовых соитий остывает под шипение воздуха из кондиционера. Это не был ни его номер, ни мой; ночевка в бюджетном отеле меня не привлекала, так что вот мы и в "Ориентале", излюбленном месте тех из нас, кто живет на государственные деньги. Это слишком дорого для моего личного кошелька, но если за это платит дядя Сэм, почему бы и нет? Я видела, что Дэнни был ошеломлен, когда мы вошли в вестибюль, его голова запрокинулась назад, чтобы полюбоваться богато украшенным потолком. Он все еще разевал рот, когда мы вышли из лифта и нас поприветствовал стюард, но в тот момент, когда мы вошли в мой номер, все его внимание было приковано ко мне, так же как и мое — к нему. Никаких слов, только придыхания и вздохи, когда мы снимали друг с друга мокрую от пота одежду, пока целовались на пути к кровати. Нам не нужны были слова; наши тела знали, что делать, и я все равно не услышала бы ничего из того, что он сказал, из-за разгоряченного дыхания и шума крови у меня в ушах. Каким-то образом он знает все нужные места, где можно прикоснуться ко мне, и как утолить голод, который я старалась не замечать, голод, который я вместо этого сублимировала в свою работу. Всегда есть еще один отчет, который мне нужно опубликовать, еще один актив для развития, свежий источник для разработки. Когда вы клянетесь, что вашим коллегам вход воспрещен (а большинство из них в любом случае вам неприятны), вы должны получать удовольствие везде, где только можно его найти.

И я нашла свое в Дэнни Галлахере, которому, как я теперь знаю, тридцать три года, он родился в Лестере, получил образование в Лондоне. Он действительно на несколько лет моложе меня, но я чувствую себя старше его и в других отношениях. Или, может быть, я просто менее невинна, более приспособлена ко многим оттенкам серого в мире, где граница между добром и злом, другом и врагом — слишком зыбка.

— Иногда добираюсь и до Лондона — говорю я.

— Когда приедешь в следующий раз, позвонишь мне?

— Возможно, это произойдет не скоро. И к тому времени, наверное, будет странно

звонить тебе.

— Почему?

— Может быть, ты меня даже не вспомнишь.

— Конечно же я буду помнить тебя.

— Или ты будешь встречаться с кем-то другим. Я появлюсь в Лондоне, и ты подумаешь: Какого черта я вообще ее пригласил? — Вот как все это происходит.

— Ты всегда была такой оптимисткой?

Я смеюсь и поворачиваюсь на бок, чтобы посмотреть на него. — Эй, мы в Бангкоке. Мы охвачены вожделением. Давай просто наслаждаться этим.

— А то, что происходит в Бангкоке, обязательно должно оставаться в Бангкоке?

— Дэнни, ты едва меня знаешь.

— Но хочу узнать побольше. — Теперь он переворачивается на бок, и мы лежим лицом к лицу на кровати. — Расскажи мне о себе. — Он проводит рукой по моему бедру, и его пальцы останавливаются на моем шраме. — Например, расскажи мне, откуда у тебя этот шрам?.

— На самом деле, тут ничего особенного. Во время учебы в колледже я подрабатывала официанткой в баре. Завязалась драка на кулаках, были разбиты бутылки. В меня попало летящее стекло.

- Драка в баре? Я бы никогда об этом не догадался.”

Не догадался бы он и о реальной истории, стоящей за моим шрамом: что в меня попала взорвавшаяся шрапнель в Карачи.

— Итак, ты работала в баре.

— Это не самая худшая работа, которая у меня когда-либо была.

— А где это происходило?

До сих пор я избегала делиться с ним конкретными деталями — по крайней мере, такими, которые не были бы хорошо отрепетированными заранее. Я никогда больше не увижу этого мужчину, так что нет причин начинать говорить правду сейчас, но посткоитальная близость все еще окутывает нас, и частичка правды выскальзывает наружу.

— Джорджтаун. — Где я действительно жила какое-то время, даже если никогда и не работала в баре.

— Разве это не рядом с Вашингтоном, округ Колумбия?

— Да.

— Мне всегда хотелось увидеть Белый дом. Стоит ли ради этого ехать?

— Нет.

Он ласкает мое бедро. — Увидеть тебя снова стоило бы поездки. Если ты не приедешь в Лондон, мы могли бы встретиться где-нибудь в другом месте.

— Я не уверена, что это такая уж хорошая идея.

Его рука замирает. Он переворачивается на спину и стонет. — О Боже. Ты замужем, да?

Это был бы простой способ перерезать леску и выбросить его обратно в море. Вымышленный муж — удобное оправдание, которым я пользовалась с другими любовниками, но это заставило бы меня выглядеть грязной в его глазах. Внезапно мне показалось важным не показаться распутной в глазах Дэнни.

Он садится на край кровати, повернувшись ко мне спиной. Свет города, льющийся из окна, падает ему на плечи, придавая коже блеск полированной меди. Когда я протягиваю руку, чтобы дотронуться до него, он не реагирует.

— Дэнни? — говорю я.

— Мне нужно вернуться в свой отель.

— Давай сходим куда-нибудь поужинать. Я знаю очень хороший ресторан, где...

— Зачем?

— М-м, чтобы поесть?

— Это ничего для тебя не значило, да?

Он думает, что есть какой-то смысл в потных ласках с незнакомцем в чужой постели. Мне становится жаль его. За его невинность, за его неизбежное и болезненное пробуждение. И от этого мне хочется, чтобы он ещё немного побыл со мной, хотя бы совсем чуть-чуть

— Я не замужем — говорю я.

Он поворачивается, чтобы посмотреть на меня, но на его лицо падает свет из окна, и я не могу прочесть выражение его лица. — Ты не обманываешь меня?

— Зачем мне тебя обманывать?

— Когда ты сказала, что это не очень хорошая идея — снова встречаться, я просто предположил...

— Я сказала это потому, что знаю, как такие вещи заканчиваются. Когда ты встречаешь кого-то в чужом городе, это кажется новым и захватывающим. Потом ты приносишь это домой и понимаешь...

Приносишь это домой — Как сувенир?

— Так все и заканчивается. — Мои мудрые слова больше похожи на смирение, и я полагаю, что это оно и есть. Я действительно знаю, чем все это заканчивается. Я знаю, чем это обернется. Это не значит, что я не могу наслаждаться удовольствием везде, где могу его получить.

— Остайся, — говорю я. — поужинай со мной. — Я глажу его по обнаженной спине и чувствую, как она покрывается гусиной кожей. — Нам обоим все равно нужно есть, так почему бы не сделать это вместе?

— Должно быть, это одинокая жизнь — сказал он тихо.

Моя рука все еще лежит на его спине. Это не совсем то, чего я ожидала от этого человека. Я хотела немного горячего и бурного секса и немного смеха, но я не думала, что он будет держать передо мной зеркало моей жизни. Он держит, и мне не нравится то, что я в нём вижу.

— Иногда бывает одиноко — признаю я. — Вот почему мне очень хотелось бы, чтобы ты остался.

— На ужин.

— И даже больше. Если ты в настроении.

Он качает головой. Издает усталый смешок. — Конечно. Почему нет?

Почему нет? Это не последний раз, когда мы говорим друг другу эти два слова.

Так и должно было быть.

Глава 6

Джо

Пьюрити, Мэн, сейчас

Джо знала других мужчин, подобных детективу полиции штата Мэн Роберту Альфонду, и с того самого момента, как он только вышел из своего внедорожника, она поняла, что их отношения не будут сердечными. Он остановился у края места преступления, его лицо было

освещено лампочками на штативах, крупный мужчина казался еще больше из-за своего пуховика. На нем не было ни шапки, ни шарфа, и Джо задалась вопросом, как долго он продержится на морозе с гордо непокрытой головой. Она стояла всего в нескольких шагах от него, подняла руку в знак приветствия, но он прошел мимо нее и направился прямо к ее офицеру. Ладно, значит вот как все это будет происходить. Джо Тибодо, женщина-невидимка. Он, конечно, видел ее, но, вероятно, подумал, что блондинка — это никто, и переключил свое внимание на мужчину, который, как он предполагал, был главным.

Ее офицер немедленно указал Альфонду в ее сторону. Спасибо тебе, Майк.

— Джо Тибодо, — сказала она, делая шаг вперед, чтобы представиться. Я временно исполняющая обязанности шефа, после смерти Глена Куни.

— Детектив Альфонд, — сказал он.

— Да, я знаю. Я присутствовала на вашей лекции по допросу в академии. — Лекции, на которой он расхаживал по комнате, как капитан корабля, с горделивой осанкой и чувством собственной важности. Она кивнула на ленту места преступления, которой было огорожено тело. — Мы оцепили место происшествия, обыскали дом и провели предварительные допросы. Домовладелица — шестидесятилетняя женщина, которая живет одна. Ее здесь не было, когда выбросили тело.

— Это она вам сказала?

— Да, сэр.

— И вы убедились, что это правда?

— Я опросила свидетелей, которые подтверждают ее местонахождение сегодня вечером, плюс я подтвердила это сама.

— Каким образом?

— Если вы взглянете на дом, то увидите, что у нее повсюду видеокамеры. Я просмотрела запись с камер наблюдения, и на ней видно, как выбрасывают тело. Черный внедорожник, водитель-мужчина.”

— Офицер Тибодо, сказал он, — вы понимаете протокол расследования смертей?

— Да сэр.

— И в чем заключается ваша роль?

— Мы уведомляем генеральную прокуратуру и уголовный отдел полиции штата. Мы охраняем и защищаем место происшествия, проводим беглый обыск помещения и записываем соответствующую информацию от свидетелей. Именно это мы и сделали в соответствии с разделом 201 Административного кодекса штата Мэн в отношении расследования случаев смерти.

Он некоторое время смотрел на нее, как смотрят на собаку, которая внезапно начала говорить. Значит, у блондиночки был рот. Возможно, Джо поторопилась, просмотрев записи видеонаблюдения сама, до того, как это сделал отдел уголовного розыска штата. Возможно, ей следовало просто повесить свою красивенькую ленточку на место преступления и отойти в сторону, чтобы дожидаться, пока большие мальчики всё возьмут в свои руки, но Джо никогда не была терпеливой женщиной. Она должна была это сделать.

Новая пара фар заставила их обернуться, когда позади машины детектива Альфонда остановилась другая машина. Оттуда вышел медэксперт доктор Васс, еще один крупный мужчина. Мэн, казалось, плодил крупных мужчин так же, как валуны, но в отличие от Альфонда, чьи размеры были пропорциональны, доктор Васс был сложен как шар для боулинга, борющийся с силой тяжести, чтобы не скатиться назад по наклонной подъездной

дорожке.

— Ого, это Джо Тибодо! — окликнул ее Васс.

— Здравствуйте, доктор Васс. — В последний раз они разговаривали во время расследования несчастного случая с Гленом Куни, когда она все еще была сильно потрясена смертью своего наставника. И тогда доктор отнесся к ней с отеческой добротой. Даже сейчас, когда рядом лежало мертвое тело, а впереди у него были часы работы, доктор Васс был достаточно внимателен, чтобы сначала пообщаться с ней связь.

— Значит, теперь ты выполняешь работу Глена?

— Пытаюсь, — вздохнула она. — Я скучаю по нему. Он был хорошим человеком.

— Несомненно, таким он и был. Ну и каково тебе это? Ходить в сапогах Глена?

— Есть... проблемы. — *Например, иметь дело с придурками вроде детектива Альфонда,* — подумала она. — Но я потихоньку начинаю во всем разбираться.

— Я уверен, у тебя все получится, Джо. — Васс повернулся к Альфонду. — Итак, Боб, что у нас есть?

Когда мужчины направились к телу, Джо хотела присоединиться к ним, но взгляд, который бросил на нее Альфонд, ясно дал понять, что ей не рады в их компании. Было ли это потому, что она процитировала ему Административный кодекс штата Мэн, или потому, что она была по меньшей мере на десять лет моложе его и к тому же женщина? Она слышала, как он повторяет доктору Вассу то, что узнала она, как будто это он опрашивал Мэгги Берд, просматривал видео с камер наблюдения и звонил Деклану Роузу и Слокумам, чтобы подтвердить местонахождение Берд. Как будто он был тем, кто обходил комнату за комнатой в фермерском доме, готовый встретиться лицом к лицу с убийцей. Доктор Васс кивнул, усваивая информацию, не зная, что все это было плодом ее трудов.

Что бы сделал Глен на моем месте?

О, она точно знала, что сделал бы Глен Куни. Он бы отмахнулся от него, как стряхивают грязные капли с дождевика, и просто ушел, потому что, согласно кодексу штата Мэн, это расследование теперь было шоу Альфонда, и не было смысла расстраиваться из-за того, что оно больше не под его контролем. Он сказал бы ей, что она выполнила свою работу, и теперь пришло время двигаться дальше. Да, именно так и поступил бы Глен.

Поэтому она оставила Альфонда и доктора Масс и направилась к своей патрульной машине, где остановилась и оглянулась на фермерский дом. Окна спальни теперь были темны, а шторы задернуты, но Джо не удивилась бы, если бы женщина наблюдала за ними в этот момент, потому что, судя по всем ее камерам наблюдения, Мэгги Берд была бдительна. Странная женщина, которую Джо никак не удавалось постичь. Она подумала о том, какой невозмутимой та казалась, увидев тело на подъездной дорожке у своего дома, и задумалась, не было ли это просто шоком, и настоящая реакция просто запоздала. Возможно, травма ударит по ней завтра, и тогда она почувствует ужас, какой чувствуют большинство людей, обнаружив у своего дома жертву убийства.

Или, может быть, эта женщина действительно была такой хладнокровной, какой казалась.

Она взглянула на Альфонса и доктора Васса, которые все еще склонялись над телом, осматривая раны. *Пусть они сосредоточатся на мертвой,* — подумала Джо. Она собиралась сосредоточиться на том, кто был очень даже жив.

Девочка и корова шли по заснеженному полю. Прищурившись от утреннего света, Джо

разглядела, что это была не крупная корова, а просто послушная на вид Джерси, но девушка была миниатюрной, а ее животное весило по меньшей мере семьсот фунтов, и вид их так близко друг к другу заставил Джо занервничать. Она не боялась ни собак, ни змей, ни стремительных лыжных спусков по двойным склонам Блэк Даймонд, но когда ей было десять лет, за ней погнался бык, и это внушило ей здоровое уважение к крупному домашнему скоту. Джо настороженно наблюдала, как девочка и корова направились к сараю, ни одна не вела другую, просто шли вместе, как компаньоны на прогулке. Когда девочка остановилась, чтобы помахать Джо, корова тоже остановилась, как собака, приученная слушаться.

Джо помахала в ответ. Она слышала, что внучка Лютера Янта обучалась на дому, что объясняло, почему этим утром девочка была там со своей коровой, а не сидела в классе. Вероятно, это также объясняло, почему девушка никогда не привлекала внимания Джо. В отличие от ребят из местной средней школы, которые регулярно втягивали друг друга в неприятности, у крупного рогатого скота, как товарища, было гораздо меньше шансов вовлечь девушку в преступную жизнь. Джо смотрела вслед этой парочке, пока они не скрылись в сарае, затем повернулась к хижине Лютера Янта и поднялась по ступенькам крыльца.

Прежде чем она успела постучать, Янт открыл дверь. Джо не была низкорослой женщиной, но внезапное столкновение лицом к лицу с этим бородатым дикарем заставило ее вздрогнуть.

— Мистер Янт? — спросила она. — Я Джо Тибодо, полиция Пьюрити.

— Это из-за того, что произошло по соседству?

— Да, вы правы.

— Вчера вечером я разговаривал с одним детективом. Роберт какой-то или что-то в этом роде.

— Это, должно быть, детектив Альфонд из полиции штата Мэн. Они взяли расследование под свой контроль.

— Я сказал ему, что ничего не знал, пока не увидел все эти яркие огни у соседнего дома.

— У меня есть несколько вопросов о вашей соседке. Могу я войти?

Наступила пауза. — Хорошо, заходите, — наконец сказал он.

Она не знала ни о каких былых разногласиях между Янгом и полицией, и ее удивило его нежелание впускать ее в свой дом. Внутри она не увидела ничего особенно подозрительного. Большая часть мебели выглядела самодельной, а стопки картонных коробок, наполненных яйцами, подсказали ей, что в сарае, должно быть, держат солидное стадо кур. В углу стояла старая дровяная печь фирмы "Вермонт Кастингз", где в чугунной кастрюле кипела вода, выделяя драгоценные капельки влаги в сухой воздух. С потолка свисала паутина, и Джо, подняв глаза, увидела паука-жителя, свисающего с одной тонкой нити. Судя по общей пыли и беспорядку в этой хижине, Джо сомневалась, что Лютера Янта сильно беспокоили пауки. Единственной деталью, которая ее удивила, было то, что она увидела на его книжных полках — они были забиты научными и сельскохозяйственными учебниками. В этом растрепанном человеке в комбинезоне было нечто большее, чем казалось на первый взгляд.

Они сели за стол, где она увидела полупустую чашку с черным кофе. Она бы тоже не отказалась от чашечки, но он ей не предложил. — Ваша соседка, Мэгги Берд, — начала она. — Как давно вы ее знаете?

— С тех пор, как она переехала в соседний дом, около двух лет назад. Купила ферму

Блэкберри у старой Лилиан. Эта Лилиан иногда бывала настоящей сволочью, особенно когда козы Келли забредали в ее сад, но Мэгги, она замечательная соседка.

— Как бы вы ее описали?

— Дружелюбная. Тихая. Не лезет не в свое дело. *В отличие от тебя*, — казалось, говорил его взгляд. Если в Мэгги Берд и было что-то криминальное, Джо чувствовала, что этот человек не сказал бы об этом ни слова, просто из принципа. — А почему вы спрашиваете о Мэгги?

— Прошлой ночью на ее подъездной дорожке было найдено тело.

— Да, я знаю. Его могли выбросить на чьей угодно подъездной дорожке.

— Но выбросили именно на ее. И ещё ее реакция на это... ну, она была совсем не такой, какую можно было бы ожидать.

— А какой реакции вы от нее ожидали?

— Она отнеслась к этому до странности спокойно.

— Она и есть спокойная женщина. Никогда не видел, чтобы она из-за чего-то волновалась. Такова уж Мэгги.

Дверь с глухим стуком захлопнулась, когда в хижину вошла внучка Янта. — Что значит "такова уж Мэгги"? — спросила девочка.

— Келли, это офицер Тибодо, — сказал Янт.

— Исполняющая обязанности шефа Тибодо, — поправила его Джо.

— Она спрашивает о Мэгги.

— Почему? — спросила Келли.

— Это просто рутинные вопросы, — сказала Джо, но она знала, что он в это не верил, и его сомнения были подхвачены девочкой, которая хмуро смотрела на нее. На Келли было замызганное амбарное пальто, ее испачканные ботинки были в грязи, а в волосах застряли кусочки соломы. Джо задумалась, не следует ли сообщить о сложившейся ситуации в Службу по делам детей и семьи, потому что такая юная девочка должна ходить в школу, а не работать на ферме.

— У Мэгги неприятности? — спросила Келли.

— Нет, дорогая, это не так, — сказал Лютер.

— Насколько я знаю, — подумала Джо.

— Это из-за лисы? — спросила Келли.

— Какой лисы?

— Она подстрелила лису, которая таскала ее цыплят и отдала нам тушку, — сказал Лютер. — И цыплят Келли она тоже таскала. Это совершенно законное убийство.

— Я здесь не из-за лисы, мистер Янт. Я просто пытаюсь составить представление о вашей соседке. Кажется, вы о ней хорошего мнения.

— Если нам нужна помощь, она всегда рядом, готовая помочь. Однажды козы Кэлли выбрались из загона, а там была Мэгги, она бегала по полю и помогала нам их ловить. Это надо было видеть. Это было настоящее шоу.

— И она дарит мне книги, — сказала Келли. — Те, что, как она говорит, расширят мой кругозор. — Она подошла к книжным полкам, достала томик и положила его на стол перед Джо. Это был атлас мира. — Она говорит, что это поможет мне решить, куда я когда-нибудь отправлюсь путешествовать. Я сказала ей, что хочу увидеть Париж, и она сказала, что это очень хороший выбор.

— Ладно, значит, она хорошая соседка, — сказала Джо. — Что еще вы о ней знаете?

Воцарилось молчание. Янт и его внучка посмотрели друг на друга, как будто у другого могли быть ответы.

— Она хороший стрелок, — сказал Янт. — Одним выстрелом прикончила эту лису.

Джо обдумала эту деталь. Шестидесятилетняя женщина, умеющая обращаться с оружием, не была чем-то необычным в сельской местности штата Мэн, но Мэгги Берд недавно приехала в штат, так что свои навыки обращения с оружием она приобрела в другом месте. — Вы ведь тоже издалека, не так ли, мистер Янт? — сказала Джо.

При внезапной смене темы лицо Янта внезапно стало непроницаемым. — Да, — сказал он.

— Мой дедушка сам восстановил эту хижину, — сказала Келли.

— И откуда вы сюда переехали?

— Бостон, — весело ответила Келли. — Он был профессором в Массачусетском технологическом институте.

— Вы были знакомы с Мэгги Берд до того, как переехали сюда? — спросила Джо.

— Не были, — сказал Янт. — Мы встретились с ней впервые, когда она переехала сюда, и лучшего соседа мы и желать не могли. Я не знаю, к чему все эти вопросы, но я не могу сказать о ней ничего плохого.

— Я тоже, — сказала Келли.

Джо переводила взгляд с мужчины на его внучку и обратно и понимала, что сейчас ей лучше сдать. Если у них и был какой-то компромат на свою соседку, они не собирались делиться им с полицией.

Вернувшись на подъездную дорожку, Джо остановилась возле своего автомобиля и посмотрела в сторону фермы Блэкберри. Вид был частично скрыт рядом сахарных кленов на частной дороге, которая вела к дому Мэгги Берд, но отсюда было видно фермерский дом и белый внедорожник, припаркованный в конце дороги. Следователи полиции штата провели на территории все утро, и оставшийся лоскуток ярко-желтой полоски полицейской ленты трепетал на снегу, но служебные машины с тех пор уехали. Кому принадлежал этот белый внедорожник?

Она отъехала от дома Лютера Янта и свернула на дорогу, ведущую к ферме Блэкберри. Она задержалась у внедорожника ровно настолько, чтобы отметить, что у него были номера штата Мэн и он был неестественно чистым для этого времени года, когда большинство автомобилей были покрыты песком и пылью из-за посыпанных песком дорог. На подъездной дорожке стояли два человека, и они помахали, когда Джо вышла из своей патрульной машины и направилась к ним. Пожилая пара, оба в пуховиках, которые делали их похожими на гигантских снеговиков.

— Шеф Джоанна Тибодо, я полагаю? — крикнула женщина. — Мы говорили с вами вчера вечером по телефону. Ингрид и Ллойд Слокумы. Мэгги была у нас дома на ужине.

— Вы знаете, что это место преступления?

— Конечно. Именно поэтому мы и здесь.

— Простите?

— Лента с места преступления снята, поэтому мы предположили, что могли бы прийти и посмотреть сами. Мэгги поделилась с нами записями с камер наблюдения, и мы хотели подтвердить некоторые детали.

— Например, относительное отсутствие крови, — сказал Ллойд, указывая на единственное красное пятно на снегу.

Эти следы, — сказала Ингрид, указывая на снег. — Я думаю, что это Goodyears. Мне придется зайти в Интернет и подтвердить конкретную модель шин.

— Она была убита в другом месте, не так ли? — сказал Ллойд. — И ее тело было брошено сюда позже. В каком состоянии было ее трупное окоченение?

— Господи, — сказала Джо. — Вы двое полицейских в отставке или что-то в этом роде?

— О, нет, — сказала Ингрид. — Мы просто любители. Восторженные любители тайн.

— Больше похоже на вампиров.

— Мы похожи на вампиров?

— Вы думаете, что места преступлений — это развлечение?

— Разумеется, нет. Мы относимся к этому очень серьезно. Мэгги — наша подруга, и она недовольна тем, что подъездная дорожка к ее дому превратилась в свалку тел.

— Мне нужно с ней поговорить.

«Ой, ее здесь нет. Они с Декланом сейчас в гостинице «Харбортаун», разговаривают с менеджером.

— Харбортаун? Как они узнали...

— Где остановилась Бьянка? Элементарно. В такое время года в этом районе открыты только три отеля. Ллойд знаком с поваром в «Харбортауне», который и сказал ему, что женщина остановилась там.

— Кстати, теперь там подают приличный завтрак, — сказал Ллойд. — После того, как я дал им свой рецепт готовки яиц в фольге.

Джо вздохнула, чтобы подавить гнев. — Что они делают в гостинице?

— Пытаются выяснить, когда и где была похищена Бьянка. Ее арендованную машину еще не нашли, так что...

— Откуда вы это знаете?

— Этим утром полиция штата прочесала всю парковку отеля, но они не отбуксировали ни один автомобиль. Они уже нашли его?

Джо поджала губы. — Я не знаю. Полиция штата взяла дело под свой контроль.

— Ох. — Ингрид сочувственно покачала головой. — Это должно быть вас ранило.

Что действительно ранит, подумала Джо, так это то, что эти люди, гражданские, кажется, знают столько же, сколько и я. Это неправильно.

Что действительно было неправильным, так это тот факт, что она, исполняющая обязанности начальника полиции Пьюрити, была отстранена от расследования убийства, произошедшего в ее родном городе.

— Я хочу, чтобы вы убрались с этой территории, — сказала Джо.

Подбородок Ингрид вздернулся, и хотя она была не выше Джо, а волосы у нее были посеребренные сединой, по взгляду женщины было очевидно, что с ней шутки плохи. — У нас есть разрешение Мэгги находиться здесь.

— Это место преступления. Вы можете его загрязнить.

— Нам лучше знать.

Ллойд успокаивающе положил руку на плечо жены. — Ингрид, дорогая, мы все равно здесь закончили.

Некоторое время женщины обменивались пристальными взглядами, оценивая друг друга. Затем Ингрид коротко кивнула. — Мы пойдем. Если вам понадобится какая-либо помощь в будущем, у вас есть наш номер телефона.

Нужна ли мне их помощь? Кем они себя возомнили?

Джо подождала, пока они уедут, затем забралась в свою машину и села, уставившись на ферму Блэкберри. "Ты и твои друзья — настоящая загадка, Мэгги Берд", — подумала она. Не то чтобы она подозревала эту женщину в причастности к трупам на ее подъездной дорожке, но вся ситуация была, за неимением лучшего слова, странной. В то время как в городе Пьюрити было немало мелких преступлений, убийство здесь было редким событием, и обычно в нем участвовали люди с очевидными мотивами, люди, чьи имена она знала, иногда люди, которых она знала всю свою жизнь. В этом было преимущество работы копом в своем родном городе; вы знали, в каких домах назревают неприятности. Но в последние несколько лет сюда начали приезжать новички, люди издалека, которые, вероятно, верили, что деревня Пьюрити, штат Мэн, станет их убежищем от цен в больших городах, уличного движения и преступности. Джо еще предстояло в полной мере оценить этих новоприбывших, а им — ее, и пока этого не произошло, подобных разговоров со Слокумами будет еще больше, с сомнениями и недоверием, витающими в воздухе.

Со всеми этими новоприбывшими город менялся слишком быстро. Джо не была уверена, что ей нравятся перемены, но она не могла их остановить, и она также знала, что без свежей крови деревни съезживаются и умирают. Ей просто нужно было делать то, что она делала всегда: держать глаза открытыми, ухо остро.

Кто-то знал, почему тело оказалось на этой подъездной дорожке, и этот кто-то обязательно должен был заговорить.

Глава 7

Диана

Бангкок, сейчас

Мертвенно-бледное лицо, смотревшее на нее с компьютера интернет-кафе, совсем не походило на человека, которого она знала почти два десятилетия назад, и она не смогла скрыть своего удивления по поводу его резко изменившейся внешности. — "Гэвин?" — сказала она в микрофон гарнитуры.

Труп на экране ответил покорным вздохом. — Как видишь, годы не были ко мне благосклонны.

— Они не были благосклонны ни к одному из нас.

— Даже не пытайся быть милосердной, Диана. Твои усилия очевидны.

Он знал ее слишком хорошо, и это было прискорбно. Карма, как она начинала понимать, была не просто абстрактным понятием. Она оглядела переполненное интернет-кафе. Даже в полночь оно было битком набито туристами, печатающими на клавиатурах. Кондиционер не справлялся со всеми этими теплыми телами, и в комнате пахло потом и кокосовым маслом. Все остальные посетители были сосредоточены на своих экранах; никто не обращал внимания на ее разговор.

— У меня... проблема, — тихо сказала она.

— Чего ты хочешь от меня?

— Убежища. Всего на несколько недель, пока я не смогу разобраться, что происходит.

— А что происходит?

— Двое мужчин преследовали меня в Париже. Они вломились в мою квартиру, но я пристукнула их первой. Это может быть ответный удар с Мальты. И если это так, то я не единственная, кому нужно будет прикрыть спину.

На экране лицо Гэвина оставалось каменным. Он практиковал это невозмутимое выражение лица целую вечность; возможно, бесстрастная маска стала постоянной. Или это из-за болезни его лицо оставалось таким неподвижным? Она могла видеть зеленый кислородный баллон за его плечом, но, судя по резной декоративной панели на стене позади него, он находился не в больничной палате.

— Агентство спрашивало о Мальте, — сказал он.

— Что? Когда?

— Они связались со мной на прошлой неделе. Похоже, операция "Сирано" снова попала в поле их зрения. Они анализируют то, что произошло на Мальте, и спросили меня, что я помню о том, как там все было.

— После стольких лет? Но почему?

— Я предполагаю, что до их сведения дошла какая-то новая информация. Они, вероятно, с тобой тоже будут разговаривать.

Только если они смогут найти меня. — Ты говорил с Мэгги? — спросила она.

— Наверное, следовало бы. Я никогда не рассказывал ей всей истории целиком, Диана. Может быть, мне стоит сделать это сейчас. Может быть, пришло время ей узнать обо всём.

— Какой смысл рассказывать ей сейчас?

— Если они охотятся за тобой из-за Мальты, то у нас у всех неприятности. А у Мэгги, прежде всего. Ты знаешь, кто послал за тобой этих людей?

— Я предполагала, что это была Москва.

— Ну, возможно, ты захочешь рассмотреть другие возможности.

Она нахмурилась. — Что вы имеете в виду? Что ты слышал?

— Хардвик.

Она уставилась на него. — Это невозможно.

— Агентство так не думает.

Она потрясенно выдохнула. Оглядела комнату с туристами, стучащими по клавиатурам и пялящимися в мониторы. Она понизила голос. — Мне нужно время, чтобы разобраться в этом, Гэвин. Если бы ты мог предоставить мне место, где я могла бы спрятаться, пока...

— Я не могу.

— Не можешь? Или не хочешь?

— Выбирай сама, Диана.

Его хладнокровный отказ был не тем, чего она ожидала, но в этом тоже не было ничего удивительного. После Мальты они расстались в плохих отношениях, и она никогда не была из тех, кто вызывает благосклонность у своих коллег. Она никогда не видела в этом необходимости.

До сих пор.

— Тебе не нужна моя помощь, — сказал он. Ты выживешь. Ты всегда в этом преуспевала.

— Ты тоже можешь оказаться в списке подозреваемых.

— Я могу сам о себе позаботиться, спасибо. И Мэгги тоже, я уверен.

Несмотря на то, что ее глаза были прикованы к экрану, покалывание в затылке заставило ее обернуться и посмотреть на других посетителей. Именно тогда она заметила мужчину: каштановые волосы, потрепанная футболка, коричневые брюки-карго. Его можно было бы принять за любого другого западного туриста в Бангкоке, если бы не его реакция на ее взгляд. Он тут же отвел взгляд и снова сосредоточился на своем компьютере. Наблюдал

ли он за ней, потому что увидел заманчивую перспективу для интрижки на одну ночь, или у него была другая причина для интереса?

Она посмотрела на Гэвина. — По крайней мере, сделай для меня хоть это. Выясни, почему Агентство интересуется Мальтой.

— Спроси их сама. Просто возьми телефон.

— Я не уверена, что это безопасно.

Первый намек на эмоции промелькнул в его глазах. Тревога. — Ты же не думаешь, что за этим стоит Агентство?

— После Парижа я никому не доверяю. Кто-то хочет моей смерти, и если это связано с операцией "Сирано", это означает, что наши имена просочились наружу. Твое. Мое. Мэгги.

Она искоса взглянула и поймала на себе взгляд мужчины в брюках-карго, который снова наблюдал за ней. Деталь которой необходимо заняться прямо сейчас. — Мне нужно идти, — сказала она и вышла из системы.

Она вышла из интернет-кафе и не удивилась, когда через несколько секунд за ней последовал мужчина в брюках-карго. Она шла неторопливо, играя роль очередной туристки, но время от времени останавливалась, чтобы заглянуть в витрину и рассмотреть отражение улицы вокруг себя. Краем глаза она видела, как мужчина останавливался всякий раз, когда это делала она, всегда сохраняя дистанцию, но явно следя за ней.

Пора положить конец этой утомительной игре.

Несмотря на поздний час, на главной улице все еще было слишком много свидетелей, поэтому она свернула за угол в более тихий переулок.

Он тоже.

Здесь было меньше людей, и она больше не могла скрывать тот факт, что ее преследуют. Теперь он делал это нагло, в открытую, его внимание явно было приковано к ней. Либо он был новичком в этом деле, либо считал ее такой легкой добычей, что мог позволить себе быть беспечным. Она заметила переулок справа от себя. Узкий, неосвещенный, заваленный ящиками.

Она свернула в переулок и нырнула в дверной проем. В темноте она ждала, пока его шаги не последовали за ней и не приблизились. Теперь он был так близко, что она слышала шорох его брюк из полиэстера.

Он совершенно не предвидел ее нападения.

В мгновение ока она оказалась у него за спиной, откинула его волосы назад, обнажая горло, прижав нож к сонной артерии. — Кто ты? — спросила она.

— Я просто... я хотел...

— Кто ты такой?

— Дэйв. Дэйв Барретт. — У него вырвался панический вздох. — Прошу вас, я только хотел...

— Кто тебя послал?

— Никто!

— Агентство? Москва?

— Что? Нет, я...

— Не строй из себя придурка или я мигом тебе морду располосую.

Запаниковав, он схватил ее за запястье с ножом и попытался вывернуться. Это был неуклюжий прием, который ни к чему не привел, но ему удалось окончательно вывести ее из себя и не оставить ей выбора. Ею уже руководили инстинкты, и то, что произошло дальше,

было одновременно эффективным и жестоким. Она скользнула своим ножом вниз к его груди и воткнула кончик лезвия ему под грудину, целясь прямо в сердце. Все его тело содрогнулось от неожиданности. Несмотря на то, что лезвие остановило его сердце, сознание сохранилось на несколько секунд. Он сознавал, что умирает. Сознывая, что этот темный переулочек — последнее, что он когда-либо увидит.

— Кто тебя послал? — спросила она в последний раз.

— Никто, — просипел он.

Его голова медленно откинулась назад, и она позволила его безвольному телу упасть на землю.

Быстрый взгляд по сторонам сказал ей, что поблизости не было свидетелей, больше никого в переулочке не было. Она включила фонарик и быстро обыскала его тело. В карманах его брюк-карго она нашла паспорт, бумажник, мелочь, но никакого оружия. Даже перочинного ножа нет. Она открыла паспорт и увидела, что его действительно зовут Дэвид Барретт, двадцати трех лет, из Сент-Луиса, штат Миссури.

Она убила гребаного туриста.

"Когда ты убиваешь невинного, ты создаешь десять новых врагов", — сказал один из ее инструкторов на Ферме, но годы работы в полевых условиях научили ее, что иногда с этим ничего нельзя поделать. И этот человек был не совсем невинен. Он явно преследовал ее, думая либо о грабеже, либо о сексе. Просто обычный повседневный хищник.

— Просто ошибка, — пробормотала она.

Она вытерла лезвие о его рубашку, собрала все, к чему прикасалась, все, на чем могли остаться ее отпечатки пальцев. Она выбросит все это в реку. Что касается его тела, она позволила полиции сделать их собственные неизбежно неверные выводы.

Только когда она вернулась на главную дорогу, проходя мимо ночных тележек с едой и шумных баров, ее дыхание выровнялось, а пульс снизился до нормального. Каким бы ненужным ни был этот инцидент в переулочке, он дал ей одну полезную информацию: преследователи не знали, где она находится. Любой, кто намеревался убить ее, мог сделать это в том переулочке, пока она была отвлечена Дэйвом Туристом.

На данный момент она была в безопасности.

Сегодня вечером она узнала еще кое-что, о чем подозревала, и что теперь подтвердил Гэвин. Агентство вновь открыло дело по операции «Сирано». Они задавали вопросы стремясь получить больше информации от тех, кто был наиболее глубоко вовлечен в происходящее. Она знала, что дело еще не рассекречено, потому что как один из ключевых оперативников, она была бы уведомлена о таком изменении. Раскрыл ли кто-то в Агентстве их имена? Какие еще подробности стали известны? Либо Гэвин не знал ответов, либо он не был с ней откровенен.

Детали той операции в будущем могут принести ещё больше проблем; они никогда не должны увидеть свет. Подробности, о которых никто не знал. Когда вы убиваете невинного, вы создаете десять новых врагов. У нее уже было достаточно врагов; большего ей не нужно.

Наконец она добралась до реки Чао Прайя и бросила в черную воду паспорт и бумажник туриста Дэйва. Вот что получаешь за то, что преследуешь не ту женщину, подумала она. Недооценка Дианы была его фатальной ошибкой.

Он был не первым человеком, сделавшим это, и не последним.

Глава 8

Джо

Пьюрити, Мэн

Джо за свою карьеру наблюдала только одно вскрытие, и было это много лет назад, когда она училась на полицейского в Академии уголовного правосудия штата Мэн. Будучи самой низкой ученицей в классе, ей приходилось вставать на цыпочки, чтобы заглянуть через плечо одноклассника. Затем доктор Васс разрезал живот, высвободив запах внутренностей, и студент мужского пола, стоявший перед Джо, внезапно потерял сознание.

После этого Джо прекрасно разглядела скальпель патологоанатома.

Пока все остальные в классе сосредоточились на анатомических деталях вскрытия — из скольких долей состоит легкое и где расположена селезенка по отношению к печени, — Джо поймала себя на том, что вместо этого думает о самом покойном и о том, какими были его последние минуты. Мужчина был стар, по-настоящему древен, его лицо и руки были покрыты старческими пятнами, как древний ствол дерева бурым лишайником. Он был найден мертвым в своей постели в доме престарелых, что шокировало его семью, потому что накануне вечером он был бодр и оживлен. Четверо других постояльцев заведения также скончались в течение последнего месяца, все неожиданно, и семья настаивала на том, что в заведении что-то было не так. Возможно, ангел смерти, переодетый медсестрой, совершал обход, вооруженный шприцем с инсулином. Подобные убийства случались, не так ли?

Глядя на этого человека сверху вниз, Джо подумала о том, каково ему было бы, если бы в последние годы жизни его отправили в дом престарелых и он изо дня в день пялился в одни и те же четыре стены. Мечтал ли он снова ощутить прикосновение снега к своему лицу и услышать хруст листьев под ногами, зная, что никогда больше не испытает этого? А потом ночью приходит медсестра со шприцем, чтобы положить конец его мучениям. Было ли это актом милосердия или это было убийство? Джо не знала. Она знала только, что морг — неподходящее место для того, чтобы оказаться выпотрошенным при ярком освещении в присутствии дюжины студентов, плящущихся на твои самые интимные места.

Должно быть, на ее лице промелькнуло выражение жалости, потому что доктор Васс спросил: “У вас все в порядке?”

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что он обращается к ней. Встретившись с ним взглядом через стол, она почувствовала, что ее одноклассники наблюдают за их взаимодействием. Был ли его вопрос адресован ей, потому что она была единственной женщиной, способной выделить ее как более слабую? В таком случае ей следует пресечь эту мысль в зародыше, пожав плечами или даже рассмеявшись.

Вместо этого она сказала: — У него была тяжелая жизнь. Грустно думать, что он умер таким образом.

— "Почему вы говорите, что у него была тяжелая жизнь?"

Она указала. — У него не хватает кончика указательного пальца. Видите все эти шрамы на его руках? Он работал острыми инструментами. Может быть, лесопилка или мясокомбинат.

Хотя доктор Васс никак не отреагировал на ее комментарии, он некоторое время изучал ее, словно запечатлевая в памяти ее лицо. Как будто зная, что это не последний раз, когда они разговаривают.

Годы спустя, когда они снова встретились над телом бедного Глена Куни, лежащим на обочине дороги, он вспомнил ее имя. И вчера, когда она спросила, может ли она

ознакомиться с результатами вскрытия женщины на подъездной дорожке у domu Мэгги Берд, хотя официально она не входила в состав следственной группы, он немедленно согласился.

Теперь у них было имя этой женщины: Бьянка Мискова. По крайней мере, именно это имя она использовала, когда регистрировалась в гостинице "Харбортоун", и когда владелица гостиницы посмотрела на водительские права женщины из Колорадо, она не увидела ничего, что заставило бы ее усомниться в их подлинности. Карта Mastercard сработала, утвердив плату в размере 195 долларов, которую Джо сочла возмутительно высокой, учитывая низкий сезон, но у посетителей Пьюрити не было особого выбора в зимнем жилье. Когда женщина выписалась около полудня в день своей смерти, она оставила свою комнату в первозданном виде. Куда она направилась дальше и с кем встретилась, оставалось загадкой, как и текущее местонахождение ее автомобиля.

Дверь морга распахнулась, и вошел детектив Альфонд, накинув поверх одежды защитный халат. Он остановился всего в нескольких шагах от прозекторского стола и хмуро посмотрел на Джо, как будто по ошибке зашел в женский туалет.

— Я попросил шефа Тибодо присоединиться к нам, — сказал ему доктор Васс. — Никогда не помешает еще одна пара глаз.

Альфонд, не сказав ни слова, подошел к концу стола. Ему это было не нужно; Джо была всего лишь полицейским из маленького городка, которому суждено выписывать штрафы, реагировать на взломы и разнимать дерущихся супругов. В этой комнате она была всего лишь туристкой, пришедшей сюда посмотреть, как работают большие мальчики, и держать рот на замке.

Так она и сделала, когда доктор Васс отдернул простыню, обнажив тело женщины. Она была прекрасным физическим образцом по любым меркам, со стройными бедрами гимнастки и мускулистыми ляжками. Джо уже осматривала тело на месте происшествия, где она обратила внимание на гротескно деформированные пальцы, переломанные кисти и пулевые ранения в череп, но из-за яркого освещения морга эти ужасы казались бескровно пластиковыми. Искусственными. Она посмотрела в полуоткрытые глаза Бьянки и, как и в случае со стариком из дома престарелых, задумалась о последних мгновениях жизни этой женщины. Они, несомненно, были мучительными, и смертельные пули стали бы спасением после выворачивания пальцев и хруста суставов. Должно быть, это произошло где-то в отдалении, где ее крики не были бы услышаны. Убийце не составило бы труда найти такое место, учитывая километры сельских дорог и густых лесов Пьюрити. Доктор Васс раздвинул ребра и приподнял грудину. Когда он залез в грудную клетку и вытащил блестящее сердце и легкие, Джо продолжала смотреть на изуродованные руки женщины. Было ли это наказанием или допросом?

Чего он добивался? Что он хотел, чтобы ему сказали?

Жужжание настенного интеркома заставило ее поднять голову.

— Да? — откликнулся доктор Васс.

Его секретарша сказала по громкой связи: — У меня на линии офис губернатора.

— Я перезвоню позже. У меня сейчас вскрытие в разгаре.

— Именно поэтому она и звонит. Вы должны остановить процедуру.

— Что? — доктор Васс стянул перчатки и подошел к настенному телефону. — Что все это значит?

Джо могла слышать только часть разговора доктора Васса:

Я собираюсь вскрыть череп...в этом нет никакого смысла...они объяснили почему?

Джо посмотрела на Альфонда. Он казался таким же сбитым с толку, как и она.

Повесив трубку, Васс повернулся к ним. — Это переходит все границы. Они хотят, чтобы я упаковал тело и подготовил его к перевозке.

— Перевозке? Куда? — рывкнул Альфонд.

— В Бостон. Какое-то другое агентство берет на себя контроль над останками. Похоже, они не доверяют эту работу патологоанатому из штата Мэн.

— Что, черт возьми, происходит?

Доктор Васс посмотрел на тело, которое теперь было опустошено, и большая часть его органов была удалена. То, что осталось, было немногим больше, чем оболочка из костей и мышц. — Понятия не имею.

Глава 9

Мэгги

— Дедушка говорит, что теперь мы должны присматривать за тобой, — говорит Келли, когда мы стоим у нее на кухне и моем двенадцать дюжин яиц, которые мы собрали сегодня днем с обоих наших выводков. Они представляют собой симпатичную смесь коричневого, белого и аквамаринового цветов, те самые голубые, что у моих араукан. Сегодня мы смешали наши яйца, а завтра Лютер отнесет коробки в кооператив. Это спокойная, вдохновляющая на дзен работа — смачивать кухонное полотенце, вытирать кусочки грязи и навоза, раскладывать яйца по картонным коробкам с искусным балансом цветов. Это именно то, что мне нужно делать после тревожных событий прошлой ночи. Сегодня ситуация, похоже, не прояснилась. Мы знаем только, что Бьянка зарегистрировалась в качестве гостя в отеле Харбортоун, и в последний раз портье видел ее вчера в полдень, когда она выписывалась. К тому времени, когда полиция штата обыскала ее комнату, горничные уже успели там прибраться, так что я сомневаюсь, что они нашли что-то ценное.

Ситуация потрясла меня, выбила из равновесия, поэтому я рада, что стою на кухне Лютера и бездумно мою яйца.

— Дедушка говорит, что ты можешь остаться с нами, если хочешь, — говорит Келли. — Ты можешь спать в моей комнате.

— А ты где будешь спать?

— Наверху, на чердаке.

Я поднимаю взгляд на затянутый паутиной чердак, который едва ли больше пространства для обхода, и смеюсь. — О, Келли! Я ни за что не выгнала бы тебя из твоей собственной комнаты и не заставила бы спать там наверху.

— Все не так уж плохо. Я сплю на сеновале всякий раз, когда у коз вот-вот родятся детеныши. — Она аккуратно укладывает голубое яйцо в картонную коробку. — Мне бы хотелось, чтобы ты осталась с нами.

— Почему?

— Это было бы забавно. Как будто у меня есть мама.

Я наблюдаю, как она берет еще одно яйцо и переворачивает его в поисках пятен. Иногда Келли кажется старше своих лет, но в этот момент она кажется намного младше и гораздо более уязвимой. Она напомнила мне другую девушку, которую я когда-то знала, которая была ненамного старше Келли. Девушка, которая была такой же уязвимой и еще более нуждающейся. Девушка, чья судьба все еще лежит грузом на моей совести.

— Ты помнишь свою маму? — спрашиваю я ее.

— Совсем чуть-чуть. Дедушка говорит, что мне было всего три года, когда она умерла. Он говорит, что город — не место для маленькой девочки, поэтому мы переехали сюда.

— Твой дедушка мудрый человек.

— А ты почему переехала сюда?

Этого вопроса я не ожидала и не хочу отвечать на него. Во всяком случае, по правде.

— Мне просто пришло время уходить на пенсию. Я приехала в Мэн навестить друзей и узнала, что ферма Блэкберри выставлена на продажу. Да еще и с замечательными соседями. — Я игриво дергаю ее за конский хвостик, и она хихикает.

— Дедушке не очень нравилась старая Лилиан, потому что она все время кричала на него. Он рад, что ты переехала.

— Я тоже рада, что сделала это.

Мы на мгновение замолкаем и сосредотачиваемся на мытье яиц и наполнении картонных коробок.

— Дедушка ни с кем не встречается, — говорит она. — Я имею в виду, у него нет на примете никаких женщин. На случай, если тебе интересно.

Я подавляю смешок. Эта девочка беззастенчива, и я люблю ее за это. — Милая, у него и с одной тобой дел по горло. Я уверена, что ему этого вполне достаточно.

Дверь открывается, и в дом вваливается сам Лютер, неся в руках два мешка, набитых продуктами. Выкладывая морковь, картофель и мясной фарш, он говорит: — Наткнулся на Бонни из кооператива. Она говорит, что все яйца распроданы, и спросила, когда я принесу еще.

— Сейчас я как раз работаю над этим, дедушка. — Келли закрывает картонную коробку и добавляет ее к стопке в пластиковом ящике. — Я бы сказала, по меньшей мере двенадцать дюжин. Это восемьдесят четыре доллара.

— Они будут распроданы через день. Особенно с голубыми яйцами Мэгги. — Он смотрит на меня. — Твои курочкам нужно побыстрее нести яйца.

— Я поговорю с девочками, — говорю я с улыбкой и захолопываю последнюю коробку. — Спасибо, что отвез их в кооператив, Лютер.

— Вы двое решили, как будете делить деньги?

— Я все продумала, — говорит Келли. Конечно, она это сделала. Пока я был отвлечена мыслями об убийстве, девочка уделяла внимание бизнесу. Денег тут немного, яиц от моего стада всего на двадцать долларов, но я не стану оскорблять Келли, говоря ей, чтобы она оставила себе мою долю выручки. Благотворительность — это не то, что она оценила бы по достоинству.

— Мне лучше вернуться домой, — говорю я, снимая пальто со настенного крючка.

— Ты не останешься на ужин? — спрашивает Келли.

Я думаю о том задумчивом замечании, которое она сделала чуть раньше, о том, каково это — иметь мать, и мне жаль, что я не могу сыграть эту роль для нее сегодня вечером. Возможно, в другой раз.

— Ко мне домой приходят друзья, так что мне пора идти готовить. Но я все равно с нетерпением жду курицу с клецками, которые ты мне обещала.

Келли улыбается. — Просто скажи мне, когда. Я убью одного из петухов, только для тебя.

— Агентство не признает, что Бьянка была одной из наших, и это вызывает

беспокойство, — говорит Бен.

Они с Декланом сидят у меня на кухне, последние остатки нашего ужина все еще разбросаны по столу. Я подала им тушеную баранину — блюдо, к которому я прибегаю всякий раз, когда мне хочется себя побаловать. Это одна из причин, по которой я никогда не смогла бы стать вегетарианцем; я бы слишком скучала по этому рагу. Мы втроем прикончили первую бутылку каберне и приступили ко второй. Я наполняю всем бокалы. Я горжусь, что ни в чем не уступаю в этом мужчинам, и выпиваю бокал за бокалом.

— Прошло двадцать четыре часа, — говорю я. — Что нам известно?

— Полиция штата до сих пор не установила ее личность, — говорит Деклан.

И источники Деклана надежны. Он непревзойденный сетевик, и всего за шесть лет жизни в Пьюрити, он обзавелся друзьями в полиции штата, местной пожарной службе и бюро судебно-медицинской экспертизы. Это то, чему нас всех учили: выращивать активы так же, как вы выращиваете сад, ухаживая за ними и поливая их до тех пор, пока не придет время собирать урожай. Деклан — настоящий мастер в этом деле. Возможно, это из-за его ирландской внешности или из-за того, что его детство прошло в чередке школ-интернатов, где быстрое обзаведение друзьями было необходимым навыком для выживания.

Я поворачиваюсь к Бену. — Что говорят твои источники в Агентстве?

Он задумчиво делает глоток вина и ставит бокал на стол. — Они не разговаривают.

— Что?

— Это само по себе кое о чем говорит. Возможно, их доступ недостаточно глубок, чтобы найти ответы, или у них есть ответы, но они не вправе раскрывать мне правду. Если твоя таинственная Бьянка и была одной из наших, никто этого не признает.

Я замолкаю, обдумывая то, что мы знаем о Бьянке, женщине, которая носила в кармане поддельное удостоверение личности и чьи отпечатки пальцев не значатся ни в одной базе данных. Женщина, которая полтора дня назад стояла на этой кухне и сказала мне, что Диана Уорд исчезла. Мне было наплевать на Диану тогда, я не забочусь о ней сейчас, и с каким бы несчастьем она ни столкнулась, вероятно, это можно возложить на ее собственные ноги.

Но Бьянка мертва, меня втянули в расследование убийства, и каким-то образом вся эта неразбериха связана с Дианой. Так всегда и бывает.

— Расскажи мне об удостоверении личности Бьянки, — говорю я.

— У нее были водительские права штата Колорадо, выданные на имя Бьянки Мисковой”, - говорит Деклан. — Возраст тридцать три года. Черные волосы, карие глаза, рост пять футов семь дюймов, вес сто тридцать фунтов. Звучит похоже?

— Да.

— Это подделка.

— Насколько хороша эта подделка?

— Не хуже чем те, что делают наши.

— Так она и могла быть одной из наших.

— Или она могла играть за другую команду. Что, скорее всего, означает РВР. Российская внешняя разведка. Они уж точно не дилетанты, когда дело доходит до "кротов" и предоставления отличных поддельных документов.

— Тогда кто же ее убил? — спрашиваю я. — Неужели они? Или это сделали наши?

Мой вопрос встречен молчанием. Ни у Бена, ни у Деклана нет ответа. Я тоже не понимаю, по крайней мере, ничего такого, что имело бы смысл.

Деклан говорит: — Мэгги, нам нужно знать больше о причине, по которой Бьянка

искала тебя. Ты сказала, что она искала твою бывшую коллегу.

— И я ничем не могла ей помочь. Прошли годы с тех пор, как я видела эту коллегу в последний раз, и я понятия не имею, где она сейчас.

— Сколько лет?

— Шестнадцать.

— Разве не тогда ты ушла из Агентства?

Я киваю. — И она — одна из причин, по которой я ушла.

— Одна из причин?

— Главная причина”.

— Кто была эта коллега? — спрашивает Бен. — Ты так и не сказала нам, как ее зовут.

Я отвечаю не сразу. Вместо этого я беру пустые миски из-под тушеного мяса и несу их в раковину. Там я стою, повернувшись к ним спиной, и смотрю на свое отражение в кухонном окне. Снаружи темно, и, за исключением слабого свечения из хижины Лютера, пейзаж черен. Удаленность и уединенность этой фермы — вот почему я выбрала ее, но у этого есть и обратная сторона медали. Я здесь совсем одна, просто женщина и ее цыплята.

Я поворачиваюсь к мужчинам. — Ее зовут Диана Уорд.

Либо ее имя им незнакомо, либо они слишком умело скрывают свою реакцию. Скорее всего, они не знали Диану. В конце концов, мы старая гвардия, и Диана все еще училась в средней школе, когда мы получили свои первые задания в полевых условиях. Кроме того, они работали на разных объектах, не там, где я: Деклан — в Восточной Европе, Бен — на Ближнем Востоке. Вероятно, они никогда и в глаза не видели Диану.

— И теперь она пропала без вести? — говорит Бен.

— Бьянка хотела, чтобы я помогла ей найти ее. Я сказала ей, что понятия не имею, где Диана.

— Это правда?

Я перевожу взгляд с одного мужчины на другого. — Ты мне не веришь?

Бен смеется. — Как давно мы знаем друг друга, Мэгги?

— Тридцать восемь лет? Со времен Фермы.

— Это дольше, чем я знал свою жену, и когда Эвелин умерла, она все еще чертовски многого не знала обо мне. Вещи, о которых я ей никогда не рассказывал. Вещи, о которых я солгал.

— Я не лгу тебе об этом.

— Но и ты тоже никогда не рассказывала нам всей истории целиком.

— Делиться не входит в наши должностные обязанности.

— Ты сейчас не на работе. Ты среди друзей. Мы не сможем тебе помочь, если ты что-то от нас утаиваешь.

Я возвращаюсь к столу и сажусь. Мы так давно знаем друг друга, мы трое. Тридцать восемь лет назад я была младшей в этом трио, принятой на работу сразу после окончания колледжа, но я уже была уверена в себе. Слишком уверена. Я выросла, возясь со старыми тракторами и пася овец, живя с отцом-алкоголиком на ферме с убийственной ипотекой. Мне удалось сбежать из Нью-Мексико, облажавшись на собеседовании в колледже, и в итоге я получила полную стипендию в Джорджтаунском университете, где все вокруг казались мне гениальными. Высших оценок и заоблачных баллов SAT (Scholastic Assessment Test — академический оценочный тест) было недостаточно, чтобы выделиться в этой толпе, но я верила, что во мне есть искра чего-то особенного. Умение выживать, находить выход из

любой ситуации.

Тренировочный лагерь ЦРУ выбил эту мысль из моей головы. Возможно, мне и удалось поставить необходимые галочки во всех нужных графах, но после Фермы у меня больше не было иллюзий, что я особенная, потому что мои товарищи-новобранцы были такими же особенными, иначе они бы не переступили порог.

— Правда в том, что я действительно не знаю, где Диана, — говорю я. — И, если быть до конца честной, мне насрать, жива она или мертва.

— Мне кажется, или в твоих словах есть капелька горечи? — спрашивает Деклан.

— Ага.

— Что она тебе сделала?

Я делаю паузу, подыскивая слова, чтобы описать, как Диана подожгла фитиль, разрушивший мою карьеру. Мою жизнь.

— Она сделала меня предателем, — говорю я.

Правда гораздо сложнее, но когда вы живете в мире зеркал, правда всегда искажена. Слишком часто мы видим лишь то, что хотим видеть, игнорируя все неудобные нам моменты, раздражающие детали, которые искажают наш взгляд. Мы жаждем ясности и поэтому лжем самим себе.

И последние шестнадцать лет я твердила себе, что Диана Уорд уничтожила меня, хотя на самом деле это сделала я сама.

ГЛАВА 10

Двадцать четыре года назад

Почему бы и нет? Именно эта мысль заставляет меня искать в интернете дешевые билеты в Лондон, спустя шесть месяцев после знакомства с Дэнни Галлахером. Почему бы и нет? Вот о чем я думаю, собирая свой чемодан, едучи на такси из своей квартиры в Рестоне в аэропорт. Я не видела Дэнни Галлахера со времен Бангкока, перепихона, который в итоге продлился целых четыре дня моего отпуска. Вместе мы бродили по храмам, объедались уличной едой, дрейфовали по клонгам на длиннохвостых лодках. И, конечно же, у нас был секс, тот неистовый, беспечный вид траха, который возможен только тогда, когда ты думаешь, что никогда больше не увидишь этого человека.

И все же я здесь, на ночном рейсе в Лондон, потому что за эти шесть месяцев, прошедших после Бангкока, я не переставала думать о нем. Все открытки, которые он присылал, свежи были в моей памяти. Там была открытка со слоном из Чиангмая, открытка с изображением восхода солнца над храмом из Сиенреапа, открытка с изображением пещеры обезьян из Куала-Лумпура, каждая с содержательным сообщением о том, какие новые блюда он попробовал, какое новое чудо увидел. Читая их, я с тоской вспоминала те дни, когда я видела мир, как веселую игровую площадку, а не зону военных действий. Затем из Лондона начали приходить его открытки с туристическими изображениями Тауэра, королевских драгоценностей и Лондонского моста. Несмотря на то, что сейчас век электронной почты, он продолжал рассылать эти открытки, потому что между нами это стало глупым ритуалом, и каждые несколько недель я находила в своем почтовом ящике еще одну.

Потом прошел месяц, но ничего не пришло. Именно тогда я поняла, что привязалась к этому ритуалу. Я поймала себя на том, что проверяю и перепроверяю пустую ячейку, задаваясь вопросом, означает ли это, что между нами все кончено, встретил ли он кого-то

еще или устал от нашей односторонней переписки. Или если бы, не дай Бог, с ним что-нибудь случилось.

Именно тогда я, наконец, нашла адрес электронной почты, который он дал мне в тот день, когда мы расстались. Я не предпринимала никаких попыток связаться с ним, но после восьми недель молчания моя решимость, наконец, пошатнулась.

Через несколько недель я отправляюсь в Лондон по делам. Ты хочешь поужинать?

Я нажала "Отправить". И представила, как он просматривает свои электронные письма. Он увидел мое и удивляется, почему после стольких месяцев я наконец-то обратилась к нему. Откроет ли он его или просто пролистает мимо?

Я уже собиралась закрыть ноутбук, когда услышала, как его электронное письмо попало в мой почтовый ящик.

Три недели спустя я лечу над Атлантикой. Я всегда хорошо спала в самолетах, даже в самую беспокойную погоду, но в этом полете я бодрствую, гадая, не совершаю ли я ошибку. Вдруг, разок взглянув на него, я увижу совсем другого Дэнни, не любовника, озаренного теплым сиянием воспоминаний, а Дэнни с плохими зубами и редящими волосами. Я не фотографировала его в Бангкоке, и он не фотографировал меня. Мы оба неизбежно будем разочарованы.

Теперь все кажется обреченным. Я регистрируюсь в своем лондонском отеле, принимаю душ и падаю на кровать, но все равно не могу заснуть, думая о предстоящей ночи. Я встречаюсь с ним в ресторане в восемь часов. Нейтральная территория. Это то, на чем я настояла для нашего воссоединения. Я не хочу, чтобы он появлялся в моем отеле, и не хочу стучаться в дверь его квартиры, потому что оба места представляют трудности, если дело дойдет до того, что мне надо будет изящно уйти. Я всегда за то, чтобы иметь спланированный маршрут отступления, будь то после перестрелки или романтического вечера, а ресторан — это безопасное место для встреч. Я уже придумала свое оправдание: извини, что мы не можем чаще видеться, но я останусь в городе всего на несколько ночей.

Он заказал нам столик в заведении под названием "Баллада" в Мэйфэре. Мне незнаком этот ресторан, но прошло полтора года с тех пор, как я в последний раз была в Лондоне, где новые рестораны появляются как грибы после дождя. Беглый просмотр в интернете меню и цен, подсказывает мне, что это заведение не для любителей джинсов и курток. Это место, где требуется платье и туфли на каблуках, которые у меня случайно есть с собой, потому что "Будь готов" — девиз не только бойскаутов.

В 18:30 я встаю с постели и одеваюсь, застегивая молнию на своих вечерних боевых доспехах из синего шелка. Мои туфли скульптурно элегантны, даже несмотря на то, что каблуки всего два дюйма, высота, подходящая для передвижения — или бега — по мощеным улицам. Несмотря на нанесенный макияж, я все еще вижу тени под глазами и усталость на лице, но я ничего не могу с этим поделать. Катастрофа это или нет, но я приду.

Я еду на метро от Ковент-Гардена до Грин-парка, присоединяясь к другим гулякам, чтобы провести ночь в городе. Они выглядят такими юными, мои попутчики, особенно когда я вижу свое собственное отражение в окне. Мне всего тридцать шесть, но я уже собрала печальных историй на всю жизнь. Интересно, добавлю ли я сегодня вечером еще одну к своей сокровищнице? Прилетела в Лондон, чтобы встретиться с принцем, который оказался лягушкой. В Грин-парке я выхожу из метро и присоединяюсь к разделяющемуся потоку пассажиров, направляющихся к Юбилейной линии. На платформе я вижу девушек в мини-юбках, парней в куртках с футбольными логотипами, всем им хочется выпить еще. Я трезва

как стеклышко. Я никогда не пью перед операцией, и этот раз не исключение. Операция Дэнни.

Это всего лишь ужин и, возможно, секс. А после этого?

Я знаю, как исчезнуть. Это моя специальность.

Короткая поездка по Юбилейной линии до Бонд-стрит, и я выхожу со станции в то, что кажется карнавалом шума и света. Это обычный субботний вечер в Лондоне, но в моем невыспавшемся состоянии все это кажется слишком громким, слишком суетливым. Слишком.

Вывеска "Баллада" установлена так низко, что я чуть не прошла мимо ресторана. Здесь нет даже окон, которые указывали бы на то, что находится за стеной из светлого дерева. Массивная дверь, украшенная полированным никелем, — дверь, достойная крепости. Когда я открываю ее, у меня такое чувство, словно я штурмую замок.

С шумной улицы я попадаю в кокон спокойной элегантности. Хостес с идеальной кожей, с волосами, подстриженными в виде геометрического пажа, волшебным образом материализуется, чтобы поприветствовать меня. Через ее плечо я вижу зал с белыми скатертями, сверкающими бокалами и красивыми людьми. Синих джинсов нигде не видно.

— Заказано на имя Дэнни Галлахера, — говорю я ей.

Она даже не заглядывает в список заказанных столиков; в таком эксклюзивном ресторане она знает, какие столики заказаны и кем. — Боюсь, доктор Галлахер еще не прибыл. Он позвонил, чтобы сказать, что опаздывает. Позвольте мне проводить вас к вашему столику.

Я следую за ней в зал, где она усаживает меня за двухместный столик рядом с кухней. Не самый лучший столик в заведении, но он дает мне хорошую точку обзора, с которой я могу наблюдать за другими посетителями, и это то место, которое я бы инстинктивно искала в любом случае. На мой столик приносят бокал шампанского, о котором я не просила. Это заведение такого рода, где пожилые мужчины обедают с женщинами на два десятка лет моложе, где никто не повышает голос и не соизволяет взглянуть на цены в меню. Я потягиваю шампанское, смотрю на часы.

Дэнни опаздывает на десять минут.

Мои мысли сразу же возвращаются к худшему, что может случиться. С ним произошел несчастный случай. На него напали. Он струсил, и я оплачу счет. Карьера, связанная с ожиданием худшего, сделала меня пессимисткой, и хотя шампанское вызывает у меня приятное возбуждение и я сижу в изысканном обеденном зале, мне не по себе.

Пока Дэнни не входит в зал.

Это не тот оборванец Дэнни, которого я помню по переполненному уличному рынку Бангкока, где мы сидели за пластиковым столиком и уплетали говяжий суп с лапшой. У этого Дэнни аккуратно подстриженные волосы, он одет в накрахмаленную оксфордскую рубашку и пиджак от костюма, а вместо поношенного рюкзака у него через плечо перекинута кожаная докторская сумка. Он наклоняется, до странности застенчиво целует меня в щеку и садится на стул напротив меня. Несмотря на четыре жаркие ночи в Бангкоке, мы по-прежнему чужие друг другу. Я должна скорректировать свой мысленный образ о нем, чтобы приспособиться к этой обновленной версии, но все изменения лишь поверхностны. Сейчас он носит костюм и галстук, но у него все та же улыбка, которую я помню.

Я наклоняюсь ближе и бормочу: — Боже мой, Дэнни. Этот ресторан — нечто особенное. Боюсь, ужин обойдется тебе в...

— Руку, ногу и месячное жалованье. Я знаю. Но ты здесь, и я хочу отпраздновать это. — Он оглядывает зал. — Я здесь впервые. Я слышал, что забронировать столик просто невозможно.

— Как тебе это удалось?

— Один из посудомойщиков — мой пациент, и он умудрился вписать меня в список, — его голос понижается до шепота. — А теперь давай притворимся, будто мы действительно забронировали этот столик.

При этом я не могу не рассмеяться, потому что это действительно похоже на маскарад, два бродяги, наряженные в костюмы. Дэнни заставляет меня чувствовать себя более молодой и свободной версией самой себя, до того, как я была вынуждена повзрослеть. До того, как мои глаза открылись на все темные места в мире.

— На тебе костюм. Я никогда даже не представляла тебя в костюме, — говорю я.

— Я переживал, что ты вообще не представляешь меня после Бангкока.

— Как я могла этого не делать? Все эти открытки.

Он вздрагивает. — Это было слишком?

— Нет, это было мило. Открытки больше никто не присылает. Потом я не получала от тебя известий несколько месяцев и поняла, как сильно мне их не хватало.

— Я подумал, что, возможно, страшно надоел тебе. — Он смотрит прямо на меня, и в его зеленых глазах отражается отблеск свечи, мерцающей на столе. — Не то чтобы мы планировали когда-нибудь снова увидеться. Когда ты написала мне по электронной почте, я был удивлен.

— Я тоже, — признаю я.

Официант приносит меню и еще один бокал шампанского. Дэнни делает глоток, и шампанское оставляет блестящие брызги у него на губах. У меня внезапно возникает яркое воспоминание об этих губах на моей груди, о его зубах на моем соске, и я помню, как его широкие руки обхватили мои бедра, когда он вошел в меня. Потрясенная потоком изображений, я открываю своё меню. Нет никаких цен, и я с тревогой посмотрела на Дэнни.

— У твоего есть цены? — шепчу я.

— Ты беспокоишься, что я не могу себе это позволить, да?

— Давай не будем глупить. Почему бы нам не перейти на голландский?

— Расслабься. У меня теперь постоянная работа. Я могу расплатиться частями.

Смеясь, я откидываюсь на спинку стула. Я могу выпить столько, что большинство мужчин уже валялись бы под столом, но сегодня вечером смена часовых поясов и пустой желудок придали этому бокалу шампанского мощную силу, и алкоголь с шипением разлился по моей крови. Я вижу все в мягком фокусе: шепчущую столовую, льняные скатерти. И Дэнни. Не загорелого и взъерошенного Дэнни из Бангкока, а его аккуратную и столь же соблазнительную версию. Я потягиваю шампанское, подливая еще масла в огонь, хотя и пытаюсь поддержать свою часть разговора.

— Расскажи мне о новой работе, — говорю я.

— Она была предопределена.

— Похоже, ты от неё не в восторге.

Он пожимает плечами. — Обыкновенная медицина. Зато теперь у меня обычный рабочий день и приличная зарплата.

— И никаких огнестрельных ранений или малярии, которые нужно лечить. Ты скучаешь по этому?

— Я скучаю по тому вызову, который бросал самому себе. Обходясь в кризис только самым необходимым. Но моя мама счастлива, что я вернулся в страну. Я не понимал, как тяжело ей было с тех пор, как умер мой отец. Мне нужно было вернуться домой. — Он улыбается мне. — Она с нетерпением ждет встречи с тобой.

Я замираю на полуслове, поднеся стакан к губам. Его мама. Это не то, на что я рассчитывала. — Ты рассказал ей обо мне?

— А разве я не должен был этого сделать?

— Мы едва ли достигли стадии знакомства с твоей мамой.

— Обещаю, моя мама совсем не страшная. Ну, может быть, немного. — Он делает паузу. — Но не в духе серийного убийцы.

Теперь он снова заставляет меня смеяться так, как я не смеялась уже несколько месяцев. Я так сосредоточена на Дэнни, что не замечаю суматохи на другом конце столовой, пока бокал с вином не разбивается вдребезги об пол и женщина не начинает кричать. Мы оба поворачиваемся, чтобы посмотреть.

Мужчина подался вперед в своем кресле и обеими руками схватился за горло. Даже с другого конца зала я вижу ужас на его лице, когда он отчаянно пытается сделать вдох.

В одно мгновение Дэнни вскакивает со стула и несется через весь зал. Пока все остальные разевают рты, Дэнни наклоняется к несчастному мужчине сзади и обнимает его за талию. Никаких колебаний, никаких неловких поисков нужной позы; Дэнни сразу приступает к делу, упираясь кулаками в живот мужчины. Три раза. Пять раз. Он дергает так сильно, что стул скрипит и с грохотом опускается.

Мужчина обмякает.

Дэнни бьет мужчину по спине, колотя по нему, как по барабану, затем обхватывает его за талию и повторяет толчки в живот. Снова и снова.

Голова мужчины наклоняется вперед.

Дэнни стаскивает потерявшего сознание мужчину со стула и опускает его на пол. — Мэгги! — кричит он. — Мне нужна моя сумка!

Я хватаю его кожаную сумку со спинки стула и несусь через зал, мимо удивлённых людей, застывших на своих стульях. Пока Дэнни роется в сумке в поисках своих медицинских инструментов, я не могу оторвать глаз от лица мужчины, лежащего без сознания. Ему за шестьдесят, седовласый, с бычьей шеей, мужчина, который, несомненно, всю жизнь наслаждался изысканными блюдами, но это убило его. Его прекрасно сшитый пиджак говорит мне о том, что он вполне может позволить себе такой ресторан, как Баллада, но его богатство сейчас его не спасет. Его крови не хватает кислорода, грудная клетка неподвижна. Я опускаюсь на колени, чтобы нащупать пульс на сонной артерии. Он ещё есть, но очень сбивчивый.

Женщина позади меня ахает: Что вы делаете?

Дэнни вытащил скальпель из своей медицинской сумки.

Я знаю, что он собирается сделать. У него нет выбора, потому что скорая помощь не успеет вовремя, чтобы спасти этого человека. Я хватаю со стола льняные салфетки и наклоняюсь к шее мужчины, готовая вытереть кровь. В умелых руках крикотириотомия — простая процедура, но в неправильных руках она может обернуться катастрофой. Я видела, как это делали, только один раз, в грязном поле, над человеком, чье горло было раздроблено шрапнелью. Это была последняя отчаянная попытка спасти ему жизнь, предпринятая перепуганным коллегой, который никогда раньше этого не делал, чей трясущийся скальпель

задел сонную артерию и выпустил поток крови.

Но Дэнни знает, что делает. Он быстро находит нужную точку, прижимает скальпель к шее и разрезает перстневидную оболочку.

Женщина позади меня кричит: Вы перерезали ему горло!

Я прижимаю скомканную салфетку к шее, впитывая кровь, которая сочится из раны. Трахея теперь открыта, и воздух с шипением выходит из разреза, но у мужчины такая толстая шея, что, когда он делает вдох, мягкие ткани сжимаются над раной, запечатывая ее. Нам нужно держать рану открытой.

Официант стоит неподалеку, наблюдая за происходящим широко раскрытыми глазами. Я вскакиваю и выхватываю шариковую ручку у него из кармана. За считанные секунды я отвинчиваю его и протягиваю Дэнни полый конец.

Он удивленно смотрит на меня, затем втыкает ручку в рану, открывая разрез. Воздух врывается внутрь и выходит наружу, и посиневшие губы мужчины медленно начинают розоветь. Только тогда мы слышим вой приближающейся машины скорой помощи.

К тому времени, когда медики выкатывают мужчину из столовой, он двигает руками, начинает растерянно озираться по сторонам и очень даже жив. Потрясенные, мы с Дэнни возвращаемся к нашему столику. Я замечаю, что его рубашка забрызгана кровью, и когда смотрю на себя, то понимаю, что мое шелковое платье тоже в пятнах. Несмотря на то, что он работал с хладнокровной эффективностью, сейчас он выглядит потрясенным, как будто до него только сейчас дошло, насколько плохо все могло обернуться. Его скальпель мог соскользнуть, и теперь пол мог быть залит кровью. Мы не произносим ни слова, просто сидим в ошеломленном молчании. Во всем ресторане тоже стало тихо, и столик, за которым упал мужчина, теперь пуст, гости ушли, а их блюда оставлены.

Дэнни тихо спрашивает меня: Как ты узнала?

— Узнала что?

— Что мне нужно делать. Салфетки. Ручка в виде канюли. — Он хмурится, глядя на меня. — Как будто ты делала это раньше.

Я думаю о том дне, когда я опустилась на колени в грязном поле, когда мы пытались спасти жизнь нашему коллеге. Я помню тот первый разрез на его шее, и мощные струи артериальной крови, и то, как его глаза остекленели в момент смерти. — Я однажды видела, как это делается, — говорю я.

— Где?

— По телевизору. Это была какая-то медицинская драма.

— По телевизору?

— Да.

Он пристально смотрит на меня, как будто не может решить, верит он в это или нет. Если он не поверит мне сейчас, какие еще сомнения у него возникнут на мой счет? Сколько пройдет времени, прежде чем он поймет, что женщина, сидящая напротив него, — всего лишь иллюзия?

— Доктор Галлахер?

Мы оба поднимаем глаза и видим официанта, стоящего у нашего столика. Моя первая безумная мысль заключается в том, что он собирается вышвырнуть нас из ресторана из-за нашей окровавленной одежды. Вместо этого он кладет перед Дэнни визитную карточку лицевой стороной вниз.

— Один из наших посетителей оплачивает стоимость вашего ужина сегодня вечером.

Он говорит, чтобы вы не стеснялись и заказывали все, что пожелаете, в том числе и из нашей карты вин.

— Серьезно? — Дэнни смотрит на меня с удивлением. — За каким столиком он сидит?

— Он предпочел бы поговорить с вами наедине, если вы позвоните по этому номеру завтра. Пожалуйста, приятного аппетита. И спасибо вам. — Он кивает и мне. — Вам обоим.

Я оглядываю помещение, гадая, кто из посетителей сделал нам такой щедрый подарок, но никто не смотрит в нашу сторону. Кем бы он ни был, пока он предпочел остаться неизвестным.

— Что написано на визитной карточке? — спрашиваю я.

Дэнни хмуро смотрит на карточку, затем протягивает ее мне.

Дэнни хмурится, глядя на карточку, затем протягивает ее мне.

На лицевой стороне напечатано "Медицинский консьерж Галена" и номер телефона. Я переворачиваю карточку и вижу, что кто-то нацарапал короткое сообщение.

"Есть работа. Давайте поговорим".

— Ты собираешься позвонить? — спрашиваю я, возвращая карточку.

— Может быть. Я подумаю. — Он опускает карточку в карман. — Но сегодня вечером я бы предпочел подумать о нас, и...

...И?

Он сосредотачивается на мне. — И о том, что произойдет дальше.

Глава 11

Сейчас

Деклан встает из-за моего кухонного стола и открывает шкафчик, где я храню свои сокровища. Не обычный односолодовый скотч, который я покупаю в местном продуктовом магазине, а драгоценный напиток. Он бывал в моем доме достаточно часто, чтобы знать, где я его прячу, и вот она появляется — моя бутылка "Лонгморна" тридцатилетней выдержки. Он отодвигает в сторону пустые винные бутылки на столе и со стуком ставит виски на стол — сигнал к тому, что разговор обещает быть серьезным. Его губы решительно сжаты, когда он разливает виски в три стакана и пододвигает один стакан ко мне. Я не притрагиваюсь к своему сразу, вместо этого просто наблюдаю, как Бен и Деклан поднимают свои бокалы и делают первые глотки. Вкус к хорошему виски я приобрела поздно, и меня раздражает, когда я вижу, как большая часть моих запасов попадает в глотки другим людям, даже если они мои самые близкие друзья.

— Так он устроился на эту работу медицинскому консьержем? — спрашивает Бен.

— Предложение было слишком заманчивым, чтобы отказаться. Зарплата, льготы. К ним прилагалась квартира, принадлежащая корпорации, в лучшей части Лондона. Но самое главное, его мать отчаянно нуждалась в помощи в выплате ипотеки, и, устроившись на эту работу, он смог обеспечить ей комфортное существование. Так что да, он согласился на эту работу. Неохотно.

— Почему неохотно?

— Из-за того, что из себя представляла клиника Галена. Медицинские консьержи предназначены для немногих привилегированных. Для людей, которые достаточно богаты, чтобы выкупить свой выход из системы, которой вынуждены пользоваться все остальные. Они щелкают пальцами, и как по волшебству появляется врач с любыми таблетками, которые им понадобятся.

— Я бы тоже так хотел, — говорит Бен.

— Только не по тем ценам, которые заломил Гален. — Наконец я беру свой бокал и делаю глоток. Вместе с жжением на моем языке приходят воспоминания о Лондоне. О том, как мы с Дэнни впервые попробовали Лонгморн.

— Итак, он пошел работать на Галена, — говорит Деклан. — Как это связано с Дианой Уорд?

— Именно поэтому в нашей жизни и появилась Диана. Поэтому Дэнни привлек ее внимание. Клиника Галена привела к Диане, а это привело ко всему, что пошло не так.

— А теперь расскажи нам о Диане Уорд. Как и где она появилась на сцене?

Я поставила свой стакан, мой язык все еще покалывало от виски. — Стамбул. Все началось в Стамбуле.

Глава 12

Восемнадцать лет назад

Кто-то наблюдает за мной. За мной всегда кто-то наблюдает, будь то любопытные дети на улице, или настойчивые продавцы ковров, или, возможно, агенты из "Милли Истихбарат Тешкилаты", иначе известного как MIT, Национального разведывательного управления Турции, хотя нет никаких оснований считать меня персоной, представляющей интерес. Я просто еще одна американская бизнесвумен, добирающаяся пешком до своего офиса недалеко от площади Таксим. Тем не менее, я должна иметь в виду, что они наблюдают, поэтому каждое утро, просыпаясь в своей стамбульской квартире, я мысленно готовлю себя к очередному дню игры в прятки. Не думаю, что моя квартира и стационарный телефон прослушиваются, но я действую исходя из того, что это так. Пожилая леди, которая подметает в кофейне на другой стороне переулка, кажется, следит за моими приходами и уходами, но это может быть потому, что она просто назойливая соседка. Или Массачусетский технологический институт платит ей за то, чтобы она наблюдала за мной? Турецкая разведка любит присматривать за всеми проживающими здесь иностранцами, и когда я выхожу из своей квартиры и иду по оживленной площади Таксим, есть большая вероятность, что кто-то следит за мной, поэтому я изо всех сил стараюсь выглядеть расслабленной, даже скучающей.

Этим утром я зеваю на ходу, но это настоящая зевота, следствие очередной бессонной ночи в городе, посещения баров и общения с новыми друзьями. По ночам я — светская львица. Днем я просто рабочая пчелка, делаю то, что делаю пять дней в неделю. Я подхожу к старому четырехэтажному зданию, в котором находится Europa Global Logistics, и поднимаюсь на два пролета по скрипучей деревянной лестнице в наш офис. Табличка на двери неброская, специально созданная для того, чтобы не производить впечатления. Это посылает сигнал общественности — на самом деле нам не нужен ваш бизнес, — и чтобы еще больше отпугнуть их, у нас есть клавиатура безопасности, требующая от посетителей вводить код, просто чтобы войти в дверь.

Я ввожу свой шестизначный код и вхожу внутрь.

В главном офисе установлены два письменных стола, и он выглядит так, как и предполагается, — аванпостом международной фирмы, специализирующейся на импортно-экспортной логистике. Один стол завален папками с документами, содержащими таможенные формы США, документы ISF, счета за автомобильные перевозки и отгрузку, а также книги, заполненные правилами соблюдения требований для стран по всему миру.

Второй стол, на котором висит табличка с моим именем “Маргарет Портер”, завален образцами тканей всех цветов радуги: блестящие шелка из Таиланда, парча из Бельгии, богато декорированные ткани из Турции. За моим столом находится вешалка для одежды, заставленная образцами платьев от стамбульских дизайнеров, направляющихся в Нью-Йорк. Я сосредоточена на моде и текстиле, и если меня забрасывают в комнату с настоящими бизнесменами по импорту /экспорту, я знаю достаточно об этом предмете, чтобы с лихвой постоять за себя.

Я прохожу через главный офис к внутренней двери, набираю еще один код безопасности и вхожу в помещение, где осуществляется реальный бизнес Europa Global Logistics. Я включаю кофеварку, затем сажусь читать последние донесения из штаб-квартиры, отправленные нам по защищенной линии из консульства США. За последние двадцать четыре часа не произошло никаких потрясающих местных событий, но у меня и моего коллеги Гэвина есть различные задачи, которые кипят на нескольких горелках, будь то актив, который мы пытаемся развить, или новый источник, к которому я хотела бы обратиться, в ожидании одобрения штаб-квартиры. Я распечатываю отчет с перечислением причин, по которым я предлагаю этот источник, и запрашиваю дополнительную справочную информацию, прежде чем сделать первый шаг.

Я слышу, как входит Гэвин, чей стол находится по соседству. Он приветствует меня своим обычным воздушным салютом и направляется прямо к кофеварке. Каждый из нас занимается своим делом; обычно мы занимаемся этим, сидя за своими отдельными столами, печатая наши индивидуальные отчеты и донесения. Гэвин руководит глобальными продажами “сельскохозяйственного оборудования”, что требует от него периодических поездок во внутренние районы страны, а также сельские районы вдоль турецко-сирийской границы. Иногда я путешествую с ним, якобы для того, чтобы посетить текстильные и ковровые фабрики. Гэвин на пятнадцать лет старше меня, и после тридцати лет работы в этой области он отчаянно хочет уйти на пенсию. Он бы так и сделал, если бы у него не было дорогостоящей ипотеки, которую нужно выплачивать, и двоих детей, посещающих частные университеты — ему, вероятно, придется продолжать работать, пока он не свалится с ног. Мы служим вместе в Стамбуле уже три с половиной года, у нас не было серьезных разногласий, и обычно мы не действуем друг другу на нервы.

В нашей сфере деятельности это можно назвать партнерством мечты.

Я проверяю последние детали сегодняшнего показа мод, на котором будут представлены перспективные дизайнеры Стамбула. В нем примут участие журналисты, экспортеры, покупатели и многие из самых гламурных женщин города. Я тоже там буду. Именно там должен появиться кто-то из моей ненастоящей профессии.

Затем я подтверждаю бронирование авиабилетов на короткий отпуск, который планирую провести через три дня. При каждом удобном случае я лечу в Лондон навестить Дэнни, и от одной мысли о том, что увижу его снова, у меня поднимается настроение. Мы видимся недостаточно часто, и в результате шесть лет спустя мы все еще не можем насытиться друг другом. Это правда; разлука действительно заставляет сердце становиться нежнее. Также она заставляет мои чресла гореть еще жарче. Это соглашение, которое работает для нас — или, во всяком случае, для меня. Длительное пребывание вместе потребовало бы от нас слишком большой честности, а я не готова взять на себя такое обязательство. Что я могу ему дать, так это случайные встречи в Лондоне, Париже или Лиссабоне, а потом мы оба возвращаемся к нашей отдельной жизни, которая и так

достаточно насыщена.

— У тебя все готово к сегодняшнему вечеру?

Я поднимаю взгляд на Гэвина, который стоит перед моим столом, потягивая кофе. Этим утром он выглядит усталым, его каштановые волосы стоят дыбом, как пух одуванчика, мешки под глазами заметнее, чем обычно. Денежные проблемы тяготят его, и мне его жаль. Жаль, что он все еще здесь, сражается в окопах, когда на самом деле хочет быть на пенсии в Таиланде, потягивая пиво у реки.

— Я слышала, сегодня вечером будет аншлаг, — говорю я. — Восемь дизайнеров, живая музыка, потом коктейли. Должно получиться неплохое представление.

— А как насчет другого представления? — Ему не нужно больше ничего говорить; мы оба знаем, что он имеет в виду.

Я киваю. — Это тоже включено.

Хотя я никогда не была поклонницей джаза, турки, кажется, от него без ума, судя по бурным аплодисментам, которые они раздают группе. Сегодня вечером действительно полный зал, все места в театре заняты, и еще десятки людей стоят в задних рядах. Мне приятна толпа, но не потому, что я хоть как-то заинтересована в успехе вечера, а потому, что эта же самая толпа вскоре хлынет из дверей и выплеснется на улицу; в приливной волне людей можно легко затеряться. Я жду, пока все встанут на ноги и шумно устремятся по проходам к выходу на улицу; затем я направляюсь в другом направлении, к лестнице за кулисами. Я уже знаю поэтажный план этого здания и поднимаюсь по лестнице в коридор первого этажа, прохожу мимо зеленой комнаты, где модели снимают одежду и макияж. В конце коридора есть туалет для артистов. Я проскальзываю внутрь, переодеваюсь в синие джинсы и темную куртку и повязываю на голову платок. Затем я толкаю дверь на сцене, выходящую в переулок.

Я слышу голоса расходящейся публики, эхом доносящиеся с улицы перед входом в театр. Я направляюсь по переулку в противоположном направлении и сворачиваю за угол, на параллельную улицу. С платком, скрывающим мои волосы, я могла бы быть просто еще одной турчанкой, возвращающейся домой после вечерней прогулки с друзьями. Это всего лишь легкая маскировка, но ее должно быть достаточно, чтобы сбить с толку любого, кто попытается последовать за мной. Идти мне недалеко, но я часто петляю по закоулкам, пока не добираюсь до места назначения: неприметного черного седана "Тойота", припаркованного именно там, где мне сказали, что я его найду.

Я сажусь за руль, оглядываюсь по сторонам, чтобы убедиться, что поблизости никого нет, и уезжаю. Если только Массачусетский технологический институт не предвидел моего шага и не готов последовать за мной на другом транспортном средстве, я в безопасности, но продолжаю свои обычные меры предосторожности. Поверни направо, проверь, нет ли фар позади. Снова поверните направо. Проверьте еще раз. Я зигзагами направляюсь к месту сегодняшней встречи, и когда добираюсь до него, останавливаюсь ровно настолько, чтобы дать мужчине, который сейчас ждет в тени дверного проема, забраться на пассажирское сиденье.

Затем я отъезжаю от обочины, и мы едем дальше.

— Какие-нибудь проблемы? — спрашиваю я Доку.

— Нет.

— Ты уверен, что Массачусетский технологический институт не следил за тобой?

— Я никого не видел.

— Сколько у нас времени?

— Сколько угодно, пока я тебе нужен. У меня сегодня вечером нет никаких дел, кроме, разве что, бутылки водки. — Это изблюбленный компаньон Доку.

Я позволяю себе немного расслабиться, потому что чувствую, что он расслаблен. Или это чрезмерная самоуверенность? Я улавливаю запах алкоголя в его дыхании, и внезапно я снова на взводе. Он уже начал ночную пьянку. Это нехорошо.

— Не хочешь поделиться чем-нибудь важным? — спрашиваю я. Мой взгляд снова устремляется к зеркалу заднего вида. Я не вижу ничего, что могло бы меня встревожить.

— В руководстве произошел раскол, — говорит он. — Мурата тошнит от эмирата. Он думает, что они бесполезны, и хочет вернуться домой, к борьбе. Он везет с собой партию оружия.

— У тебя есть подробности? Когда, каким маршрутом он возвращается в Чечню?

— Это произойдет четырнадцатого числа. Обычный маршрут через Грузию, в горы.

— Откуда у него это оружие? — спрашиваю я.

— Оно прибыло две недели назад на борту корабля из Туниса.

— Кто за это заплатил?

— До меня доходили слухи. Они говорят, что это финансировалось из лондонского источника, но кто знает, откуда это на самом деле берется? Деньги не любят воду. Вместо этого они движутся в горы. Они переходят от людей, у которых их слишком много, к людям, у которых их еще больше. — горько усмехается он. — Никогда они не идут к таким людям, как я.

И Доку отчаянно нуждается в деньгах, не только для того, чтобы оплачивать свои собственные печальные удовольствия, но и для того, чтобы содержать свою овдовевшую сестру и ее шестилетнюю дочь, которые недавно бежали в Стамбул. У Доку есть опасные друзья, поэтому его сестра и племянница живут в другом районе, ради их собственной безопасности. Как и слишком многие другие беженцы в городе, они живут на окраине, втиснутые в разрушающийся многоквартирный дом вместе с другими, столь же отчаявшимися людьми.

— Что за оружие находится в грузе? — спрашиваю я.

— Это не какой-то мусор с недостающими деталями. Нет, там есть ПЗРК. "Стингеры" FIM-92, российские "Игла". Кассетные бомбы и белый фосфор. Стоимостью в миллионы долларов.

После окончания холодной войны на черный рынок поступило огромное количество подержанного оружия. Вот что скоро отправится в Чечню вместе с Муратом. Конечное назначение этого оружия не имеет большого значения для дилеров, которые им торгуют; если можно получить приличную прибыль, они будут продавать хоть базуки, хоть детское молоко.

— Я не единственный, кто знает об этом, — говорит Доку. — Конечно, русские тоже знают, и они ведут себя некрасиво. Они натравливают нас на эмират, чтобы ослабить сопротивление. — Он вздыхает, и это звук смирения. — Я не думаю, что Мурат доберется до Чечни живым. И его оружие найдет новый дом по новой цене. Возможно, в Южной Америке.

Печаль в его голосе символизирует, насколько безнадежны все эти различные конфликты, насколько безнадежным стал его мир. Доку не желает смерти Мурату, но здесь он предает его, потому что видит, что в конечном счете все это не имеет значения. Мурат в

любом случае обречен, и Доку с таким же успехом мог бы извлечь выгоду из неизбежной участи Мурата.

Я подъезжаю к обочине и паркуюсь. Это тихий район, и у меня отличный обзор во всех направлениях. При свете уличного фонаря я изучаю лицо Доку. С каждой нашей встречей он выглядит все более и более скверным, его лицо все более одутловатое, глаза все более опухшие. Я знаю, что он любит Стамбул; он говорит мне это снова и снова, и хотя он ненавидит русских, ненавидит то, что они делают в его родной Чечне, он ненавидит их не настолько, чтобы бросить свою жизнь и свою выпивку здесь, вернуться в горы и сражаться.

Итак, ему нужны деньги, достаточные, чтобы содержать сестру и племянницу, чтобы остаться в этом городе, где все виды удовольствий находятся в пределах его досягаемости, и ради этого он готов выдать несколько секретов. До сих пор он не сообщил нам ничего важного, ничего такого, о чем мы бы уже не подозревали. Я хорошо осведомлена о расколе в рядах боевиков Чеченского эмирата, некоторые из которых незаметно пересекли границу, чтобы сражаться бок о бок с ИГИЛ в Сирии, в то время как другие предпочли сосредоточиться на своей борьбе с Россией. То, что Доку докладывает нам, является всего лишь подтверждением, и мне еще предстоит потребовать от него чего-то более ценного. Его нужно побудить копать глубже, выведывать больше деталей. Это опасная работа, и ни один из нас не тешит себя иллюзиями, что это джентльменская игра. Он водит опасную компанию, а те, кто противостоит ему, еще опаснее.

Я протягиваю ему то, за чем он пришел, — пачку долларов США, и наблюдаю, как он их пересчитывает. Хотя это вряд ли отличается от сделки с проституткой, правда в том, что Доку мне начал нравиться. Я думаю, настоящая причина, по которой он бежал с войны в Чечне, заключается в том, что в глубине души он не воин, а раненая душа. У него глаза побитой собаки, и всякий раз, когда наши взгляды встречаются, он не может выдержать моего взгляда и отводит глаза, как будто ожидая, что я достану палку и начну лупить его, если он будет смотреть на меня слишком долго. Он жалок и вероломен, но он не опасен. Нет, если только его не загонят в угол.

— Узнай даты, — говорю я ему. — Конкретный маршрут, по которому он пойдет через горы. И я хочу знать, откуда берутся эти деньги. Ты сказал, что это финансируется через Лондон.

— У нас есть там сторонники, сама знаешь.

— Да, знаю. Люди возмущены тем, что происходит с мусульманами в Чечне. Или, возможно, они просто заинтересованы в поддержании там конфликта ради собственной выгоды. В войне таятся возможности.

Он заканчивает пересчитывать деньги. Удовлетворенный результатом он кладёт пачку в карман. — Есть еще одна вещь, о которой я хотел бы попросить тебя.

Значит, одних лишь денег ему теперь недостаточно. Именно так обычно складываются эти отношения. Активы остаются неудовлетворенными, или же их семьи хотят большего, или они начинают ощущать приближающуюся поступь судьбы.

— Если со мной что-то случится, — тихо говорит он, — я хочу, чтобы ты позаботилась о моей сестре Асме и моей племяннице.

Холодок пробегает у меня по спине, и я смотрю на него. Было ли у него предчувствие? Есть ли что-то, чего он мне не сказал? Он смотрит прямо перед собой, выражение его лица непроницаемо в полумраке машины. — Почему ты просишь меня об этом?

— Ты позаботишься о них? Обещай мне.

— Да, конечно, я это сделаю, но с тобой ничего не случится. Если ты будешь осторожен.

Он тихо смеется. — Ты и сама в это не веришь.

Я оглядываю улицу и больше никого не вижу. Можно высадить его прямо здесь. — Иди домой, Доку. Утром будущее уже не будет казаться таким мрачным.

— Не здесь. Отвези меня в клуб.

— Я не могу высадить тебя у клуба. Там будет слишком много глаз.

— Тогда оставь меня в нескольких кварталах от него. Никто нас не увидит.

— Уже поздно. Ты должен лечь поспать.

— Должен. — Он похлопывает по карману, в котором лежат наличные. — Но кое-кому очень нужно выпить.

Мне это не нравится, но я не могу его отговорить. Он настаивает, чтобы я отвезла его в клуб, популярный бар с видом на Босфор и место сбора тысяч чеченцев, которые сейчас живут в Стамбуле. Похоже, он проводит там каждую вторую ночь и, вероятно, к утру пропьет половину своих денег.

В нескольких кварталах от клуба я сворачиваю к обочине. — Ближе к клубу я подъехать не могу.

— И мне весь остаток пути идти пешком?

— Сегодня хорошая ночь. Можно и прогуляться.

Вздыхнув, он выходит. Он даже не оглядывается на меня, направляясь к Босфору. И снова мы незнакомцы, связанные только конвертами с наличными и подарочной картой Starbucks, на которую он покупает кофе, чтобы дать понять, что хочет встретиться со мной. Я достаю блокнот. Пока не забыла, я быстро записываю детали того, что он только что рассказал мне о Мурате, о "Стингерах" и "Иглах". Уже полночь, я устала, а мне еще нужно написать отчет и отправить донесение, но какое-то время я просто сижу в машине, обдумывая то, что сказал мне Доку. В Чечню направляется все больше оружия, а это означает, что в мире становится больше вдов и сирот. Вдов и сирот и без того уже более чем достаточно по всему миру.

Я завожу машину и еду в сторону Босфора, в том же направлении, в котором Доку прошел всего несколькими минутами ранее. Как только я добираюсь до перекрестка, ведущего к побережью, мимо с ревом проносится черный "БМВ". Он движется в направлении ночного клуба Доку. В это мгновение я понимаю, что сейчас что-то произойдет. Что-то связанное с Доку.

Вдалеке раздается пронзительный голос. Женский.

Я замираю, разрываясь между желанием броситься на помощь Доку и необходимостью держаться подальше, оставаться незамеченной. Я заворачиваю за угол. В двух кварталах впереди, на улице перед ночным клубом собралась толпа. Все больше людей кричат. Я медленно подъезжаю к клубу, осматривая толпу. Я просто любопытный зевака, желающий посмотреть, что произошло. БМВ, который промчался мимо ранее, нигде не видно. Удар был быстрым, и они скрылись. Двое мужчин стоят и кричат в свои мобильные телефоны, отчаянно жестикулируя, пытаясь позвать на помощь. Несколько человек оборачиваются и смотрят на мою машину, когда я проезжаю мимо, возможно, опасаясь, что я здесь для того, чтобы пролить еще больше крови, но все, что они видят за рулем, — это женщину в черном платке на голове, и они снова отводят взгляд. Я не должна была этого делать. Я не должна был подставлять себя под все эти взгляды, но мне нужно знать, жив ли Доку.

Увы, нет.

Он лежит на спине на тротуаре, широко разбросав ноги, черная река крови стекает на дорогу. Из-за толпы я не могу разглядеть его лицо, но я знаю, что это он, потому что замечаю поддельные часы "Ролекс" у него на запястье. Он гордился своими часами, хотя и знал, что они, как и многое другое в жизни, — подделка. Мы все притворяемся кем-то, кем мы не являемся, и у некоторых из нас это получается лучше, чем у других.

Мне не нужны доказательства смерти; количество крови на тротуаре говорит мне о том, что раны Доку смертельны. Я проезжаю вперед, что мне и следовало сделать с самого начала. Проезжай мимо, проезжай дальше.

Если со мной что-то случится, я хочу, чтобы ты позаботилась о моей сестре Асме и моей племяннице.

Его сестра.

Если целью был Доку, то его сестра могла быть следующей. Не потому, что она что-то знает, а потому, что ее смерть стала бы убедительным предупреждением для всех потенциальных информаторов о том, что вы не единственный, кто страдает.

Квартира Асмы находится в Гази Махаллеси, одном из беднейших районов Стамбула, в тридцати минутах езды от отеля. Я никогда не встречалась с ней, и она не знает обо мне — по крайней мере, так сказал Доку. Теперь, когда я ориентируюсь в вечно перегруженном стамбульском трафике, я размышляю о том, что сказать и как много раскрыть. Встречаться с ней лицом к лицу — ошибка, я знаю, но у нас нет времени на сборы. Я выведу Асму и ее маленькую девочку из здания, из города, а потом подумаю, что делать дальше. Гэвин преподнесет мою голову на блюде, и, возможно, наше родное агентство тоже захочет получить от меня свой фунт мяса, но я все еще слышу голос Доку в своей голове. *Пообещай мне.*

Он знал. Каким-то образом он знал, что умрет.

Вытащи их отсюда. Вытащи их отсюда.

Я не знаю, насколько хорош ее английский или турецкий. Смогу ли я объяснить, что ее брат мертв, что ей нужно бежать? Я подумываю о том, чтобы просто позвонить в полицию и анонимно сообщить им, что женщина в опасности, но это приведет к вопросам, на которые я не смогу ответить. Они, вероятно, все равно проигнорируют меня.

Я должна сделать это сама. Я обещала.

Я нахожусь в трех кварталах отсюда, когда замечаю огненно-красное зарево. Нет, этого не может быть. Пожалуйста, пусть это будет другое здание.

Затем я сворачиваю за угол на ее улицу и резко останавливаюсь. Ее многоквартирный дом охвачен пламенем, пламя рвется к небу. Доку сказал мне, что Асма живет на шестом этаже, в здании с лифтом, который никогда не работает, в здании, которое вынуждает ее подниматься на шесть этажей со своими продуктами. Я смотрю вверх, считая этажи, и понимаю, что никто на шестом этаже не смог бы выжить в этом пожаре.

Если они вообще были живы, когда это началось.

Полицейский кричит мне, чтобы я не задерживалась здесь. Я кричу по-турецки: "Что случилось? Жителей успели эвакуировать?"

Он качает головой, и машет мне рукой, чтобы я ехала дальше. Я слышу вой сирен, пожарные машины прибывают слишком поздно, чтобы что-то изменить. Так же, как я прибыла слишком поздно.

Полицейский приказывает мне продолжать двигаться. У меня нет выбора, поэтому я еду

дальше, проезжаю мимо. Я снова вынуждена оставить мертвых позади.

Глава 13

— Все так, как ты и предполагала. — Гэвин протягивает мне отчет баллистической экспертизы. Прошло два дня с момента убийства Доку, и только сейчас этот отчет просочился из турецкой разведки. Я сосредотачиваюсь на деталях двух пуль, которые были извлечены из тела Доку. Обе, по-видимому, являются стандартными патронами для АК-47, и, судя по заключению судмедэксперта, каждая из этих пуль была смертельной. На месте происшествия не было обнаружено гильз, потому что ни одна из них не была выброшена — во всяком случае, не из этого конкретного оружия. Я знаю, что это значит.

— Ты не слышала никаких выстрелов? — спрашивает Гэвин.

— Нет.

— Уверена?

— Я видела, как мимо пронеслась машина, а потом услышала крики, но выстрелов не было. Если бы они были выпущены из стандартного автомата АК-47, они были бы достаточно громкими, чтобы их слышали все. — Я поднимаю взгляд от отчета. — Они использовали "Грозу". А это значит, что убийца, должно быть, находился от него на расстоянии неприятного запаха изо рта.

— Дерьмо. — Гэвин откидывается на спинку стула и трет глаза. Я стою перед его столом. Снаружи движение в Стамбуле такое же хаотичное, как и всегда, но внутри этого офиса мы находимся словно бы в обособленном пузыре, только мы вдвоем спокойно справляемся с кризисом. "Гроза" — это не то оружие, которое вы найдете на открытом рынке. Разработанный Специальным конструкторским бюро Тульского оружейного завода, это двуствольный пистолет типа "Дерринджер" под патрон 7,62x39, производящий беззвучный, беспламенный выстрел. Он убивает бесшумно, что делает его идеальным для использования по назначению в качестве орудия убийства, и он был разработан специально для российского спецназа. Это не первый случай, когда мы наблюдаем летальные исходы от "Грозы"; только за последний год в Стамбуле были убиты два чеченца, оба, предположительно, русскими.

— За нами никто не следил", - говорю я.

— Ты точно уверена, что на месте встречи не было соглядатая? Вслед за вами никто не поехал?

— Нет, Гэвин. Наемный убийца, должно быть, уже был в ночном клубе и ждал его. Выпивка была его слабым местом. И этот клуб. Он не мог держаться подальше от этого гребаного клуба. Рано или поздно он должен был попасть под одну из их пуль.

— А машина, которую ты видела?

— Должно быть, это была машина для побега убийцы. Вероятно, он стоял снаружи клуба, наблюдая за появлением Доку. Увидел его, совершил мгновенное убийство, и подал знак водителю забрать его. К тому времени, когда кто-нибудь в этой толпе заметил, что Доку лежит на земле и истекает кровью, команда по уничтожению была бы уже в нескольких кварталах оттуда.

— Кто-нибудь из тех, кто был на месте преступления, мог бы тебя опознать?

— Однозначно нет. Я проехала мимо и продолжала ехать дальше, — твердо отвечаю я, а сама роюсь в памяти о той ночи, потому что "однозначно" — опасное слово. Оно не оставляет места ни для сомнений, ни для истины, которую мы предпочитаем не видеть. Я

думаю об улице, где подобрала Доку. Наблюдал ли кто-нибудь за тем, как он садился в мою машину? Возможно ли, что поблизости стояла другая машина, готовая последовать за нами, когда мы отъезжали; машина, которая умудрялась оставаться незаметной, пока я петляла по лабиринту закоулков?

Нет, я не настолько беспечна, чтобы позволить такому случиться. Я уверена, что это не было моей ошибкой. Только почему-то мне кажется, что я несу ответственность, потому что это случилось в ту ночь, когда мы встретились, и он был убит всего в нескольких кварталах от того места, где я его высадила. Это произошло потому, что я не очень-то настойчиво возражала, когда он настоял на том, чтобы пойти в клуб. Я должна была сказать "нет". Мне следовало посадить его в другом месте, но даже оглядываясь назад, это не меняет того факта, что Доку был самостоятельным человеком, который сам делал свой выбор, и я не имела права указывать ему, как поступать. Наш танец был нежным, мы оба нуждались друг в друге. Но не дружба свела нас вместе, а взаимный оппортунизм.

И все же я искренне оплакиваю его смерть, потому что он был не плохим человеком, просто слабым. Теперь у нас не осталось надежного источника внутри турецкого крыла чеченского сопротивления, а те, кто остался, уничтожаются русскими один за другим.

— Я напишу донесение перед отъездом в Лондон, — говорю я Гэвину.

— Агентство не очень хорошо воспримет эту новость, но я не вижу никакого способа ее приукрасить. Похоже, мы облажались, Мэгги.

На самом деле он хочет сказать, что это моя ошибка, и только моя. Несмотря на то, что он старший офицер в Стамбуле, он снимает с себя всякую ответственность, и я не могу винить его за желание прикрыть свою задницу. Ему нужно оплачивать счета, детям нужно учиться в колледже, и он не может позволить, чтобы что-то испортило его пенсию.

Я возвращаюсь к своему столу с таким чувством, словно меня только что выбросили за борт спасательной шлюпки. Окей, ладно. По крайней мере, он позволяет мне написать донесение, чтобы я могла изложить его наилучшим образом. Возможность убийства висит над каждым чеченским боевиком, проживающим в Стамбуле. Русские уничтожили Доку; это было исключительно между ним и ими.

За исключением того, что Доку тоже был нашим активом, и я скорблю о его утрате. Я скорблю и о потере Асмы и ее дочери. Они были совершенно непричастны ко всему этому, просто побочная помеха, растворённая в водовороте вечного конфликта.

Я думаю об Асме и ее маленькой девочке на следующее утро, когда лечу в Лондон. Фотография их обугленных тел, лежащих в стамбульском морге, врезалась в мою память, как и слишком много других изображений, которые всегда будут преследовать меня, других жертв, других детей. Чтобы сражаться с врагом, ты должен знать дело рук врага, и это знание измотало меня, осквернило мой взгляд на мир. Я оглядываю салон самолета Turkish Airlines и вместо того, чтобы разглядывать попугачиков, потягивающих вино, думаю о изувеченных телах из Локерби. Пока я еду на такси к Дэнни домой, я смотрю на улицы Лондона и представляю воронки от бомб в Грозном.

Раньше я могла отгородиться от всего этого, но теперь меня посещают кошмары.

Дэнни все еще на работе в клинике, когда я подъезжаю к его дому, поэтому я набираю его код на клавиатуре безопасности и захожу внутрь. Он только что переехал в эту квартиру, и я восхищаюсь сверкающей новизной кухни с гранитными столешницами. Окна его гостиной выходят на частный сад здания, и здесь все еще пахнет свежей краской. Это место не похоже на жилище Дэнни; конечно, это совсем не похоже на его первую квартиру в

Брикстоне, на оживленной улице с пабами и закусочными, так отличающимися от этого эксклюзивного анклава в Найтсбридже. Я прохожу через гостиную, где выставлены фотографии в рамках. На одной мы с Дэнни в Барселоне, просто пара счастливых влюбленных туристов. На другой фотографии изображена его покойная мать, которая скончалась от инсульта три года назад. Я не очень хорошо знала Джулию Галлахер, но во время нашего короткого знакомства она решила, что я подходящая женщина для ее сына. — Ты единственная, о ком он когда-либо говорит, — сказала она мне, — единственная, кто, как мне кажется, сделает его счастливым. — Таким образом, она дала свое благословение нашему союзу, но она не знала, что он был основан на лжи.

Мне неприятно думать о том, что бы она сказала, если бы узнала, что почти ничего из того, что я рассказала ей о себе, не было правдой.

В ванной, отделанной мрамором, я распаковываю свои туалетные принадлежности и раздеваюсь, чтобы принять душ. Я мельком вижу себя в зеркале, и меня беспокоит, какой усталой и вымотанной я выгляжу после перелета. Течение времени невозможно остановить, и я вижу это по углубляющимся морщинкам, по складке между бровями и седым прядям на висках. Когда мне было двадцать пять, я думала, что мне никогда не придется смотреть на эту версию своего лица. У меня были романтические представления о смерти в бою еще до того, как появятся морщины, но вот я здесь, выглядящая на все свои сорок два года. Иногда тяжелая жизнь не означает ранней смерти. Это означает только, что эти тяжелые годы в конечном итоге отразятся на твоём лице.

Может быть, сейчас самое подходящее время для перемен. Я могла бы уволиться из Агентства и вместо этого окунуться в мир Дэнни. Убийство Доку потрясло меня больше, чем я хочу признать, потому что я, вероятно, была последним человеком, с которым он разговаривал, и я думаю о том, что он умер в нескольких шагах от своего любимого ночного клуба. Возможно, я лишь косвенно участвую в этой войне, но я все еще остаюсь одним из ее участников.

— Мэгги? Ты здесь? — Это Дэнни.

Я не утруждаюсь даже обернуться полотенцем, и вместо этого совершенно голая выхожу из ванной. Смеясь, он радостно притягивает меня к себе, отрывая от пола. Прошло четыре месяца с тех пор, как мы в последний раз были в объятиях друг друга, но кажется, что времени не прошло вообще, так хорошо наши тела подходят друг другу, словно вновь соединившиеся кусочки головоломки. Мы никогда не обещали быть верными друг другу, но за все годы, прошедшие с тех пор, как мы встретились, меня никто другой не прельщал. После четырех месяцев голодания я готова проглотить его.

— Скучала по мне? — шепчет он.

— Ты даже не представляешь как.

— О, еще как представляю.

Он снимает с себя одежду, пока мы, целуясь, направляемся в спальню. Сквозь пелену вожделения я наблюдаю, как его рубашка падает на пол, вижу, как он сбрасывает брюки, когда мы, спотыкаясь, направляемся к кровати. В его волосах теперь появились седые пряди, но он все тот же Дэнни, которого я встретила в Бангкоке, тот же человек, который никогда не терял жажды жизни и любви ко мне. К тому времени, как мы падаем на его кровать, я уже настолько возбуждена, что первые же несколько его толчков сбрасывают меня с обрыва.

С криком я падаю обратно на землю. Чувствую, как замедляется биение моего сердца, как становится глубже мое дыхание. *Милый Дэнни, как я скучала по тебе.*

Сплетясь телами, мы наблюдаем, как растут тени, и прислушиваемся к отдаленному гулу вечернего уличного движения. Я подсчитываю, сколько дней и ночей мы проведем вместе, прежде чем мне придется вернуться в Стамбул, и моя радость тускнеет. Каждое воссоединение — это качели между восторгом и грустью, потому что они всегда временны. На этот раз печаль ощущается гораздо глубже. В этот раз мне не хочется уезжать.

— Вообще-то, сперва я планировал пригласить тебя на ужин, — говорит он. — а потом затащить в постель, обставив всё это самым романтичным образом. А потом появилась ты, неотразимо прекрасная, и разрушила все мои планы. Бесстыжая девка.

— Я не хотела быть предсказуемой.

— Ни за что на свете. — Пауза. Затем, мягче: — Я скучал по тебе, Мэгги. Когда это у нас наконец прекратится?

— Занятия любовью?

— Нет. Вся эта бессмыслица с "туда-сюда". Я здесь, ты в Стамбуле или где ты там работаешь в следующий раз. Почему быть с тобой всегда связано с поездкой через чертов Хитроу?

— Моя работа...

— В Лондоне есть работа.

— С большим количеством бюрократических проволочек для американцев.

— Это не будет проблемой, если мы поженимся.

Я замираю. Никогда раньше мы не поднимали тему брака. Последние шесть лет мы жонглировали своими жизнями, не думая ни о чем постоянном, не думая ни о чем, кроме нашего следующего отпуска, нашего следующего совместного приключения. — Дэнни Галлахер, ты делаешь мне предложение?

Он смеется. — В своей неподражаемо неуклюжей манере — да, я делаю тебе предложение. Я знаю, это не то, что ты хотела от меня услышать, но это то, что я должен был сказать.

— Почему?

— Потому что я ненавижу, когда ты уезжаешь. Ненавижу, когда по утрам просыпаюсь не рядом с тобой. И мне ненавистна сама мысль, что так будет всю оставшуюся жизнь.

Я так ошеломлена, что теряю дар речи. После мучительно долгого молчания он садится на край кровати, повернувшись ко мне спиной, как будто пытаюсь защитить себя от всех причин, по которым я причиняла ему боль, причин, о которых я даже не подозревала. Я протягиваю руку, чтобы дотронуться до него, и его мышцы напрягаются от моего прикосновения.

— Прости, — шепчу я. — Я не знала, что тебе было так тяжело.

— А тебе — нет? — Он смотрит на меня. — Тебя не беспокоит, что мы месяцами не видимся? Что у нас нет того, что есть у других пар? Совместный дом, настоящий дом с кошкой. Может быть, даже ребенок.

— О, Дэнни.

— Нет, все в порядке. Я знаю, тебе это не нужно.

— Я этого не говорила.

— Тебе и не нужно этого говорить. Я все понимаю. — Он поднимается на ноги и начинает одеваться. В сгущающемся мраке его белая рубашка развеивается, как у призрака. — Ты любишь свою работу. Тебе нравится, когда у тебя нет якоря, который тянул бы тебя вниз. Но, Мэгги, *мне* нужен якорь. Я хочу связать с кем-нибудь свою жизнь, как это сделали мои

мама и папа. Жаль, что ты не видела их вместе, потому что тогда ты поняла бы, о чем я говорю. Они никогда не были богаты, вечно в долгах, но они были друг у друга. — Он заканчивает застегивать рубашку и садится на кровать, сокрушенно опустив плечи. — Больше так не может продолжаться, Мэгги. Я этого просто не вынесу.

Внезапный звук смеха доносится с улицы, резкий и непристойный, в повисшей болезненной тишине.

- “ы уверен, что я та самая, Дэнни? — спрашиваю я.

— Да.

— Но ты едва меня знаешь. Мы видимся всего несколько раз в год.

— Так давай жить вместе, чтобы лучше узнать друг друга. Ты могла бы переехать сюда.

Или я могу переехать в Стамбул.

— Ты бы бросил свою работу в Галене?

— Я могу быть врачом где угодно. Тела есть тела.

— Ты бы отказался от всего этого ради меня? Зарплаты, этой квартиры?

— Мэгги, раньше я жил в палатке, где лечил беженцев, и был совершенно счастлив. В любом случае, эта квартира не моя. Она принадлежит Галену. Я бы не стал грустить о ней, и уж точно не стал бы скучать по напыщенным придуркам, которые ожидают, что я буду подпрыгивать при каждом их шмыгании носом. Я буду счастлив уйти с работы, если это то, что мне нужно сделать, чтобы мы были вместе.

Я слышу горечь в его голосе. Он устал от своей работы, точно так же, как я устала от своей. Какая мы прекрасная пара, мы оба жаждем вырваться из коробок, в которые сами себя загнали. Я думаю о том, каково было бы поселиться в этой квартире в качестве его жены, отказаться от всех обманов, больших и малых, с которыми мне приходилось жить, и хоть раз стать именно той, за кого себя выдаю: женой Дэнни Галлахера. Я представляю, как брожу по Британскому музею сколько душе угодно или прогуливаюсь вдоль Темзы, не беспокоясь о том, что за мной кто-то следит.

Он вздыхает. — Это была дурацкая затея. Я не должен был навязывать тебе...

— Да, — говорю я.

Он поворачивается и пристально смотрит на меня. — Что?

— Я перееду в Лондон, и давай сделаем это. Давай поженимся.

Вот так просто все и было согласовано. Может показаться, что это было сделано под влиянием момента, но на самом деле это не так. Это кульминация многих событий. Убийство Доку. Проблеск моего собственного усталого лица в зеркале. Печальное признание того, что в грандиозном устройстве мира моя работа мало что меняет. Войны по-прежнему будут греметь, империи по-прежнему будут рушиться, и все крупицы информации, которые я собираю из своих источников, все те донесения, что я пишу, просто попадут в правительственную машину, которая пережевывает их и превращает в компост, как тело Доку. Но в отличие от фальшивой дружбы, которую меня учили развивать, Дэнни настоящий. Все, что у нас есть, — реально.

— Ты это серьезно? — спрашивает он. — Ты действительно согласна?

— Да. Да, да, да!

Он обхватывает меня руками в долгом удушающем объятии. Я ощущаю его слезы на своей щеке, а теперь плачу и сама, плачу от счастья. То, чего я не делала уже очень-очень давно.

Мое место здесь. Рядом с Дэнни.

К тому времени, когда неделю спустя я сажусь на обратный рейс в Стамбул, я уже мысленно составляю заявление об увольнении. Подать в отставку не так легко, как просто отправить письмо в штаб-квартиру. Будут подведены итоги и передана вся собственность, которую я приобрел в Стамбуле за последние три года. В прошлом месяце исполнился мой двадцать первый год работы в Агентстве, так что я буду иметь право на пенсию, когда мне исполнится пятьдесят пять. Это правильное время для отставки, момент, когда многие государственные служащие решают уйти и начать следующий этап в жизни. Мой новый этап будет в Лондоне, в качестве жены врача.

Я уже мысленно прощаюсь со Стамбулом, когда еду на такси из аэропорта в свою квартиру на Таксиме. Прежде мне уже доводилось прощаться с другими городами, с другими должностями, но это прощание особенно горько-сладкое, потому что я люблю Стамбул: энергию, историю, людей и их доброту. Но я оставляю это ради чего-то лучшего, ради Дэнни, и вот тут-то и появляется сладость. Я обещаю себе, что привезу его сюда в отпуске. Я отведу его в мой любимый ресторан "Кофта" на проспекте Истикляль, угощу бокалом сладкой ракии и буду наблюдать за выражением его лица, когда он попробует пикантный искандер, пиде и нежный шашлык из баранины.

Уже почти полночь, когда такси высаживает меня перед моим домом. В кафе-баре через дорогу темно, а любопытной соседки нигде не видно. Моя неделя за городом тоже внесла коррективы в ее расписание, и в кои-то веки я могу войти в здание, не чувствуя на спине взгляда пожилой леди. На лестнице темно, и я нажимаю на выключатель на первом этаже, освещая лестницу ровно настолько, чтобы подняться на второй этаж. Как только я вставляю ключ в свою дверь, таймер на лестнице выключает свет, и я остаюсь стоять в темноте. К черту все это дерьмо об экономии электроэнергии; в глубине души я американский энергетик. Я вкатываю свой чемодан в квартиру, нащупываю выключатель на стене и замираю.

Что-то здесь не так.

Здесь так темно, что я не могу разглядеть даже силуэты своей мебели, но каким-то образом, даже в крошечной тьме, чувствую, что я не одна. Я чувствую запах незнакомого шампуня, слышу слабое дуновение чьего-то дыхания. В моей квартире есть кто-то еще. Я лихорадочно вглядываюсь в темноту, но никого не вижу. Я могу только чувствовать их запах. Слышать их.

— Нет причин для тревоги, Мэгги, — произносит знакомый голос. — Здесь только мы.

— Гэвин? Какого хрена ты здесь делаешь?

— Нельзя, чтобы нас видели разговаривающими с тобой.

Нас? Наконец я нахожу настенный выключатель и включаю его, чтобы увидеть Гэвина, сидящего в моем кресле. Он выглядит напряженным и неуверенным в себе, в отличие от блондинки, стоящей у книжного шкафа. Она молода, ей чуть за двадцать, с платиновыми волосами, которые кажутся серебряными на фоне ее черной водолазки. Я никогда раньше не видела эту женщину, но с первого же мимолётного взгляда на неё, она мне уже не нравится, потому что стоит без приглашения в моей квартире. Мне не нравится, как она смотрит на меня, как будто я всего лишь образец, который нужно вскрыть и препарировать.

Я поворачиваюсь к Гэвину. — Кто она, черт возьми, такая?

— Мэгги, я знаю, это неожиданно. Мне жаль, что пришлось обрушить это на тебя таким образом, но мы не знаем, следят ли за тобой.

— Ты вломился в мою квартиру. Ты напугал меня до усрачки.

— Это было необходимо, — говорит женщина. — Никто не должен знать, что я здесь. — Она спокойно подходит ко мне. Она по меньшей мере на десять лет моложе меня, но двигается со спокойной уверенностью человека, который контролирует ситуацию, и это меня беспокоит. Это значит, что я не та, кто все контролирует.

— Спрашиваю еще раз: Кто ты такая? — говорю я.

— Диана Уорд.

— Настоящее имя? Или прикрытие?

— На самом деле это неважно. Дело не во мне. Это касается тебя.

Я смотрю на Гэвина. — Ты понимаешь, о чем она говорит?

Он вздыхает. — К сожалению, да.

— Расскажи мне о Дэнни Галлахере, — просит Диана.

Смена темы настолько резкая, что я резко поворачиваюсь к ней. — Что?

— Дэнни Галлахер. Человек, которого ты регулярно навещаешь в Лондоне. Человек, с которым ты неоднократно встречалась за последние шесть лет. Барселона, Рим, Париж и другие места.

— Штаб-квартира знает все о Дэнни. Я сообщила им об этом, когда только начала встречаться с ним. — Это то, чего от нас ожидают, когда мы вступаем в романтическую связь. Медовые ловушки расставлены повсюду, и влюбленность не в того человека может поставить под угрозу активы и операции. — Они не возражали против того, чтобы я с ним встречалась. И я тоже провела свою собственную проверку его биографии. Он тот, за кого себя выдает.

— Да, родился в Лестере, единственный ребенок Фрэнка Галлахера, владельца паба, и его жены Джулии, оба ныне покойные. Пять лет проработал врачом в Crisis International, сейчас практикует в Лондоне. На первый взгляд он кажется совершенно безобидным, вот почему доктор Галлахер изначально не поднимал никаких подозрений в штаб-квартире.

— Так почему мы сейчас говорим о нем?

— Потому что ваш агент Доку мертв, вероятно, убийство со стороны русских.

- “Да, у меня была такая же версия”.

— Ты была его куратором. Находилась всего в сотне ярдов от него, когда его вывели из игры. И это заставило нас задуматься, не являешься ли ты слабым звеном. Поэтому штаб-квартира попросила меня поближе присмотреться к тебе и к тому, с кем ты общаешься.

— Постой. Ты обвиняешь меня в том, что я работаю на русских?

— Необязательно ты. Но, может быть, кто-то из твоих близких.

— Дэнни? — Я смеюсь. — О, ты и впрямь в Сибири. Да ты понятия не имеешь, кто такой Дэнни.

Она смотрит мне прямо в глаза. — А ты имеешь?

Глава 14

На мгновение — всего на мгновение — эти три слова оглушают меня. Затем я думаю о мужчине, которого полюбила, с которым планирую провести остаток своей жизни, и почва под моими ногами снова обретает твердость скалы. — Ты сказала, что подтвердила, что его зовут Дэнни Галлахер, что он родился в Лестере у родителей, о которых он мне рассказывал. Я что-то упускаю?

— Дело в работе, которой он занимается.

— Он врач. Я это тоже подтвердила. Я видела его в действии, когда он лечил пациента.

Фактически, спасая ему жизнь.

— Да, давайте поговорим о его пациентах.

Я слышу зловещий тон ее голоса. Тут-то для меня все и начинает разваливаться на части. Вот где скрывалась истина, которую я упустила.

Она ставит ноутбук на мой кофейный столик, поворачивает его, чтобы показать мне фотографию на экране. Это изображение Дэнни, одетого в черный галстук и стоящего с группой одинаково хорошо одетых людей. Рядом с ним стоит темноглазая красавица в мерцающем красном платье с глубоким вырезом. Она лучезарно улыбается Дэнни. По другую сторону от него стоят двое мужчин лет пятидесяти, оба держат в руках бокалы с шампанским. Никто не смотрит в камеру, что говорит мне о том, что это был скрытый снимок, люди и не подозревали, что их фотографируют.

— Фото было сделано семь месяцев назад, — говорит Диана. На частном приеме в Лозанне. Это доктор Галлахер, не так ли?

— Да, — бормочу я, у меня так пересохло в горле, что я даже не могу сплотнуть. — Кто эти люди? — спрашиваю я. Спрашиваю, но что я действительно хочу знать, так это то, кто эта женщина?

— Высокий мужчина справа — Филлип Хардвик, пятьдесят два года, британец. Темноволосая женщина — его любовница, Сильвия Моретти, двадцати шести лет. Итальянка.

Значит, она с другим мужчиной, не с Дэнни. Слава Богу, не с Дэнни. Я испытываю такое облегчение от этой информации, что до меня не сразу доходит смысл того, что Диана говорит дальше.

— А этот грузный мужчина — Саймон Потоев. Я думаю, тебе знакомо это имя.

Я смотрю на Диану. — Потоев?

— Стоит около двух миллиардов долларов, хотя он спрятал так много денег на счетах в иностранных банках, что в действительности мы понятия не имеем, сколько у него есть.

Её рассказ начинает приобретать ужасающий смысл. Русские убили Доку, и семь месяцев назад там был Дэнни, потягивающий шампанское с русским олигархом. Я уверена, что здесь нет никакой связи, но понимаю, как это выглядит.

— Что доктор Галлахер знает о твоей работе здесь, в Стамбуле?

— Я сказала ему, что работаю аналитиком по импорту в Европе.

— Он знает об истинной природе твоей работы?

— Нет.

— Ты когда-нибудь рассказывала о своем активе? Упомянула Доку по имени?

— Нет. Черт возьми, я не такая дура.

— И все же, вот твой парень, тусующийся с русским олигархом. Он когда-нибудь рассказывал тебе об этом?

— Он упоминал, что был в Швейцарии по работе. Иногда его просят сопровождать своих пациентов, когда они путешествуют.

— Что он тебе рассказывал о своих пациентах?

— Ничего. Он осторожен. Клиника, в которой он работает, строго соблюдает конфиденциальность пациентов.

— Это, должно быть, медицинская консьерж-группа Галена.

— Да. Если у вас есть деньги, вы можете купить круглосуточный доступ к лучшему медицинскому обслуживанию в Лондоне. За небольшую дополнительную плату они

предоставят врачей, которые будут сопровождать вас за границей, в любой точке мира.

— Звучит как отличная работа.

— Их клиенты требуют самого лучшего, и платят за это немалые деньги.

— В таком случае, действительно ли эти клиенты платят за врача?

Я смотрю на Гэвина, потом снова на Диану. — На что ты намекаешь?

— Быть может, твоя первая встреча с доктором Галлахером в Бангкоке была не случайностью, а наживкой, и ты попала на удочку. Может быть, ты и есть улов.

До сих пор я могла слушать, стоя на ногах. Теперь мои ноги подкашиваются, словно две свечи тают подо мной, и я опускаюсь на диван. Если Дэнни действительно меня обманул, что это говорит о моей рассудительности? Какие еще ошибки я допустила? Я лихорадочно прокручиваю свою память назад, к тому жаркому дню в Бангкоке, когда мы встретились. Продовольственный рынок Ван Ланг, маленькие пластиковые табуретки, на которых мы сидели. Я переносусь на годы, прошедшие с тех пор, как мы встретились, к нашим страстным встречам в Лондоне, Испании, Португалии. К моему последнему визиту к нему. Говорила ли я ему когда-нибудь что-то такое, что было бы на руку противнику? Давала ли какие-нибудь намеки на активы, которыми я управляла, на операции, в которых была задействована?

Нет, я не настолько беспечна. И я знаю Дэнни; я *знаю* его сердцем и душой.

Я твердо выдерживаю ее взгляд. — Дэнни Галлахер именно тот, за кого себя выдает. Не российский актив. Он врач, и очень хороший. Зачем русским понадобилось его вербовать?

— Для того чтобы поймать кое-кого на удочку.

— Ты имеешь в виду меня.

— Это возможность, которую тоже нельзя исключать.

— И что же вы решили? Я скомпрометировала себя?

Она мгновение изучает меня, затем пожимает плечами. — Насколько нам известно, твое прикрытие все еще цело, и нет ничего, что указывало бы на то, что Европа была разоблачена. Если бы они знали, что ты одна из наших, они бы уже убили тебя. Или же попытались завербовать.

— Они не сделали ни того, ни другого.

Диана смотрит на меня, пытаясь решить, лгу ли я. Может быть, меня уже завербовали. Может быть, я уже предатель. Я смотрю в ответ, надеясь, что она сможет прочесть правду в моих глазах.

— Если бы ты действительно думала, что я работаю на Москву, тебя бы здесь не было, — говорю я. — Ты бы не стала рассказывать мне ничего из этого.

Она бросает взгляд на Гэвина, который почти незаметно кивает. Когда она снова смотрит на меня, на ее губах появляется слабая улыбка. Это предупреждение о том, что истинная цель этого визита вот-вот будет раскрыта.

— Твои отношения с Дэнни Галлахером, — говорит она, — открывают для нас ценную возможность. Тот факт, что он врач, ставит его в непосредственную близость как раз к тем людям, о которых нам нужна информация. Начиная с этого человека. — Она указывает на фотографию на ноутбуке.

— Потоева?

— Нет. Филиппа Хардвика.

Я хмурюсь. — Ты сказала, что он англичанин.

— Он также лучший друг каждого российского олигарха. Им приходится выводить свои

деньги из России, сотни миллионов фунтов стерлингов каждый год. Хардвик помогает им конвертировать эти средства в британские активы. Рестораны, отели, небоскребы. Они принадлежат консорциумам или оффшорным компаниям с респектабельно звучащими британскими названиями, но на самом деле ими владеют и контролируют россияне. А люди, подобные Хардвику, смазывают шестеренки этой машины и получают жирную долю, набивая собственные карманы.

— Лондонская прачечная самообслуживания.

Она кивает. — Коррупция доходит до самых высоких уровней, вот почему к ней нельзя прикасаться. Здесь замешано слишком много денег и слишком много влиятельных имен. Британские власти не могут или не захотят закрыть его, как и тех, кто пытался свергнуть Хардвика... — Она качает головой. — Для них это кончилось не очень хорошо.

— Что с ними случилось? — спрашиваю я.

Диана печатает на своем ноутбуке, и появляется новая фотография, на этот раз мужчины средних лет с мягким приятным лицом и в сшитом на заказ костюме. Он похож на банкира, которым, как оказалось, он и был.

— Фредерик Уэстфилд, Лондонский банк, — говорит Гэвин. — Диана только что проинформировала меня об этих делах. Пять месяцев назад тело Уэстфилда было найдено в его сгоревшем "Ягуаре" в Сент-Олбансе. Кости обеих его рук и ног были раздроблены в муку еще при жизни, а легкие были полны дыма. Из вскрытия было ясно, что он подвергался пыткам, но все еще был жив, когда его машину подожгли. Власти признали смерть несчастным случаем. Сюрприз, вот так сюрприз.

Диана переходит к следующей фотографии, на которой изображен еще один представительный мужчина в костюме. — Колин Чэпмен, HSBC, — говорит Гэвин. — Падение с десятого этажа из своего офиса, квалифицировано как самоубийство. — Еще одно нажатие на клавиатуру, еще одна фотография, на этот раз улыбающейся женщины лет сорока, с искусно повязанным шелковым шарфом. — Анджела Макфол, бухгалтер, работающая в организации Хардвика. Она была найдена застреленной у себя дома с двумя пулями в голове. Полиция назвала это неудачной кражей со взломом, однако ничего украдено не было. У всех троих этих людей была одна общая черта — они были осведомлены о финансовых делах Филиппа Хардвика. И они делились этими подробностями с британской разведкой.

Диана щелкает по клавиатуре, и появляется последнее изображение. Это сам Хардвик, на этот раз смотрящий в камеру пронизательным взглядом. Он позирует для фотографии. Несмотря на то, что это всего лишь фотография, я чувствую, что он может видеть меня с экрана этого ноутбука.

— Это тот человек, с которым мы имеем дело. Хардвик лично отдал приказ по каждому из этих убийств, и, судя по нашей оценке его личности, он считал это просто частью ведения бизнеса.

- Расскажи мне подробнее об этой оценке.

— Ты получишь полный отчет. Скажем так, что он занимает первое место по агрессии и нарциссизму. В сочетании с высоким интеллектом это делает его особенно опасным. Его школьные записи в Итоне свидетельствуют о безжалостности, которая пугала даже его учителей. Это человек, которому нужно все держать под контролем, который всегда получает то, что хочет, чего бы это ни стоило всем остальным.

Я не могу перестать пялиться на фотографию Хардвика. До сих пор я слышала о трех

людях, которые были убиты по его приказу. А сколько еще есть таких, о которых мы не знаем?

— Какова наша доля участия во всем этом? — спрашиваю я. — Если британцы не собираются разбираться с этим сами, почему это должны делать мы?

— Потому что на эти отмытые рубли покупают не только рестораны и недвижимость. Эти деньги также пойдут на самый прибыльный бизнес из всех существующих.

— Оружие, — говорю я.

Диана кивает. Мы оба знаем, что война — такой же бизнес, как и любой другой, и, как любой бизнес, она требует отлаженной и непрерывной цепочки поставок.

— Какое это имеет отношение к Дэнни? Он не помешан на деньгах. Он всего лишь врач.

— И именно здесь мы видим возможность. Мы знаем, что у Филиппа Хардвика эпилепсия, которой он страдает с юности. Приступы совершенно неконтролируемы, вот почему всякий раз, когда он покидает Лондон, с ним путешествует врач. Мы знаем, что доктор Галлахер был с ним во многих таких поездках, так что у него есть необычайно близкий доступ к Хардвику. А у тебя есть личный доступ к доктору Галлахеру. Это наилучшее положение, на какое мы только могли рассчитывать.

— Ты хочешь, чтобы я использовала Дэнни ради информации? — Я качаю головой. — Ты требуешь от меня слишком многого.

- “Что ты планировала делать дальше, если бы я не рассказала тебе об этом?”

— Я планировала выйти за него замуж.

— Я не прошу тебя менять эти планы. Я прошу тебя только держать глаза и уши открытыми. Передавай нам любую информацию, которую узнаешь о Филиппе Хардвике и о любых олигархах из его окружения. Я не прошу от тебя слишком многого. Это не предательство. Это просто выполнение своей роли хорошего американца.

— А когда я дам вам то, что вы хотите? Что будет потом?

— Потом ты можешь ускакать навстречу закату со своим мужем и жить долго и счастливо. Пока ты держишь язык за зубами, он никогда ничего не узнает. Зато ты будешь знать, что сделала наш мир более безопасным местом.

— И это все?

— Это все. Выясни, с кем сотрудничает Хардвик, и откуда берутся его деньги. И если сможешь, узнай о других пациентах Галена. Среди них, вероятно, есть несколько российских олигархов. Сообщи нам их имена, состояние их здоровья, все, что может указать нам на ахиллесовы пяты, которые мы можем использовать в будущем.

— Мне понадобится помощь Дэнни, чтобы проникнуть в базу данных клиники.

— Нет. Он не должен знать об этом. Никто не должен знать об этом. Это останется в нашем тесном маленьком кругу.

Я смотрю на Гэвина, и он кивает. — Так и должно быть.

— А как насчет штаб-квартиры? Они знают об этом плане, не так ли?

— Только несколько избранных.

Я хмурюсь. — Ты не доверяешь агентству?

Диана и Гэвин обмениваются взглядами. — Возможно, было бы разумнее этого не делать, — говорит Диана, — потому что они захотят привлечь британскую разведку. Мы не можем так рисковать.

— Ты и британцам не доверяешь.

— Задумайся, Мэгги. Два банкира и бухгалтер мертвы. Мы не знаем, разоблачил ли их

кто-то из британской разведки. Мы должны все сделать тихо. — на мгновение она замолкает. — От этого может зависеть твоя жизнь.

Глава 15

Сейчас

Лонгморн закончился. Мы с Беном и Декланом допили последние отстаки, и я понятия не имею, смогу ли купить еще. Я беру свой бокал и смакую те драгоценные несколько капель, которые еще остались. Они еще слаще на вкус, потому что они последние.

— Господи, Мэгги, — говорит Бен. — Почему ты не рассказывала нам этого раньше?

— Это по-прежнему засекречено. Я не могла говорить об этом. — Я ставлю пустой стакан, и его глухой стук об стол заставляет Бена и Деклана вздрогнуть. — Я не хотела говорить об этом, — мягко добавляю я. Несмотря на все выпитое виски, мы на взводе, потому что знаем, что в нашей маленькой деревушке что-то изменилось. Что-то злое последовало за мной сюда из моей прошлой жизни, что-то, что угрожает отравить наше святилище.

— Диана уговорила меня на эту операцию, усомнившись в моей лояльности. Она заставила меня задуматься, была ли встреча с Дэнни в Бангкоке случайностью. Возможно, русские использовали его, чтобы заполучить меня, надеясь, что позже смогут перетащить меня на свою сторону. В глазах Дианы я могла бы работать на другую сторону, и я была бы не первым человеком, увязнувшим в медовой ловушке.

Я наблюдаю за лицами Деклана и Бена в поисках подсказок, верят ли они мне. Десятилетия назад мы втроем сблизились, когда были стажерами на ферме, и я до сих пор считаю этих людей своими самыми близкими друзьями, хотя иногда проходили месяцы, даже годы, когда мы не виделись. В тех случаях, когда мы все-таки встречались, обычно в каком-нибудь баре или ресторане в иностранной столице, мы говорили о старых временах, о тех днях, когда мы все еще верили, что можем изменить мир. О чем мы не говорили, да и не могли говорить, так это о деталях наших личных операций. Всегда есть какой-то тайный уголок в твоей жизни, которым ты ни с кем не можешь поделиться. Предательство, несомненно, могло быть одним из таких секретов.

Бен фыркает. — Абсурдна сама мысль о том, что тебя могут обратить. — Он смотрит на Деклана, потом снова на меня. — Если мы не можем доверять друг другу, то кому мы вообще можем доверять?

— Ты говоришь хорошие вещи, Бен, но ты ведь сам все прекрасно понимаешь. Мы все это делаем. Мы не должны доверять друг другу. Мы не можем себе этого позволить, только не в нашем деле; я даже себе не доверяю. А если меня и впрямь втянули в фальшивую любовную интрижку, то что это говорит о моем благоразумии? Какие еще ошибки я могла совершить, сколько еще потерять жизней, из-за того, что была настолько слепа, что не смогла распознать врага? — Я резко вскакиваю со стула и несу свой пустой стакан из-под виски к раковине. Я стою, вглядываясь в темноту. Кажется, я всегда вглядываюсь в темноту в поисках врага, который иногда находится слишком близко к дому. — Она заставила меня усомниться в моих собственных чувствах. Вот почему мне наплевать, жива Диана Уорд или мертва. Все, что пошло не так, началось с нее.

Деклан спокойно говорит: Похоже, она просто выполняла свою работу, Мэгги. Предупреждала тебя о человеке, с которым ты была в отношениях.

— В любви, — говорю я.

— В любви?

— Да. — Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на двух мужчин, сидящих за моим столом. Я никогда раньше не делилась с ними этой информацией. Они знают только, что я ушла из Агентства шестнадцать лет назад, что до тех пор, пока Деклан не связался со мной и не предложил присоединиться к ним в Мэне, я провела годы, скитаясь по дикой местности, в поисках пристанища, где можно пустить корни. Что у меня, как и у них, есть воспоминания, которые я подредактировала, воспоминания, которыми я никогда не делилась. — Я любила Дэнни Галлахера. И вот передо мной возникает Диана, прямо в моей собственной Стамбульской квартире, и говорит мне, что он был не просто моим любовником; он также был возможностью. Говорит мне, что я должна была сделать выбор. Выбрала между своей страной и человеком, который, возможно, работает на врага. Работа требовала, чтобы я использовала его, предала его доверие. Она сказала, что любой истинный американец не сомневался бы, как поступить. Так что я сделала выбор. Как бы больно это ни было, я сделала то, что должна была сделать.

— Ты бросила его? — спрашивает Деклан.

— Нет. Я вышла за него замуж.

Оба мужчины молча смотрят на меня. Я нахожу, что не в силах выдержать их взгляды, поэтому отворачиваюсь к окну, но чувствую, как их взгляды впиваются мне в спину, словно лазерные лучи. Это двое — мои самые старые друзья, но даже они не знали, что я замужем, и что мужчина, с которым я когда-то делила постель, все еще не оставил меня. Он — причина, по которой у меня сейчас нет партнера или даже любовника, потому что, по моему мнению, Дэнни все еще мой муж и всегда им будет.

— И что случилось потом? — спрашивает Деклан.

Я ему не отвечаю. Я просто продолжаю смотреть в темноту за окном моей кухни.

— Мэгги? — Деклан подошел ко мне сзади так тихо, что я не услышала его приближения, и положил руку мне на плечо. Он не из тех мужчин, которые склонны к физическим проявлениям привязанности, и его прикосновение пугает меня. Несмотря на нашу долгую дружбу, это, пожалуй, самый близкий контакт, который был у нас с Декланом, и он воскрешает в памяти прикосновения Дэнни, объятия Дэнни.

Я вздрагиваю, но не потому, что Деклан противен мне, а потому, что воспоминания слишком болезненны. — Я устала. Если вы не возражаете, я бы хотела сейчас лечь спать.

— Конечно, — говорит Бен и поднимается на ноги. — Мы проведем тебя утром. Давай, Деклан. Пошли.

Как только они выходят за дверь, я задвигаю засовы и включаю охранную систему. Я задерживаюсь в фойе, прислушиваясь к звуку отъезжающей машины. Я слышу знакомые звуки моего дома: гудение холодильника на кухне, тиканье часов в моей гостиной. *Крепость в безопасности*, думаю я.

Как всегда одна, я поднимаюсь по лестнице в свою спальню.

Но на самом деле я не одинока. Со мной Денни. Он всегда со мной.

Я снимаю свою фланелевую рубашку и вешаю её в шкаф, где она составит компанию остальной практичной одежде. Там висят только два платья, ни одно из которых я не надевала месяцами. Я касаюсь одного из них, льняного узкого платья вышитого крошечными розочками. И тотчас же я вспоминаю другое платье, которое я надевала лишь однажды, платье, которое потерялось во время моих бесчисленных переездов по всему миру. Платье, которое я надела в тот день, когда стала миссис Дэнни Галлахер.

Глава 16

Лондон, семнадцать лет тому назад

Мы с Дэнни поженились в прохладный и свежий ноябрьский день. На мне цветочная корона из гипсофил и платье, спускающееся до икр, с принтом в виде маленьких бутонов роз, а в руке я держу букет красных роз в тон рисунку на моем платье. Мы оба хотели устроить небольшую свадьбу, потому что он не любит пышности и церемоний, а я стараюсь привлечь к себе как можно меньше внимания, поэтому мы выбрали местом церемонии сад на заднем дворе небольшой загородной гостиницы в Эссексе. Шафер Дэнни — его приятель по колледжу Джорджи, бестолковый и на удивление заурядный парень, который занимается логистикой в благотворительной организации, которая бурит скважины в африканских деревнях. Он чистосердечный идеалист, который, вероятно, пришел бы в ужас, если бы узнал, что я работаю на ЦРУ. Моя подружка невесты — Джози, которая предположительно является моей подругой по колледжу из Джорджтауна. По правде говоря, она работает в Агентстве под неофициальным прикрытием и прилетела сюда только для того, чтобы сыграть эту роль. Она была подробно проинформирована о моем настоящем детстве, моей семье и годах учебы в колледже, и если бы кто-нибудь попытался покопаться в ее прошлом, они бы узнали, что Джози действительно выпускница Джорджтауна.

Я сказала Дэнни, что большинство моих друзей разбросаны по всему миру и не могут присутствовать, так что остальные гости — его гости. Многие из них — его коллеги по медицинскому консьержу Галена, и их знание иностранных языков отражает их международную клиентуру. Среди медсестер есть одна, которая свободно владеет русским и украинским языками (Наталья), еще одна — арабским (Амина) и одна — французским (Элен). Также присутствуют доктора. Лидс и Чанд, а также офис-менеджер Лотти Мейсон, которая и думать не думала, что через несколько недель с ней произойдет несчастный случай. Диана пообещала мне, что это не смертельно, но достаточно серьезно, чтобы вывести бедную Лотти из строя на месяц, оставив неожиданную вакансию в офисном персонале, которую необходимо будет кем-то заполнить.

Конечно же, этим кем-то буду я.

Я знаю здесь всех, и они знают меня, или думают, что знают. Я Мэгги, женщина, с которой Дэнни познакомился в Бангкоке, женщина, в которую он был влюблен много лет. Женщина, которая была рядом с ним, когда он разрезал горло задыхающемуся мужчине в ресторане "Баллада", и была достаточно сообразительна, чтобы подать ему шариковую ручки в качестве канюли.

Да, они все были в восторге от этой истории.

Хотя они не участвуют в свадебной вечеринке, Диана и Гэвин находятся поблизости, выдавая себя за американских туристов, остановившихся в гостинице. Они почти неузнаваемы, когда обедают за одним из столиков: Диана в каштановом парике, Гэвин с красивой бородой. Просто пара любопытных янки, наслаждающихся зрелищем свадьбы в саду за их гостиницей. Они надеются мельком увидеть Филиппа Хардвика, но он не появляется на церемонии. Вместо этого Хардвик лично организует и оплатит наш свадебный ужин, который состоится в одном из ресторанов, принадлежащем организации Хардвика. Это дико экстравагантный подарок, от которого Дэнни хотел отказаться, но я сказала ему, что мы должны принять его, поскольку отказ от подарка был бы для Хардвика оскорбителен.

И это даст мне шанс наконец-то познакомиться с этим человеком.

Ресторан Ла Мер находится в Найтсбридже. Этим вечером он закрыт для публики и зарезервирован только для нашей свадебной вечеринки. В 19:35 Дэнни и я — ныне миссис Галлахер — входим в Ла Мер, и нас встречают радостными возгласами и поднятыми бокалами шампанского. Этот свадебный ужин похож на пьесу Кабуки, в которую почти все присутствующие верят по-настоящему — все, кроме меня и моей фальшивой подружки невесты Джози, которая умело потчует других гостей выдуманнами историями из наших студенческих лет. Ни Дэнни, ни его друзья и коллеги понятия не имеют о том, кого они пустили в свой круг. Я потягиваю шампанское, улыбаюсь своей фальшивой улыбкой и смотрю на дверь, ожидая появления Филиппа Хардвика.

В 19:55 дверь открывается, и внутрь входит главный актер этого спектакля. Я прочитала досье Хардвика и просмотрела десятки его фотографий, но они не подготовили меня к явному магнетизму этого человека. Он высок и мощно сложен, как пантера, и в пятьдесят два года у него все еще копна волос пшеничного цвета, но мое внимание привлекают его глаза. Они синие и холодные, оттенка морского льда, и даже когда он берет меня за руку и улыбается мне, я не вижу тепла в этих глазах.

— Приятно наконец-то познакомиться с тобой, Мэгги. Дэнни — счастливчик.

— Я тоже очень рада знакомству с вами, мистер Хардвик, — говорю я. — Спасибо вам за этот удивительный, прекрасный ужин. — Я оглядываю зал, столы, накрытые накрахмаленными скатертями и сверкающей стеклянной посудой. — Это так великодушно с вашей стороны.

— Лучшие заслуживают лучшего. — Он улыбается Дэнни, но это холодная деловая улыбка. Для Хардвика этот ужин — всего лишь сделка. Он такой, каким его описывали в досье, человек, который ничего не делает, не ожидая чего-то взамен, и то, чего он ожидает, — это лучшая медицинская помощь, которую он может купить.

Я отвожу взгляд от Хардвика, чтобы сфокусироваться на потрясающей женщине, которая вошла вместе с ним. Я узнаю ее по фотографии, сделанной в Лозанне. Это любовница Хардвика, Сильвия Моретти, и вживую она еще более эффектна, с темными средиземноморскими чертами лица и волосами, блестящими, как черный шелк. Облегающее платье-бандаж подчеркивает каждый изгиб ее фигуры. Рука Хардвика небрежно лежит на ее бедре, указывая на то, что она является его личной собственностью. Когда ее губы складываются в улыбку, взгляд остается совершенно безучастным; на этом прекрасном лице невозможно прочесть ни удовлетворения, ни неудовлетворенности.

Хардвик бросает раздраженный взгляд на двух крепких мужчин, которые сопровождали его в ресторан. Это его охрана, и один из мужчин все время поглядывает на дверь, как будто ожидая, что войдет кто-то еще.

И наконец она появляется.

Дочь Хардвика, Белла, всего лишь подросток, но в свои пятнадцать лет она уже знает, как всем своим видом источать уныние. Тот факт, что она не хочет здесь находиться, очевиден по ее сердитому взгляду и по тому, что она не отходит далеко от двери, будто только и ждет предлога, чтобы сбежать. В отличие от Сильвии, Белла не красавица, и она не приложила особых усилий, чтобы улучшить те черты, которые у нее есть. Ее рыжие волосы ниспадают на лицо, как бахрома у пуделя, а сутулость подчеркивает ее круглые, как пельмени, плечи. Ее розовая сорочка с баской — явно дизайнерское платье, но оно совершенно неправильно облегает ее пышные формы. В то время как ее отец привлекает к себе внимание, Белла прячется на заднем плане, теребя бретельку своего лифчика.

— Белла, — рывкает Хардвик. — Иди поздоровайся с молодой женой доктора Галлахера.

Она подходит ко мне и протягивает вялую руку. Ее глаза бледно-зеленые и почти без ресниц, как у какого-то водного существа, смотрящего на меня через стекло аквариума. Для нее я просто еще один деловой знакомый, на встречу с которым ее потащил отец. Из досье Хардвика я знаю, что она его единственный ребенок от брака с леди Камиллой Линдси, союза, который закончился разводом восемь лет назад. Камиллу, которая сейчас живет в Аргентине со своим, помешанным на поло, вторым мужем Антонио, описывали как “великосветскую красавицу”. Какая жалость, что она не передала эти гены своей дочери, которая наверняка страдает, осознавая, что она просто безобразна по сравнению со своей очаровательной матерью. Согласно досье, Белла посещает частную школу-интернат для девочек в Брайтоне, где, судя по ее поведению, она и предпочла бы находиться, вместо того чтобы проводить выходные со своим отцом.

Я слышу звук задвигаемого засова. Люди Хардвика только что заперли дверь ресторана, не пуская никого, кто мог бы попытаться войти, а сами расположились у входа, чтобы никто не мог уйти без их разрешения. Мы заперты внутри на весь вечер, пойманные в ловушку навязчивой манией Хардвика все контролировать. Неудивительно, что Белла сегодня вечером выглядит несчастной; когда она со своим отцом, она, должно быть, чувствует себя пленницей.

Прекрасно ее понимаю.

Предполагалось, что это будет мой свадебный ужин, но когда я сижу рядом с Дэнни за столом, уставленным тонким фарфором и целым лесом бокалов для вина, мне кажется, что сегодня все выходит из-под контроля. Хардвик, конечно, сделал предварительный заказ на вина. Его кредитная карточка, его выбор. Официанты в униформе появляются из кухни с бутылками шардоне “Домен Шансон” и деловито обходят стол, наполняя бокалы. Когда официант подходит к бокалу Беллы, он останавливается и бросает вопросительный взгляд на Хардвика.

— Будет тебе, папочка, — говорит Белла. — Мама мне позволяет.

— Твоей мамы сейчас здесь нет.

— Это не значит, что я не пью вино, когда я с ней.

Хардвик хмурится. — Ладно, но только полбокала. И ни каплей больше.

Официант наливает, затем направляется выше, где расположилась команда безопасности.

— Им не положено, — огрызается Хардвик. — Они на дежурстве.

Бедные охранники.

Хардвик поднимает свой бокал. — Тост за жениха и невесту! — Он сидит прямо напротив меня, Сильвия слева от него, а Белла справа, и я не могу избежать его взгляда. Я читала его досье и знаю, что он сделал. Я знаю, кто он такой. Моя судьба зависит от того, что он не знает, кто я такая.

Наши гости тоже поднимают свои бокалы в воздух, и Дэнни нежно сжимает мое колено. Я улыбаюсь и делаю глоток вина. Уверена, что у него превосходный винтаж, но я почти не ощущаю вкуса, потому что у меня такое чувство, будто вокруг горла затягивается узел. Я вижу Джози, мою фальшивую подружку невесты, смеющуюся на другом конце стола, вживающуюся в свою роль. Я слышу, как доктор Лидс охает над прекрасным шардоне. Я чувствую себя пойманной в ловушку этой картины, фигурой на полотне, из которого я не

могу выбраться.

— Я слышал, вы двое познакомились в Бангкоке, — говорит Хардвик. Он смотрит на меня так пристально, что я едва замечаю, как официант накладывает мне на тарелку эмбюзбуш. Омар с хересом на маленьком кукурузном пироге.

— Мэгги такая опытная путешественница, она точно знала, к какой тележке с едой подойти, — говорит Дэнни, улыбаясь мне. — От нечего делать я бесцельно слонялся по уличному рынку, увидел, что она ест, заказал то же самое и сел за ее столик. Это была любовь с первого взгляда.

— Какая счастливая случайность, — говорит Хардвик. — В нужном месте, в нужное время. Откуда ты так хорошо знаешь Бангкок, Мэгги?

Я чувствую, как ускоряется мой пульс. — Я часто бывала там по работе.

— Я слышал, ты занималась импортом модной одежды. Базируетесь в Стамбуле.

Что еще он знает обо мне? Я бросаю взгляд через стол на фальшивую Джози. Она внезапно становится настороженной. Если Хардвик знает, кто я на самом деле, он обязан знать, что она тоже мошенница, что поставило бы нас обоих в опасное положение.

— Вы занимались модой? — спрашивает Белла. Впервые она по-настоящему проявляет ко мне интерес. — Вы дизайнер?

— Нет, но я работала со многими дизайнерами. Я помогала им экспортировать их фасоны по всему миру и создавала одни из самых красивых платьев, какие только можно представить. О, и ткани тоже!

— Боже, я бы с удовольствием получила такую работу.

— Платье, которое на тебе, Белла. Оно итальянское?

Ее глаза округляются. — Вы и это можете сказать?

На самом деле это было обоснованное предположение, подкрепленное тем фактом, что любовница ее отца оказалась итальянкой. И это действительно красивое платье, хотя оно и не подходит для такой фигуры. Разговоры о моде явно наскучивают Хардвику, и он машет официанту, указывая на свой уже пустой бокал. Белла вмешалась в разговор как раз вовремя, не дав увести его в потенциально опасное русло, и я благодарна ей за это.

Подают закуски — маленькие, красиво взбитые грибные суфле, которые являются свидетельством того, что кухня справляется с непростой задачей — подать горячее суфле на вечеринку из двадцати восьми человек. Теперь появляется следующее вино — Домен Леруа Пино Нуар. Официант наливает немного в бокал Хардвика. Он крутит его, нюхает и отхлебывает. — Прекрасно, — единственное, что он говорит, и официант снует вокруг нашего стола, наполняя бокалы.

Он снова останавливается у бокала Беллы.

— Ей достаточно, — говорит Хардвик.

— Папа!

— Ты уже выпила полбокала.

— *Всего* полбокала. Мама думает...

— Мне плевать, что она думает.

— Нет, ты прислушивался к ней! — Белла окидывает взглядом Сильвию, которая остается бесстрастно-холодной. — Не понимаю, как она это терпит.

— *Ее* зовут Сильвия.

Белла вскакивает на ноги. — Честно говоря, не знаю, как тебе удастся запоминать все их имена? — Она удаляется в туалет.

Наступает долгое молчание. Сильвия спокойно потягивает вино и говорит: — Девочка скучает по своей матери. Ты должен позволить ей вернуться в Аргентину.

— Ты думаешь, Камилла хочет ее вернуть? — Он усмехается и, к моему неудовольствию, снова сосредотачивается на мне. — Приношу извинения за эту драму. Когда рядом пятнадцатилетний подросток, всегда возникает драма. Я бы хотел побольше узнать о вас, Мэгги. Американка, объехавшая весь свет, которая бросила свою гламурную карьеру, ради того чтобы стать миссис Галлахер.

Дэнни обнимает меня за плечи. — Конечно, это была настоящая любовь.

Хардвик приподнимает бровь. *Я не думаю, что он верит в настоящую любовь или во что-то, что не связано с транзакциями.* — И что ты будешь делать теперь, оказавшись в Лондоне? Станешь домохозяйкой?

Дэнни смеется над этой идеей. — Я никогда не представлял ее домохозяйкой.

— Значит, вы будете искать новую работу? Какие у вас есть уникальные навыки?

Я не могу не почувствовать ловушку в этом вопросе. Он выпытывает информацию, ждет, когда я оступлюсь.

— Во-первых, из нее получился бы чертовски хороший фельдшер, — говорит Дэнни. — Я уже видел, как она была под огнем.

— Ах да, я слышал о задыхающемся человеке в "Балладе" и шариковой ручке. Очень умно. Значит, вид крови вас не пугает?

— Я выросла на овцеводческой ферме в Нью-Мексико, — говорю я ему. — На наших ягнят всегда нападали хищники. — Я смотрю на своего мужа. — И я бы с удовольствием поработала с Дэнни в клинике, даже если это всего лишь заполнение карт.

— В самом деле? Заполнение графиков сделало бы вас счастливой? — Взгляд Хардвика, кажется, запускает щупальца в мой мозг, исследуя все потайные щели. Я чувствую себя пригвожденной к своему стулу, готовой для препарирования.

Официанты приносят основное блюдо. Идеальный момент чтобы отлучиться и сбежать из-за стола.

— Извините, — говорю я и поднимаюсь со стула.

Я удаляюсь в дамскую комнату и закрываюсь в одной из двух кабинок. Мне не нужно в туалет; мне просто нужно дать себе минутку, чтобы восстановить равновесие. Я и раньше смотрела в глаза террористам, была свидетелем их кровавых деяний, но никогда не ощущала такой личной угрозы, как тогда, когда сидела за столом напротив Хардвика. Я думаю о его банкире, заживо сгоревшем в своем "ягуаре". Я думаю о бухгалтере Хардвика, застреленной в своей спальне. Они были убиты, потому что кто-то их предал. Кто-то, обладающий внутренней информацией о том, что они были информаторами.

Диана права. Мы ничем не можем поделиться с британцами. Если я хочу остаться в живых, мы должны держать это в нашем узком кругу.

Пришло время вернуться за стол и встретиться с ним лицом к лицу.

Я отпираю дверь кабинки. Как только я выхожу, что-то со стуком падает на пол, и я слышу — Вот, черт, — когда из-под двери другой кабинки выкатывается синяя таблетка.

Я беру таблетку. Она круглая, с оттиснутым на одной стороне символом бабочки. Кабинка открывается, и Белла выскакивает наружу. Ее взгляд устремляется прямо на таблетку в моей руке.

— Пустяки, — говорит она. — мне просто прописали это от нервов.

Я смотрю на пластиковый пакет, который она держит в руках. В нем содержится еще

полдюжины синих таблеток, и это определенно не отпускаемый по рецепту пузырек. Она тянется за таблеткой, но я не даю ее ей.

— Она грязная, — говорю я.

— Все нормально.

— Но она валялась на полу уборной. Ты же не хочешь...

— *Пожалуйста.*

Наконец я протягиваю ей таблетку, и она кладет ее в пакетик к другими синим таблеткам, по-видимому, не заботясь о микробах, которые прячутся в комнате, где люди мочатся и гадят.

— Я никому не скажу об этом ни слова, — говорю я ей.

Она мне не верит. Я вижу это по тому, как сжимаются ее губы, по ее быстрому, нервному взгляду на дверь. — Мой отец...

— Помешан на контроле

— Вы тоже заметили?

— Этого трудно не заметить. Предопределенное меню. Охрана заперевшая нас всех в ресторане.

— Ах, эти. — фыркает она. — Это всего лишь Кит и Виктор. Они просто болваны. Я все время тайком выбираюсь из дома, и они понятия не имеют, что я это делаю.

Подростки. Они вечно обводят нас вокруг пальца.

— Послушай, Белла, я не хочу доставлять тебе никаких неприятностей, но ты бы поосторожней с этим. — Я киваю на таблетки. — Это Молли.

— Откуда вы знаете?

— Просто знаю. У них могут быть довольно страшные побочные эффекты.

— Они дают мне возможность чувствовать себя счастливой. С ними создается ощущение, что все в порядке, хотя я знаю, что это не так.

Я протягиваю руку и касаюсь ее плеча. Она вся горячая, ее почти лихорадит, будто ее несчастье — это печь, горящая у нее внутри. — Белла, у меня тоже был дерьмовый отец, так что я тебя понимаю. Но ты вырастешь и уедешь, как это сделала я.

Эти слова вызывает у нее легкую улыбку. Она засовывает пакетик с таблетками в сумочку, застегивает ее на молнию. — Ты правда никому не расскажешь?

— Ни единой живой душе.

— Даже доктор Галлахеру? Потому что, если он узнает, то решит, что должен рассказать моему отцу.

— Я не скажу даже Дэнни. — Я поднимаю руку. — Честное скаутское.

Она выглядит озадаченной этой фразой, но понимает смысл: со мной ее тайна в безопасности. — Доктор. Галлахер — хороший человек. Я рада, что вы вышли за него замуж, — говорит она и выходит из дамской комнаты.

Я не тороплюсь мыть и вытирать руки. Я не хочу, чтобы было слишком очевидно, что мы с Беллой о чем-то шушукались, что между нами установилась связь. Но она установилась. Теперь я знаю немного больше о Филиппе Хардвике и его семье. Я знаю, что его дочь обижена на него. Я знаю, что он не обладает таким всеохватным контролем, как ему кажется.

Это может оказаться полезным.

Я сплю с врагом. Если я хочу выжить, именно так я должна думать о своем новом муже.

Но Дэнни не кажется мне врагом, когда мы лежим вместе в постели в нашем маленьком приморском отеле на турецком побережье. В то время как другие молодожены могли бы отправиться в Испанию или Италию, мы проведем неделю в красивой прибрежной деревушке Гюмюшлиюк. Сюда приезжает не так много иностранных туристов, вот почему я выбрала его для нашего медового месяца. Здесь мы можем побродить среди заброшенных древних руин, искупаться в бирюзовой воде и поужинать морским лещом на гриле, запивая его хорошим турецким вином. Здесь мы можем побыть одни.

Или настолько одни, насколько нам позволено быть.

Я переворачиваюсь на бок и изучаю своего спящего мужа. Утренний свет просачивается сквозь жалюзи на окнах, окрашивая его обнаженную грудь в золотистые тона. Это скромный отель, который могли бы выбрать турецкие пары с ограниченным бюджетом. Простыни из грубого хлопка, а некоторые плитки на полу потрескались, но здесь чисто, владелец дружелюбный, а наши окна выходят на воду. Вместо этого мы могли бы остановиться в отеле "Пера Палас" или на одном из роскошных курортов Бодрума с их мраморными полами, персоналом в униформе и круглосуточными массажистками, но я хочу, чтобы Дэнни увидел именно эту Турцию. Именно так поступила бы невеста: привезла бы своего нового мужа в романтическую деревню на Эгейском море, чтобы пить вино, заниматься любовью и притворяться, что наши отношения реальны.

Этим утром, когда я восхищаюсь его загорелыми плечами и появившимися на них новыми веснушками, похожими на посыпку мускатного ореха, это кажется реальным, но всегда есть риск, что, если я неосторожно раскрою свои секреты, это может дойти до Хардвика. Даже в самые интимные моменты я настороже и должна иметь в виду, что даже у стен есть уши.

Глаза Дэнни приоткрываются, и он улыбается мне. — Ты давно не спишь?

— Целую вечность. Мне просто нравится смотреть на тебя.

— Я снова храпел?

— Да, но это прелестный храп. Как мурлыканье кошки. — Я провожу рукой по его груди, животу. Он почти такой же худощавый, как в тот день, когда мы встретились, но по прошествии семи лет нельзя отрицать, что время наложило на нас свой отпечаток. На наших головах появились новые серебристые волоски, а на лицах проступили более глубокие морщины. — "Пока смерть не разлучит нас", — поклялись мы, но действительно ли мы состаримся вместе? Будет ли у нас такой шанс?

— Ты голоден? — спрашиваю я.

— Всегда. — Он обхватывает меня рукой и переворачивает на спину. — Но завтрак может подождать.

Официант усаживает нас на краю террасы, за столик, ближайший к морю. Турки — безнадежные романтики, и наш официант знает, что мы только что поженились, поэтому он хлопчет о нас, как добрый дядюшка. Он приносит мед для нашего йогурта и добавляет дополнительные оливки и треугольнички феты на поднос с закусками к завтраку, потому что заметил, что у Дэнни отменный аппетит. Сегодня утром мы встали поздно, и терраса полупуста. Хотя за соседними столиками никто не сидит, я автоматически оглядываюсь в поисках тех, кто мог бы нас подслушивать, в поисках лиц, появившихся на моем радаре за последние пять дней. Я должна иметь в виду, что мы с Дэнни не одни, даже в наш медовый месяц. Либо люди Хардвика, либо мои люди могли отслеживать наши передвижения,

возможно, даже прослушивать наши разговоры, и каждое утро, пока Дэнни принимает душ, я быстро осматриваю гостиничный номер в поисках подслушивающих устройств. Пока я не нашла ни одного, но это не значит, что их там нет.

Осматривая террасу, я вижу пожилую британскую пару, прибывшую два дня назад, турецкую семью с тремя детьми и пару голландских молодоженов. Настоящие молодожены. Я испытываю укол зависти, наблюдая, как они держатся за руки и наклоняются через стол, чтобы поцеловаться. У нет никаких скрытых мотивов для брака, только настоящий союз. То, на что я надеялась и с Дэнни, пока визит Дианы все не изменил.

Я перевожу взгляд на своего мужа и испытываю беспокойство, видя, что он пристально наблюдает за мной. Это игра солнечного света, или его глаза всегда были такими зелеными?

— О чем ты думаешь, дорогой? — спрашиваю я.

— О том, что нужно продлить здесь номер еще на неделю. Или месяц. Или почему бы не на весь этот чертов год? Я мог бы жить здесь очень счастливо.

— Тебе бы не стало скучно?

— В раю? — Он смотрит на море. — Иногда я думаю, что нам следует отказаться от нашей старой жизни, Мэгс. Схватить наши рюкзаки и оставить все позади. Только ты и я, граждане мира. Находим работу везде, где только можем, везде, где в нас нуждаются. Мы могли бы принести человечеству настоящую пользу, как это делает Джорджи, копая колодцы в маленьких деревнях.

— Вернуться к благотворительности?

— Почему бы и нет? На этот раз мы могли бы делать это вместе. — Он смотрит на меня с такой неприкрытой тоской, что я верю ему, верю, что он действительно хочет сбежать с работы, в которой чувствует себя загнанным в ловушку, и хочет, чтобы я сбежала с ним. Затем, так же быстро, разум, видимо, берёт верх, и импульс проходит. Он вздыхает и качает головой. — Ведь все мы об этом мечтаем, правда? Просто взять и сбежать.

— От чего ты убегаешь, Дэнни?

— Ни от чего. Болтаю всякую ерунду.

— Нет, правда. Скажи мне, что тебя беспокоит.

Он смотрит вдаль, на рыбацкие лодки, покачивающиеся у причалов. — Это не то, что я себе представлял, работая в такой компании, как Гален. Вместо того, чтобы спасти жизни, я просто раздаю таблетки привилегированным. Таблетки, чтобы проснуться, таблетки, чтобы заснуть, таблетки, чтобы сделать их счастливыми.

— С твоими пациентами и впрямь так трудно иметь дело?

— С некоторыми из них, да. С большинством из них. Я думаю, это связано с их раздутыми банковскими счетами.

— Вроде Филлипа Хардвика?

При упоминании имени Хардвика его взгляд снова возвращается ко мне. — Он тебе не понравился, не так ли?

— Мне не понравилось, как он разговаривал со своей дочерью. Если он принимает таблетки счастья, они не действуют.

— В его случае ему действительно нужны таблетки, которые я ему даю.

— От чего?

— У него эпилепсия. Это следствие старой травмы головы, которую он получил в молодости. В любое время дня и ночи он может упасть в обморок от сильнейшего припадка. Я работал с неврологом, чтобы подбирать дозы различных лекарств, но у него периодически

все еще случаются приступы. Вот почему он берет меня с собой, когда путешествует, чтобы быть уверенным, что есть кто-то, кто поможет ему, если его припадок не прекратится.

— Так вот почему он везет тебя на Кипр в следующем месяце.

— Я бы предпочел не ехать.

— Не полететь на частном самолете и не остановиться в хорошем отеле?

— Это все та же работа, Мэгги. Я лучше бы побыл дома с тобой. Пожалуйста, не будем о нем говорить. — Он кладет свою салфетку. — Давай прокатимся, найдем хороший пляж.

Мы пакуем трубки для подводного плавания, обед и направляемся вверх по побережью. Грунтовая дорога ведет нас вниз по полосе полуострова к крошечной бухте, где больше никого не видно. Я понимаю, что это место, где можно легко исчезнуть, пока мы идем сквозь кустарник и колючки к воде. Место, где мужчина может избавиться от своей невесты так, чтобы никто этого не увидел. Каким извращенным кажется теперь мир, что мне вообще приходит в голову такая мысль. Что мужчина, которого я люблю, также является человеком, которого я должна остерегаться.

Мы кладем пляжные сумки и полотенца на землю и раздеваемся до купальных костюмов. Песок здесь крупный, больше похожий на гравий, и я осторожно крадусь к кромке воды. Там я останавливаюсь, чтобы надеть маску и ласты. Дэнни ныряет первым, и я смотрю, как он плывет в кристально чистой воде.

Я ныряю и следую за ним, плывя к тому месту, где вижу, как плещутся его ласты. Как только я доплываю до него, он выскакивает, барахтаясь в воде. — Мэгги, взгляни вниз!

— Что там внизу?

— Ну же, давай. Сама увидишь. — Он засовывает трубку обратно в рот и ныряет.

Я тоже ныряю.

Глубина воды здесь всего около восьми футов, достаточно мелко, чтобы опуститься на морское дно всего несколькими толчками ног. Он указывает на шельф из обесцвеченного коралла, давно отмершего и явно древнего, судя по тому, что в нее закопалось: амфора. Я представляю, как она упала с лодки тысячи лет назад. Возможно, ее выбросили или уронили по неосторожности, и она опустилась на морское дно. Шли столетия, по мере того как одни города на суше поднимались, а другие рушились под водой, коралл продолжал терпеливо расти, поглощая этот потрепанный временем кусок мусора.

Дэнни касается моего плеча, и я встречаюсь с ним взглядом сквозь маску. Он улыбается, взволнованный находкой. Мы оба всплываем на поверхность, где покачиваемся, барахтаясь в воде, и он вынимает трубку изо рта.

— Это было потрясающе! — говорю я.

— Мэгги...

— Интересно, что еще мы там найдем?

— Я люблю тебя.

Я смеюсь. — Разве не поэтому ты женился на мне?

— Я просто хочу, чтобы мы помнили это. Запомнили этот момент навсегда. Давай пообещаем это друг другу.

Мы здесь одни, где нас больше никто не слышит. Единственный звук — это шелест воды, плещущейся вокруг нас, и если когда-нибудь должно прийти время сказать правду — оно пришло именно сейчас. Каждая секунда промедления только усугубляет чувство моей вины за все те секреты, что я утаиваю от него. Я хочу быть честной, но не могу, потому что не в моем характере доверять кому бы то ни было. Мое детство научило меня, что если я

доверюсь кому-то, это чревато последствиями.

Он бросает взгляд на берег. Еще одна пара только что прибыла в бухту, и сейчас они расстилают одеяло на пляже. Мы больше не одиноки. Момент говорить правду прошел.

— Давай пообедаем, — говорю я. И уплываю обратно на пляж.

Глава 18

Сейчас

Я думаю о той неделе медового месяца на побережье, когда еду на своей Куботе RTV по полю, а позади меня плещутся ведра с водой. Сегодня утром температура четырнадцать градусов, и через несколько часов сиденья Куботы, куда попала вода, покроются слоем льда. Кажется, прошла вечность с тех пор, как я в последний раз надевала купальник и сандалии, с тех пор, как я в последний раз нежилась на солнце на пляже. Вместо купального костюма на мне теперь шерстяной свитер, пуховик и резиновые сапоги. Я паркую Куботу рядом с курятником и отключаю ток на электрическом заборе, работающем на солнечных батареях. Я оставляю цыплят запертыми в курятнике, пока несу корм и первое ведро воды в их вольер. Работа на ферме по большей части тяжелая, но ее ежедневный ритм успокаивает меня: плеск воды, наполняющей ведра, и шорох сыплющегося из мешков корма. Когда я занята, у меня мало времени размышлять о том, что я предпочла бы забыть, но этим утром я, кажется, не могу избавиться от воспоминаний. Я наливаю воду в корыто, и плеск воды наводит меня на мысль о плавании в Эгейском море. Я насыпаю корм, и это заставляет меня вспомнить о крупнозернистом песке на турецком пляже, и в одно мгновение я снова там, с Дэнни.

Я открываю дверь курятника и выпускаю цыплят. Мой петух появляется первым, покачивая головой, как танцор диско, когда он с важным видом спускается по трапу. — Доброе утро, дамы, — говорю я, когда его гарем следует за ним, кудахта и карабкаясь к кормушкам. Я рада, что сегодня утром не нашла ни однойдохлой курицы. Я не потеряла ни одной с того дня, как убила лису, но это только вопрос времени, когда на ее месте появится другой хищник. Так всегда бывает.

Пока цыплята отвлекаются на еду и свежую воду, я быстро ворую яйца из их гнезд. Этим зимним утром у меня небольшая добыча, всего несколько дюжин яиц, и вряд ли их стоит брать с собой на рынок. Тем не менее, из них получается симпатичная пасхальная корзинка с сочетанием синего и аквамаринового, коричневого и белого цветов. Я ставлю корзинку с яйцами в RTV и тянусь за вторым ведром для воды, чтобы наполнить корыто. К полудню это корыто замерзнет, и мне придется вернуться, чтобы наполнить его снова.

Я хватаюсь за ручку второго ведра. Когда я отношу его от Куботы, почти одновременно происходят две вещи. Я чувствую, как ведро дергается, и громкий треск эхом разносится по полю. Вода брызжет мне на штанину, забрызгивая ботинки. Две ровных струйки вытекают из отверстий на противоположных сторонах ведра. Время, кажется, замедляется, так как мой мозг обрабатывает все эти детали сразу. По мере того, как я понимаю, что они означают.

Я бросаюсь на землю, и как раз в тот момент когда моя щека касается снега, я слышу еще один выстрел из винтовки. Я забираюсь под днище RTV, где лежу с колотящимся сердцем. Когда тающий снег просачивается под мою куртку, еще два выстрела отправляют пули в Куботу. Откуда, черт возьми, доносятся выстрелы? Я лихорадочно осматриваю поле и понимаю, что стрелок должен быть в лесу, слева от меня.

Я подкатываюсь к пассажирской стороне RTV, теперь я защищена от стрелка машиной. Лобовое стекло разбивается вдребезги, и осколки стекла дождем сыплются на снег. Теперь

очевидно, что это не шальные пули, выпущенные каким-то охотником, который не знает, во что стреляет. Этот стрелок целится в меня.

Моя винтовка все еще внутри RTV.

Я приподнимаюсь на корточки и открываю пассажирскую дверь.

Пули вонзаются в одну из шин. Воздух с шипением выходит наружу, и шина сдувается.

Я забираюсь в кабину, хватаю винтовку из-за сидений и снова выкатываюсь наружу.

Осматривая деревья в оптический прицел, я замечаю движение. Человеческая фигура, одетая в камуфляж.

Я делаю выстрел — всего один, потому что в моей винтовке осталось всего три патрона. Тот, кто стреляет в меня, почти наверняка вооружен получше, но теперь он знает, что я тоже вооружена и не сдамся без боя.

Я осматриваю линию деревьев, но человек в камуфляже уже растворился в лесу. Он все еще там, прячется в подлеске, ожидая, когда я выйду из укрытия? Если я заберусь в RTV, то подвергну себя опасности. В любом случае, со спущенной шиной им управлять невозможно. Я вожу туда и обратно оптическим прицелом, осматривая лес. *Где ты? Где ты?* Ветер проносится по полю, и мои промокшие брюки начинают обледеневать. Я не могу вечно сидеть здесь на корточках, но и броситься бежать по заснеженной пустоши не осмеливаюсь.

Издали я слышу приближающееся рычание двигателя. Я поворачиваюсь и вижу, как ко мне мчится еще один RTV. Это Лютер. Даже когда он подъезжает ко мне, я все еще держу винтовку нацеленной на линию деревьев и боюсь подняться с корточек.

Он выбирается из своего RTV, кряхтя на холодном воздухе. — Что здесь происходит, Мэгги? Кто стрелял?

— Я не знаю! Ложись!

— Келли разговаривает по телефону с полицией. Они должны быть на своих...

— Ложись!

— Что, с моими-то коленями? Если я здесь лягу, то никогда не встану. — Он замолкает, уставившись на мою изрешеченную пулями Куботу. — Иисус, блядь, Христос. Это не какой-то идиот-охотник.

— Нет. Кем бы он ни был, он охотится не на оленей.

Лютер все еще стоит на виду, глядя на деревья, гигантская бесстрашная мишень, готовая принять в себя пулю. — Кто, черт возьми, пытается убить тебя, Мэгги?

— Я не знаю, — говорю я.

Но думаю, что знаю почему.

Очень жаль, что Келли позвонила в полицию, потому что теперь мне снова приходится иметь дело с исполняющей обязанности шефа Тибодо, которая сидит за моим кухонным столом и обрушивает на меня шквал неприятных вопросов. Ее светлые волосы снова собраны сзади в тугий конский хвост, подчеркивающий острые углы ее лица, а утренний свет раскрывает новые детали, которых я раньше не замечала: россыпь веснушек на щеках, и шрам над верхней губой. Даже в феврале у нее здоровый загар, который говорит мне о том, что она любит активный отдых. Я чувствую себя так, словно имею дело с более молодой версией себя, что делает ее серьезным противником. Когда я была в ее возрасте, я могла сказать, когда слышу чужь собачью, и она тоже.

— Кто-то только что пытался убить вас, — говорит она. — И вы действительно понятия не имеете, кто это был?

— Я не разглядела лица. Все, что я видела, это...

— Фигура в камуфляже.

— Да.

— Мужчина или женщина? Хотя бы это вы мне можете сказать?

— Мужчина.

— С чего вы взяли?

— Поняла по телосложению. По тому, как он двигался.

— И этот человек прошел пешком через те леса только для того, чтобы застрелить вас.

— На моей территории тоже водятся олени.

— Я заметила, что ваша территория размечена.

— Не все подчиняются знаку “Охота запрещена”.

— Вы действительно думаете, что это был просто охотник на оленей?”

— С плохим зрением.

Ее губы сжимаются в линию. Джо Тибодо не оценила юмора. — Я поговорила с вашим соседом, мистером Янтом. Он говорит, что в вашем RTV множество пулевых отверстий, а лобовое стекло разбито вдребезги. Он и его внучка услышали по меньшей мере десять, а может, и больше выстрелов. И он обнаружил, что вы прячетесь за своей машиной.

— Я не пряталась. Я укрылась и пыталась определить, откуда доносились выстрелы.

— Это очень рассудительно с вашей стороны, мэ.м.

— Мне нравится думать, что это так.

— Вы раньше попадали в подобную ситуацию?

Этот вопрос застаёт меня врасплох. Это не тот вопрос, на который я хочу отвечать. — Я выросла на овечьем ранчо, — наконец говорю я. — И привыкла к оружию. И знаю, когда нужно пригнуть голову.

— Это нападение имеет какое-то отношение к мертвой женщине на вашей подъездной дорожке?

— Я не знаю.

— Кто хочет вашей смерти?”

— Я не знаю.

— Похоже, вы очень многого не знаете.

— Это можно сказать о ком угодно.

— Я не смогу вам помочь, если вы не поможете мне. Теперь мне нужно получить кое-какие ответы, мисс Берд. От кого вы прячетесь? От чего убегаете?

Мы все от чего-то убегает. Это первое, что приходит мне в голову, но ей не понравился бы еще один легкомысленный ответ, поэтому я просто качаю головой.

Она оглядывает мою кухню. Я еще не вымыла утреннюю посуду, и она видит беспорядок, оставшийся после завтрака: жирная сковорода на плите, кофейная чашка, тарелка с крошками тостов и желтыми пятнышками яичницы-болтуни. — Когда я была здесь в последний раз, я видела вашу систему безопасности, — говорит она. — Все эти камеры наблюдения, датчики движения. Это очень маленький городок. Ни у кого здесь больше нет такой системы, как у вас.

— Это позволяет меня чувствовать себя в безопасности”.

— А почему бы вам не чувствовать себя здесь в безопасности? — Она смотрит прямо на меня, и я знаю, что эта женщина никогда не сдастся. Джо Тибодо будет продолжать копать и копать, и хотя она никогда не узнает правду обо мне, она будет вечной занозой в моей заднице.

Стук в мою парадную дверь — долгожданная передышка. Я слышу, как Деклан кричит: — Привет, Мэгс! — и заходит на кухню. — С тобой все в порядке?

— У нас сейчас как раз идет разговор об этом, — говорит Тибодо.

— Да, я слышал о стрельбе через полицейский сканер.

— Мистер Роуз, если вы не возражаете...

— Кто это был? У нас есть описание? Транспортное средство?

— Я хотела бы закончить этот допрос.

Деклан смотрит на меня. — Где это произошло?

— Там, в поле. Рядом с моим курятником.

Деклан разворачивается и направляется обратно к двери.

Тибодо кричит: — Мистер Роуз! — но он игнорирует ее и выходит на улицу. Там к нему присоединяется Бен Даймонд, который только что подъехал на своей машине. Из окна своей кухни я вижу, как мужчины совещаются, глядя на поле. Вместе они начинают пробираться по снегу.

— О Господи, — стонет Тибодо. — Они уничтожат улики на месте преступления. — Она вскакивает и сдергивает свое пальто со стенного крючка. — Кем, черт возьми, они себя возомнили?

Вы и понятия не имеете. Я тоже натягиваю пальто и следом выхожу за дверь.

Деклан и Бен уже пересекают поле, значительно опережая нас. Они знают достаточно, чтобы не оставлять свежих следов на снегу, и идут по тем же следам шин, оставленным RTV Лютера, когда он привез меня обратно к моему дому.

— Извините! — кричит Тибодо, идя по следу, оставленному их ботинками. — Джентльмены!

Мужчины продолжают идти дальше.

— Они что, глухие? — бормочет она.

— Они пытаются разобраться, — говорю я. — Послушайте, они не глупы. Они не наследят на месте преступления.

— Они не ведают, что творят!

— Они знают больше, чем вы думаете.

— Кто они такие, черт возьми?

— Можете спросить у них самих.

К тому времени, как мы добираемся до моего бедного RTV, Бен и Деклан сидят на корточках у упавшего ведра с водой и пялятся на два пулевых отверстия.

Деклан поднимает на нас глаза. — Это три ноль восемь.

— И откуда вы это знаете? — спрашивает Тибодо.

— Баллистика — мое хобби. — Он поднимается на ноги. — Это была бы очень большая дырка, если бы пуля попала в тебя, Мэгги. Хорошо, что этого не произошло.

— Чистое везение, — говорю я. — Он выстрелил как раз в тот момент, когда я поворачивалась.

— Выстрел донесся с той стороны? — спрашивает Бен, глядя на деревья.

— Да. Я видела его в оптический прицел своей винтовки. Рядом с теми буками.

Бен и Деклан направляются к деревьям. Тибодо отказалась от попыток остановить их. Вздохнув, она следует за мужчинами.

Не требуется много времени, чтобы найти отпечатки обуви, оставленные стрелком.

— Похоже на восьмой размер, восьмой с половиной. Подошва Vibram, — говорит

Тибодо. Она достает свой телефон, чтобы сделать несколько снимков. Стрелявший оставил множество следов, но именно на этом отпечатке самый четкий след протектора, не затененный ветками и защищенный от пронизывающего ветра. Мы позволяем ей заниматься своими полицейскими делами и стоим в стороне, наблюдая, как она собирает гильзы. Я не могу удержаться и бросаю взгляд на отпечатки ботинок Бена и Деклана. Оба они крупнее, чем у стрелка, по крайней мере, десятого размера. Хотя я знаю этих мужчин и доверяю им, есть некоторые привычки, от которых я не могу избавиться, и одна из них — подвергать сомнению верность каждого, даже тех, кого ты любишь.

Особенно тех, кого ты любишь.

— Отсюда хорошо виден твой курятник, — говорит Бен, глядя сквозь деревья на поле. — Стрелок должен был знать, во что он целился.

— И целью был не олень, — говорит Тибодо, глядя на меня. — Ею были вы. — Она ждет моей реакции. Она, должно быть, разочарована, когда я ничего не говорю, а просто смотрю в сторону своего курятника. Я уже знала, что являюсь целью, и мысли мои унеслись вперед, к тому, что должно произойти дальше. Я печально смотрю на своих кур, которые копошатся в снегу. Я думаю обо всех улучшениях, которые я планировала сделать на ферме: солнечные водонагреватели для корыта. Второй передвижной курятник. Еще лампы для подогрева новой партии цыплят, которые я заказала. Здесь, на ферме Блэкберри, я обрела некоторую долю покоя, даже счастья.

Теперь у меня все это отнимают.

Несмотря на то, что здесь нет ветра, среди деревьев, кажется, что стало холоднее. Влажнее. Я вижу, как мое дыхание улетает белым облачком, и чувствую, как холод просачивается сквозь мои грязные ботинки. Бен, который обычно невосприимчив к холоду, достает из кармана вязаную шапочку и натягивает ее на свою бритую голову. На шляпе изображен логотип Гарварда, что кажется мне в высшей степени ироничным, потому что он не учился в Гарварде и не может сказать ничего хорошего о тех, кто там учился.

— Давайте выясним, как он сюда добрался, — говорит Бен. Он направляется вглубь леса.

Мы следуем за ним, пока он прослеживает отпечатки ботинок отступающего стрелка. След идет по одному и тому же пути, как при входе, так и при выходе; стрелок вышел тем же путем, каким вошел. Никто не произносит ни слова, но тем не менее вокруг стоит шум, хруст наших ботинок по снегу, резкие трески ломающихся веток и шорох опавших листьев. Деклан, Бен и я — все мы в хорошей форме для своего возраста, но от вдыхания холодного воздуха у меня сжимается грудь, а старый перелом в лодыжке ноет. Интересно, чувствуют ли Бен и Деклан, что старые травмы снова всплывают на поверхность; но даже если это так, они никогда бы в этом не признались. Мы трое старых солдат, отказывающихся признавать, что наши механизмы начинают ржаветь.

Наконец мы выходим из леса на грунтовую дорогу, которая отделяет мою собственность от соседской. Тибодо присаживается на корточки, чтобы рассмотреть следы шин там, где был припаркован автомобиль. Она делает фотографии, но я сомневаюсь, что они помогут идентифицировать автомобиль, потому что эти следы протектора могут совпадать с отпечатками дюжины других внедорожников, которые каждый день проезжают через деревню Пьюрити. Здесь, на грунтовой дороге, нет ни удобных камер наблюдения, ни свидетелей того, как машина подъезжает и отъезжает. Я всегда чувствовала себя в безопасности в лесу, но сегодняшнее нападение поколебало мою веру в то, что в мире еще

остались безопасные места.

Тибодо поднимается на ноги с грацией, которая заставляет меня позавидовать проворству молодости. — Я немедленно приступлю к работе над этим, — говорит она.

— Тут не так уж много, на что можно опереться.

— Было бы больше, если бы вы рассказали мне побольше, мисс Берд.

— Я рассказала вам все, что знаю.

Она в это не верит, но на данный момент она отказалась от попыток вытянуть из меня всю правду. Ее рация издает пронзительный звук, и она снимает ее с пояса. Отворачивается, чтобы поговорить.

— Мэгги, — тихо произносит Деклан. — Это многое меняет.

Я вздыхаю. — Я знаю.

— Тебе пора уносить отсюда ноги.

— Именно это я и собираюсь сделать. — Я поворачиваюсь спиной к лесу и иду назад, к дому, который мне придется покинуть. — Но сначала мне нужно сделать кое-что ещё.

— Я перетащил твой курятник к нашему сараю, — говорит Лютер, наливая мне чашку кофе. — Так Келли легче будет ухаживать за твоими птицами. Хотя я не знаю, как уследить чтобы наши выводки не смешались.

— С таким же успехом ты можешь объединить их, — говорю я и смотрю на Келли. — Раз уж ты собираешься оставить их себе.

— Я могу пометить твоих краской из баллончика или еще чем-нибудь, — предлагает она.

— В этом нет необходимости. Теперь они твои, Келли.

Она хмурится. — Ты больше не хочешь держать кур?

— Я бы с удовольствием. Я люблю своих девочек. Но я должна уехать из города, и хочу, чтобы у них был хороший дом. — Я улыбаюсь ей. — А твой дом самый лучший.

— Я не против позаботиться о них, пока ты не вернешься. А потом как-нибудь разберемся, какие из них твои.

— Проблема в том, что я не знаю, когда вернусь. — Прижимая к груди чашку горького кофе Лютера, я подхожу к окну их кухни и вижу Деклана, сидящего в своем "Вольво", припаркованном прямо за моим грузовиком. Он отказывается оставлять меня без защиты и стоит на страже. Он видит меня в окно и ободряюще кивает. Пока он мне нужен, я знаю, что Деклан будет рядом. Я смотрю в сторону своей собственности, на свой фермерский дом, за колоннадой кленовых деревьев. Когда я запирала свою входную дверь всего полчаса назад, я знала, что, возможно, это последний раз, когда я вижу свой дом. Теперь я слишком долго задерживаюсь на кухне Лютера, не желая покидать свою ферму, отказываться от жизни, которую я построила за последние два года. Жизни, которой теперь угрожают призраки из моего прошлого.

— А ферма Блэкберри? — спрашивает Лютер. — Как быть с ней? Если тебя не будет какое-то время, я могу прочистить трубы, перекрыть воду.

— Я уже сделала это. Просто оставь дом в покое. — Я смотрю на Келли, которая сидит за кухонным столом и наблюдает за мной своими необычайно мудрыми глазами. Она знает, что произошло что-то действительно ужасное, и хотя я не сказала ей о причине моего внезапного отъезда, она понимает серьезность происходящего. Я вдруг вспоминаю о другой девочке-подростке, которая доверяла мне, верила в меня. Я подвела эту девушку, и то, что с

ней случилось, всегда будет преследовать меня.

Я не допущу, чтобы это случилось с Келли.

— Я хочу, чтобы ты держалась подальше от моего дома, хорошо? — говорю я ей. — Не заходи внутрь, даже не приближайся к нему.

— А как же твое большое старое алоэ вера? Его ведь нужно поливать.

— Оставь его.

— Дедушка мог бы перенести его сюда.

— Нет, оно слишком тяжелое.

— Но оно погибнет.

— Ничего страшного.

Она шокирована моим ответом. Она смотрит на своего дедушку, потом снова на меня, сбитая с толку миром взрослых.

— Милая, — говорю я, садясь за стол лицом к ней. — Я могу купить новое растение, когда вернусь.

— Но ты ведь вернешься, да?

— Я хочу этого больше всего на свете, Келли. Но прямо сейчас мне нужно, чтобы ты пообещала мне, что будешь держаться подальше от моего дома, мало ли что может случиться... — Я замолкаю, не зная, как закончить предложение. Случится что? Кто-то заминировал его? Кто-то заложит бомбу или сожжет его дотла? Мне невыносима мысль о том, что Келли окажется внутри. У меня нет собственных детей, но она мне все равно что родная. И как любая мать, я сделаю все возможное, чтобы обезопасить ее.

— Можно я тебе позвоню? — спрашивает она.

— Возможно, я не смогу ответить на звонок.

— Куда ты едешь? Ты не можешь просто сказать мне?

— Хотела бы я сказать. Но я и сама не знаю. Пока не знаю.

Келли смотрит на своего дедушку, потом на меня, жадно вглядываясь в наши лица в поисках ответов. Я удивляюсь, когда она внезапно бросается ко мне, чтобы обнять. Ее волосы пахнут сладким сеном и древесным дымом, и когда я прижимаю ее к себе, я чувствую, как на глаза наворачиваются слезы. Это не то, что я хочу чувствовать; это то, чего я избегала все эти годы, и теперь вот эта глупая девчонка приклеилась ко мне, как репей.

Пора уходить. Сейчас же.

Я отстраняю ее от себя, но она держится так крепко, что кажется, будто я сдираю с себя собственную кожу. — Делай свою домашнюю работу, Келли, — вот и все, что я говорю. Это все, что я могу заставить себя сказать, иначе я начну плакать. Я выхожу за дверь.

Лютер следует за мной на крыльцо и закрывает за собой дверь. — Я не люблю задавать вопросы, Мэгги, потому что считаю, что это не мое дело. Но возможно я смог бы помочь, если бы ты сказала мне, от кого ты бежишь.

— Мне и самой это еще предстоит выяснить.

— От полиции? Ты что-то натворила?

— Нет, не от полиции.

— Хорошо. — Если этот ответ и принес ему облегчение, он этого не показывает. Может быть, потому, что он знает, что существуют куда более пугающие обстоятельства, чем преследование по закону. — Тогда от кого?

— Много лет назад у меня была связь с женщиной, — говорю я.

— Ты имеешь в виду романтические отношения?

— Да. Потом я узнала, с какими людьми он был связан.

— Преступники?

— Можно назвать их и так.

— Так вот от кого ты убегаешь? От этого человека?

Это такое же хорошее объяснение, как и любое другое. И в каком-то смысле это правда: я убегаю от Дэнни. Или от воспоминаний о нем.

— Ну что ж, — говорит Лютер. — По крайней мере, теперь я знаю, с чем мы имеем дело.

— Ты ни с чем не имеешь дела, Лютер. Это моя проблема, и я сама собираюсь с ней разобраться.

— Как?

— С помощью некоторых друзей. — Я спускаюсь по ступенькам к своему грузовику. Я вижу Деклана, моего вечного защитника, наблюдающего за мной из своей машины.

Лютер кричит: — Разве *мы* не твои друзья? Келли и я?

Я останавливаюсь у своего грузовика и оглядываюсь на него. — Да, вы тоже мои друзья. Вот почему я хочу, чтобы вы с Келли держались от меня подальше. Я хочу, чтобы вы были в безопасности.

— Он настолько опасен? Этот человек, от которого ты убегаешь?

Я думаю о Дэнни, улыбающемся мне через маленький пластиковый столик в Бангкоке. Смеющимся вместе со мной, когда мы лежим бок о бок на турецком пляже. Напевающим у плиты, когда он с любовью готовит мне бутерброд с сыром. — Да, — тихо говорю я. — Так и есть.

Глава 19

Лондон, шестнадцать лет тому назад

Я сижу на скамейке в зале 17 Британского музея, куда часто прихожу, чтобы полюбоваться гробницей ликийского царя Арбинаса. Когда-то эта гробница стояла в городе-государстве Ксантос, где она, должно быть, поражала своими скульптурными фризами, двадцатью колоннами и статуями нимф Нереид, олицетворяющих все доброе и щедрое, что приносит море. На протяжении двух с половиной столетий он медленно разрушался, пока английский археолог не выкопал его и не отправил в Лондон. Теперь он стоит в комнате 17, еще один образец трофеев империи и напоминание о том, что ни одно королевство не длится вечно. Я скучаю по Турции. Этот мраморный памятник возвращает меня на Ликийское побережье, к теплым пляжам, ослепительному солнечному свету и фруктам, созревшим на дереве до идеальной сладости. Здесь, в Лондоне, каждодневные дожди, и хотя на дворе почти июнь, сырость так глубоко проникла в мои кости, что я, кажется, никак не могу согреться. Я поднимаю взгляд на фриз подиума, на резные фигуры мужчин, участвующих в битве. Так мало в человечестве изменилось со времен короля Арбинаса. Мы все еще вовлечены в нескончаемый цикл конфликтов и войн, и теперь у нас есть оружие, достаточно мощное чтобы обречь нас всех.

Я не вижу, как Диана входит в зал, но чувствую ее приближение. Мои антенки улавливают колебания воздуха, легкое дуновение, и вот она, сидит рядом со мной на каменной скамье. Какое-то мгновение мы молчим, даже не смотрим друг на друга. Нереиды полностью завладели моим вниманием.

— Интересное место для встречи, — наконец произносит она.

Я пододвигаю к ней через скамейку сложенную газету. В газете спрятана флешка с медицинской картой Хардвика, которую я скачала с компьютера клиники Галена несколько дней назад. Когда она возвращает мне газету, флэшки уже нет. Она уже сунула ее в карман.

— И? — спрашивает она.

— Наряду с эссенциальной гипертензией у него эпилепсия, возникшая после серьезной травмы головы, когда ему было двадцать шесть. У него была субдуральная гематома, требующая хирургического вмешательства.

— Что с ним случилось?

— Он врезался в каменную стену на Ламборджини своих родителей.

— О, горести богатых.

— У него есть невролог, который постоянно вносит коррективы в его лечение, но у него все еще время от времени случаются сильные приступы.

— Как часто?

— Последний раз это случилось три месяца назад, когда он был в своем офисе в Хардвик-Тауэр. Это продолжалось всего минуту или две, но всегда существует опасность развития эпилептического статуса, когда припадок не прекращается. Это требует срочного медицинского вмешательства. Вот почему он настаивает на том, чтобы врач сопровождал его всякий раз, когда он покидает Лондон. Гарантия безопасности. Кроме того, у него начинают возникать проблемы с кратковременной памятью. Это может быть связано с той же травмой головы много лет назад.

— Насколько плоха у него память?

— У него проблемы с запоминанием имен, цифр. Он был достаточно обеспокоен, чтобы упомянуть об этом Дэнни.

Диана замолкает, когда стайка шумных школьников входит в зал 17 со своим учителем, у них резкие голоса, усиленные всеми мраморными поверхностями. Когда в комнату вторгается хаос, мы с Дианой смотрим вперед, на гробницу Арбинаса, словно размышляя о скрытых смыслах, высеченных на фризах.

— Смотрите, это греческий храм!

— Эти боги сражаются наверху, миссис Каммингс?

— Может, пойдём посмотрим следующий зал?

— Я есть хочу!

На детей не производят впечатления статуи нимф или памятники умершему королю. Нет, они хотят увидеть что-то более интересное. Где египетские мумии, миссис Каммингс? Не пора ли пообедать?

В конце концов осажденная миссис Каммингс выводит своих подопечных из зала, но их голоса продолжают отдаваться эхом на всем пути в соседнюю галерею.

— Когда Хардвику в следующий раз потребуются услуги твоего мужа? — спрашивает Диана.

— Через три недели. Хардвик устраивает прием в выходные в Мэннинг-Хаусе, своем загородном доме. Дэнни тоже будет присутствовать, на случай, если Хардвику или кому-либо из гостей понадобится медицинская помощь.

— Известно, кто эти гости?

— Мне сказали, что это будут деловые партнеры Хардвика и их жены. Он проводит эти ретриты каждые несколько месяцев. Что-то вроде развлечения для английских джентри: катание на лошадях, стрельба по глиняным голубям. Наверное, много выпивки.

— Соответственно, много болтливых языков.

— Если нам повезет.

— Ты тоже идешь?

— Меня пригласили. Не знаю почему.

Диана мгновение обдумывает это, затем лезет в карман за листком бумаги. Она пододвигает его ко мне через скамейку. — Не забывай об этом.

Я бросаю взгляд на то, что написано на бланке. Аргинат гема. — Что это? — спрашиваю я.

— Лекарство. Выясни, получал ли его кто-нибудь из пациентов Галена в последнее время.

— От чего это лекарство?

— От острой перемежающейся порфирии. Это редкое заболевание обмена веществ, которое время от времени вызывает приступы сильной боли в животе. Приступы можно предотвратить регулярными профилактическими дозами аргината гема. Препарат хранится во флаконах. Посмотри, есть ли что-нибудь на складе в клинике.

Я киваю и засовываю листок в карман. Чтобы получить эту информацию, мне нужно будет снова подключиться к компьютеру клиники, что будет не так уж сложно. Теперь персонал меня знает. Я жена доктора Галлахера, которая иногда приносит им торт к чаю. Которая время от времени помогает с регистрацией и которая теперь знает их системные пароли.

— Зачем тебе нужна эта информация? — спрашиваю я. — Кого ты пытаешься найти? — “Сирано”.

Я поворачиваюсь и смотрю на нее. Мне хорошо знакомо это имя, потому что Сирано — кодовое имя русского шпиона, за которым Агентство охотится уже много лет. ЦРУ не знает, какое имя он сейчас использует, но мы выяснили, что он родился в Ростове, был завербован и обучен российским директороматом "С" и был отправлен за границу, чтобы на Западе выдать себя за другого человека. Первая зацепка за то, что он вообще существовал, была получена из перехваченного сообщения восемь лет назад, где наше внимание впервые привлекло кодовое имя Сирано. Мы не знаем, как он выглядит и чем занимается; мы знаем только, что имя Сирано неоднократно фигурирует в сообщениях Российского директората, в сообщениях, в которых также упоминаются два нынешних члена парламента. Как и другим иностранным оперативникам, ему, без сомнения, поручено внедряться во власть и оказывать влияние на тех, кто находится у власти, и все это в интересах России.

— Есть ли новые данные о нем? — спрашиваю я.

— Перехваченное сообщение от его куратора. В нем упоминался компаньон. Женщина, которой требуются регулярные вливания этого препарата.

— И ты думаешь, что она пациентка Галена?

— Мы не знаем. Мы просто раскидываем широкую сеть на всех, кто принимает это лекарство. Имея международную клиентуру, Гален может получить именно такого клиента.

Наш разговор снова прерывают посетители комнаты 17, на этот раз супружеская пара лет тридцати. Американцы, судя по синим джинсам и кроссовкам "Найк". Нереиды, похоже, тоже не представляют для них особого интереса, и мгновение спустя они двигаются дальше.

— Этот прием в выходные в Мэннинг-хаусе, — говорит Диана. — Узнай побольше о гостях.

— Постараюсь.

— Мы будем следить за дорогами и посмотрим, кто приедет на выходные. И постараемся добавить еще одну пару ушей в список приглашенных.

— Еще одну пару? — Я хмуро смотрю на нее. — Что? Кого?

— Будет безопаснее, если ты не будешь знать. Для вас обоих.

— У вас уже есть агент в окружении Хардвика?"

Диана не отвечает, вместо этого она устремляет взгляд на скульптуры. Я разрушила свою прежнюю жизнь ради нее, а она не хочет делиться этой жизненно важной информацией. Тот факт, что она мне не доверяет, заставляет меня задуматься, насколько я могу доверять ей.

Я резко поднимаюсь со скамейки. — Если у тебя там есть кто-то еще, то я тебе на самом деле не нужна.

— Нам нужны все. Нам нужны все кадры, потому что мы можем потерять одного из вас в любой момент. Ты же знаешь, с какими людьми мы имеем дело. Ты знаешь, на что они способны. Или ты забыла?

— Забыла? — Я поворачиваюсь к ней лицом. В комнате больше никого нет, нет других ушей, которые могли бы слышать меня, когда я отвечаю яростным шепотом. — Тебя не было там, когда Доку умер от потери крови в Стамбуле. Тебя там не было, когда они подожгли его сестру и ее дочь, как живые факелы. О, я точно знаю, с какими людьми мы имеем дело.

— Тогда ты понимаешь, почему я не могу раскрыть нашего актива. Это для его же безопасности. И для твоей.

Разделить нас, чтобы мы не могли предать друг друга. Отрезать нас друг от друга, чтобы каждый работал в одиночку. В этом есть смысл, но в то же время я чувствую себя изолированной. Диана сказала "его", когда упоминала об активе, так что я знаю, что это мужчина. Что он знает обо мне? Достаточно, чтобы подвергнуть меня опасности, стоит ли попытаться его разговорить? Это обратная сторона знания союзника, который работает с вами в тылу врага. Предательство всегда возможно.

Когда я выхожу из музея, я чувствую себя болезненно незащищенной, несмотря на то, что вокруг меня толпятся туристы. Здесь всегда есть туристы, американцы со своими теннисными туфлями и поясными сумками, японцы со своими селфи-палками. В этой толпе я могу быть безликой, но я не чувствую себя в безопасности.

У меня звонит телефон. На моем экране абонент не идентифицирован, но когда я отвечаю на звонок, я узнаю голос. — Мистер Хардвик хотел бы вас видеть. — Это Кит, из службы безопасности Хардвика.

Я останавливаюсь у подножия лестницы и лихорадочно оглядываю толпу. За мной следили? Они знают, что я встречалась с Дианой?

— Он сказал зачем? — спрашиваю я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно.

— Просто дружеская беседа.

— Когда он хочет меня видеть?

— Сейчас. Приходите в его офис в Хардвик-Тауэр. Двадцать восьмой этаж.

Я рассматриваю все возможные причины для этой встречи. Он узнал, на кого я работаю? Не попаду ли я в ловушку?

— Простите, но мне хотелось бы знать в чем, собственно, дело, — говорю я.

— Мистер Хардвик все объяснит вам, когда вы приедете.

Хардвик-тауэр, расположенный в лондонском районе Саутуорк, возвышается на

тридцать этажей и выходит окнами на Темзу. С тех пор как я переехала в Лондон, я однажды обедала в этом ресторане с Дэнни и несколько раз проходила мимо него во время моих прогулок вдоль реки, но у меня никогда не было возможности посетить штаб-квартиру организации Хардвика на двадцать восьмом этаже. Доступ осуществляется через частные лифты, и чтобы добраться до них, я должна сначала зарегистрироваться на стойке охраны, позволить охраннику обыскать мою сумочку, а затем пройти через металлодетектор. Это не просто театр; Хардвик искренне беспокоится о своей безопасности, это стало для меня очевидным еще на нашем свадебном ужине, когда его люди Кит и Виктор заперли нас в ресторане.

Я еду в лифте одна, и пока он бесшумно поднимает меня на двадцать восьмой этаж, я смотрю на свое отражение в полированной поверхности двери. Я вижу напряжение на своем лице и чувствую, как мое сердце бешено колотится в груди. *Возьми себя в руки. Успокойся.* Я не могу позволить ему увидеть мой страх. Я просто американская жена Дэнни, пришла поговорить о... о чем? Моими мыслями должна владеть озадаченность. Любопытство. Вот что сейчас чувствовала бы невинная Мэгги Галлахер, и именно это, он должен увидеть на моем лице.

Индикатор этажа звенит.

Я делаю вдох и выхожу, чтобы увидеть Кита, стоящего за столом. Он явно ждал меня.

— Ваша сумочка, — говорит он. — Мне нужно ее обыскать. — Мужчина очарователен, как никогда.

— Охранник внизу уже обыскал ее.

— Правила Мистера Хардвика.

Я кладу свою сумочку на стол и наблюдаю, как он роется в ее содержимом.

— Оставьте свой телефон здесь, — говорит он.

— Простите?

— Потом вы получите его обратно-. Он протягивает коробку. — Это обычная процедура.

Возможно, для тюрьмы строгого режима. Я выключаю свой телефон и неохотно кладу его в коробку. Только после этого он нажимает кнопку внутренней связи.

— Она здесь, — объявляет он.

Мгновение спустя дверь открывается, и Хардвик встает, глядя на меня. — Входи, Мэгги.

Я захожу в его кабинет и слышу, как он закрывает за мной дверь. Это все больше и больше кажется ужасной ошибкой, но я не могу позволить ему понять, что я напугана. Вместо этого я смотрю на окна от пола до потолка и впечатляющий вид на Темзу.

— О боже мой. Вы можете смотреть на это каждый день? — говорю я.

— И этот вид никогда не надоедает. — Он указывает на стул, стоящий напротив его письменного стола из розового дерева. — Пожалуйста, присаживайся.

Когда он устраивается в своем кресле, окно освещает его сзади. Для меня это недостаток, потому что я не могу прочитать микровыражения на его лице, в то время как он может видеть каждую деталь моего. — Я провел небольшое исследование о тебе, — говорит он.

— Обо мне? — Я смеюсь. — Не могу себе представить, зачем. — Мой пульс учащается под его пристальным взглядом. Мне приходит в голову, что только Хардвик и его люди знают, что я здесь, в его офисе. Я думаю о запертой двери. Я думаю о том, как легко человеку исчезнуть бесследно, даже в Лондоне.

— Мне нравится узнавать о людях, которые меня окружают. Мне нравится знать, кто они такие и как попали в мой круг общения.

— Ну, это просто. Я вышла замуж за Дэнни.

— Да, случайная встреча в Бангкоке. В то время ты работала в таможенной конторе. — Он бросает взгляд на стопку документов на своем столе. — Фирма под названием "Европа".

Он навел обо мне справки. Насколько глубоко он копнул? — Я была аналитиком по импорту, специализируясь на моде. Экзотические ткани.

— Звучит как гламурная работа.

- "Ни одна работа не кажется гламурной, когда ты в гуще событий. — *Включая шпионаж.* — Но мне действительно довелось много попутешествовать.

— И ты отказалась от своей карьеры ради замужества. — Он смотрит на меня, приподняв одну бровь. — Действительно?

Мы приближаемся к опасной черте, но мне удастся рассмеяться. — Вы знаете, как это бывает. Настоящая любовь.

— Нет, я не знаю.

— Разве вы в это не верите?

— Я разведен. Как ты думаешь?

— Я думаю, Сильвия красивая женщина.

Теперь его очередь пожимать плечами. — Да, полагаю, что так оно и есть.

Он не может отрицать того, что очевидно для каждого, кто видит Сильвию, но его пренебрежительный тон показывает, как мало это для него значит. Сильвия — не первая его любовница и, вероятно, не последняя.

— Это действительно было по любви? — спрашивает он.

— Иначе зачем бы мне выходить за него замуж?

— Это единственная причина?

Еще один мигающий красный огонек. Еще одна ловушка, в которую я могу попасть, если не буду осторожна. Мое сердцебиение учащается еще на одну ступеньку. Он изучает меня, кажется, целую вечность, и я чувствую, что мое будущее балансирует на острие ножа. — Я действительно люблю своего мужа, мистер Хардвик. И так случилось, что мне нравится жить в Лондоне.

— Разве ты не скучаешь по Стамбулу? По своей работе?

— Конечно, я скучаю по зарплате. Не стану скрывать, что это немного выбивает меня из колеи — не иметь собственного источника дохода и чувствовать себя зависимым от кого-то другого. Когда ты растешь в бедности, как я, деньги имеют значение. И немалое.

Я вижу проблеск понимания в его глазах. Деньги — это то, что он понимает и ценит. Отделанный под золото вестибюль этого здания, мраморные колонны — все это буквально вопиет о внимании и уважении. Он хочет, чтобы люди знали, что у него есть деньги, и их много. О да, мы понимаем друг друга, по крайней мере, он так думает.

— Могу я спросить, что все это значит? Это начинает походить на собеседование при приеме на работу, — говорю я.

— Это в моей натуре — задавать вопросы.

— Вам интересно, не совершил ли ваш врач ошибку и не женился ли не на той женщине?

— Нет. Я беспокоюсь о своей дочери.

— Белле? — Я хмурюсь.

— Она впечатлительная девочка. Легко поддается влиянию и слишком наивна, чтобы знать, кому доверять. — Он откидывается на спинку стула, изучая меня, как будто я шкатулка с головоломкой, которую он хочет открыть. — Я хочу знать, хорошо ли ты на нее влияешь.

— Мне нравится думать, что это так.

— Это должно быть так, если ты собираешься быть рядом с моей дочерью. Когда-нибудь она получит ключи от царства, и прежде чем это произойдет, ей нужно вбить в себя немного здравого смысла. Я бы сделал это, но я всего лишь ее отец. Однако ты — она прониклась к тебе симпатией. Она все время спрашивает меня, когда мы снова пригласим вас с мужем куда-нибудь поужинать. Она хочет, чтобы ты приехала на выходные.

— Я понятия не имею почему. — Но я знаю. Это тот пакетик с таблетками с синей бабочкой. Я не выдала ее тайну, и в глазах подростка это делает меня союзником. Нас с Дэнни дважды приглашали на коктейльные вечеринки в Хардвик Тауэр, и оба раза Белла проводила весь вечер рядом со мной. — Может быть, это потому, что я работала в сфере моды. Кажется, она весьма увлечена этой темой.

— Откуда мне знать. Я только оплачиваю ее счета.

— Я была бы рада дать ей совет по моде. Или могла бы сводить ее по магазинам.

— Послушай, ты просто могла бы развлечь ее и уберечь от неприятностей. Мы с Сильвией будем слишком заняты, чтобы присматривать за ней, и я не могу допустить, чтобы она дулась или ставила нас в неловкое положение перед нашими гостями.

— Когда я должна это сделать?

— Прием в Мэннинг-хаусе через три недели. Твой муж все равно приедет туда на выходные. Я был бы признателен, если бы ты тоже приехала с ним.

— Вы имеете в виду, чтобы быть компаньонкой Беллы?

— А-а-а. — Он думает, что теперь понимает. — Ты хочешь, чтобы тебе заплатили, не так ли?

— Нет, я просто хочу внести ясность и понять чего именно вы от меня хотите.

— Развлеки мою дочь. Проследи, чтобы она хорошо себя вела.

— Она подросток.

— В этом-то и проблема. Думаешь, ты сможешь это сделать?

Я делаю вид, что обдумываю его предложение. Я не могу показаться слишком нетерпеливой, да и кому бы это понравилось, — лишний раз препираться с подростком? — Да, я постараюсь.

Он достает чековую книжку. — Сколько ты хочешь?

— Вам не нужно мне платить.

— Если ты работаешь на меня, тебе заплатят.

— Не в этом дело. Мне нравится Белла. Я отказываюсь получать деньги только за то, что я ее друг.

Он оглядывает меня с головы до ног, как будто ищет какой-то изъян, который он упустил. Для него это не имеет смысла, и я задаюсь вопросом, не следовало ли мне принять его деньги. Наконец он пожимает плечами и кладет чековую книжку обратно в стол.

— Поступай как знаешь. Но я предложил.

В тот вечер, когда Дэнни возвращается домой, уже почти восемь. Я уже поужинала и оставила тарелку с лососем и молодым картофелем, чтобы он разогрел их. Я сижу на диване, потягивая свой вечерний бокал виски, когда слышу, как открывается и закрывается дверь. Он

заходит в гостиную, внося с собой запах мыла, дезинфицирующих средств и усталости, и плюхается рядом со мной.

— Привет, моряк, — говорю я.

— Боже, что за день выдался. Произошла вспышка норовируса, и у всех наших клиентов рвота. Мне пришлось четырежды выезжать на дом, а это значит, что я, скорее всего, подхватчу его следующим.

Я встаю и наливаю виски в стакан. — Хочешь чего-нибудь выпить?

— Да. Тем более праздник.

Я протягиваю ему виски. — Бедняжка. Давай, я разогрею тебе ужин. А потом закажу билеты в любую точку мира, куда ты захочешь отправиться.

— Куда угодно. Лишь бы с тобой. — Он усаживает меня рядом с собой на диван. — А где ты была сегодня?

— Моталась по городу.

— Я пытался дозвониться до тебя.

— Когда?

— Ближе к полудню. Хотел сказать, чтобы ты не ждала меня к ужину, но, судя по всему, у тебя был выключен телефон.

Это потому, что в полдень я сидела в комнате 17 Британского музея, когда меня инструктировала Диана. А этого он знать не должен. Я пытаюсь найти другое объяснение и выбираю то, которое может быть подтверждено. — Я встречалась с Филиппом Хардвиком.

Я чувствую, как напрягаются мышцы его руки на моем плече. — Что? Как это произошло?

— Он попросил меня зайти к нему в офис.

— Зачем?

— Просто поговорить.

— О чем?

— О его дочери, Белле. Очевидно, у нее типичные подростковые проблемы, и он хочет, чтобы я помогла ее обуздать. Он попросил меня развлечь ее, пока мы будем в Мэннингхаусе.

Дэнни делает глоток виски. — Это единственная причина, по которой он встретился с тобой?

— Да.

— И ты согласилась?

— Я просто составляю компанию девушке. Он даже хотел мне заплатить, но я отказалась.

— Ты уверена, что хочешь в этом участвовать, Мэгги? — тихо спрашивает он.

— По крайней мере, я буду с тобой. Провести выходные в загородном доме — это звучит забавно. И Белла, с ней нет ничего такого, с чем бы я не смогла справиться.

Он вздыхает и проводит рукой по волосам. — Ты должна знать, что это непростые люди. Гости, которых он приглашает, они из другой вселенной. Для них мы просто помощники по дому.

— Ты думаешь, мне там не понравится.

Для нас это не будет вечеринкой. Я здесь для того, чтобы позаботиться об их насморке и вывихнутых лодыжках.

— А я буду нянчиться с детьми.

— Да, именно так это и звучит. Кстати, эта девчонка такая вредная.

— Ей пятнадцать. Они все непослушные. Я тоже была такой же соплячкой.

Он смеется. — Вот в этом я несколько не сомневаюсь.

Я встаю, чтобы взять бутылку виски и снова наполнить бокал. Когда я возвращаюсь на диван, он смотрит в пространство. Я устраиваюсь рядом с ним.

— Я думал о том дне, когда мы встретились, — говорит он. — Вспоминал, как это было здорово, когда мы оба скитались по миру.

— Мы были моложе. Беднее.

— Да, но свободнее”.

— У меня была работа.

— Работа, которую ты любила. Помню, я подумал: "Вот женщина, которая чувствует себя в этом мире, как дома". А теперь ты здесь, торчишь в моей квартире и наливаешь мне выпивку.

— Я с тобой, любимый. Я хочу быть здесь.

— Правда? — Его вопрос звучит так мягко, что это скорее мысль, нежели произнесенное слово. Как будто на самом деле он не хотел этого говорить, но не мог сдержать своих сомнений.

— Что с тобой? Что тебя беспокоит?

— Я бы хотел, чтобы мы были такими же, как раньше. До того, как я согласился присоединиться к Галену. До того, как деньги поглотили меня, — он тяжело вздыхает. — Что, если мы просто все бросим к чертовой матери? — Он ставит свой виски и смотрит на меня. — Прыгнем в самолет и улетим в Южную Америку? Или Индию? Или куда бы, черт возьми, нам ни захотелось отправиться?

Он серьезен, действительно серьезен, и я не знаю к чему это приведет. Я знаю только, что меня уносит в его фантазию, в это соблазнительное видение того, как мы вместе окунаемся в тот в мир, где мы могли бы забыть о Диане, Хардвике и людях-тенях с их пулями и бомбами. Но эти призрачные люди — причина, по которой я не могу убежать. Мне нужно остаться и бороться.

— Бедняжка, ты просто устал, — говорю я. — Хорошенько выспись ночью, и утром все будет выглядеть по-другому.

Он не отвечает, но я вижу, как воодушевление меркнет в его глазах. Я чувствую себя так, словно убила что-то обнадеживающее, уничтожила все шансы, которые могли бы быть у нас, но иначе я не могу. Этого требует долг. Этого требуют невинные жертвы.

— Просто будь осторожна, хорошо? — говорит он. — Будь осторожна рядом с Хардвиком. И с его окружением.

— Почему?

— Я им не доверяю. — Он смотрит мне в глаза. — И тебе тоже не следует этого делать.

Глава 20

Я уже изучила фотографии и спутниковые снимки загородного дома Хардвика, так что знаю, чего ожидать, и тем не менее меня охватил благоговейный трепет при первом взгляде на Мэннинг-хаус. Сначала мы с Дэнни должны остановиться у каменных ворот, где охранник проверяет наши имена в своем списке, прежде чем разрешить нам проехать на дорогу, обсаженную великолепными платанами. Там, вдалеке, виднеется дом, возвышающийся над декоративным озером. Фотографии не смогли должным образом

передать величественное сияние солнечного света на фасаде из красного кирпича или размах окружающего его газона, похожего на изумрудно-зеленую юбку. Когда мы подъезжаем ближе, я вижу конюшни, каретный сарай, узловой сад, а вдалеке — грандиозное сооружение. Я читала, что особняк времен короля Якова с его семьей эркерами и парапетом с балюстрадой первоначально был построен для графа. Интересно, как бы чувствовал себя этот граф, зная, что столетия спустя его загородный дом будет занят человеком, который зарабатывает деньги на торговле с врагами Англии.

— Боже мой, Дэнни, — бормочу я. — Это замок.

— А еще зимой здесь холодно и дуют сквозняки. Стекла дребезжат, а душевые кабины нагреваются целую вечность.

— Для тебя и вправду утомительно провести здесь выходные?

— Не важно, где мы будем жить, для нас это все равно работа, Мэгги.

Он подъезжает к парадной двери, и мы выходим, оба одеревеневшие после долгой поездки из Лондона. Пока Дэнни достает наши сумки из багажника, я поднимаю взгляд на дом и вижу лицо, смотрящее на нас из окна. Сильвия.

Входная дверь открывается, и охранник Хардвика выходит поприветствовать нас. — Доктор Галлахер, миссис Галлахер.

— Кит, — говорит Дэнни.

— Вам приготовлена Лиловая комната, наверху. Это двумя пролетами выше, в восточном конце...

— Я знаю, где это.

Обычно Дэнни ни с кем не разговаривает так резко. Это признак того, насколько он несчастлив из-за того, что находится здесь. Неся наши сумки, Дэнни ведет нас в дом и вверх по парадной лестнице. Мы проходим мимо портретов благородных дам в платьях в стиле ампира и джентльменов верхом на конях, но это не предки Хардвика; его семейное состояние насчитывает всего два поколения, накопленное благодаря осторожным инвестициям деда в оружейную промышленность во время Второй мировой войны.

Война пошла на пользу семье Хардвик.

Мы поднимаемся на второй этаж, и Дэнни ведет меня по устланному ковром коридору мимо спален, обозначенных по цвету, их названия выгравированы на медных табличках. Янтарная комната. Сапфировая комната. Розовая комната. Нет ничего более заурядного, чем простая красная или синяя комната. Мы идем в конец коридора, к двери, ведущей в крыло дома, которое явно предназначено для прислуги. Вот вторая лестница, гораздо более узкая, предназначенная для слуг. Поднимаясь наверх, мы проходим мимо горничной в униформе, спускающейся по лестнице с охапкой свежего постельного белья. Следующий лестничный пролет ведет нас на третий этаж, в комнату, где мы будем спать.

Лиловая комната действительно лиловая: занавески, покрывало на кровати, обои. Я ожидала, что здесь будет тесновато, но эта комната, безусловно, достаточно удобна для семейного врача. Автоматически я осматриваю комнату в поисках камер наблюдения, но не замечаю ни одной. Мы недостаточно важны, чтобы за нами следить.

Наше окно выходит на огородик при кухне, в сторону окружающего поместье парка. Посыпанная гравием дорожка вьется мимо каменных статуй и самшитовых изгородей и ведет в смешанный лес, где есть множество пешеходных дорожек для прогулок.

И мест, где можно спрятаться.

Дэнни распаковывает свой чемодан, и достает оттуда вечерний пиджак, галстук и

парадные туфли. Пока он вешает куртку в шкаф, я подхожу к нему сзади и обнимаю его за талию.

— По крайней мере, мы вместе на выходные, — шепчу я.

— Вот увидишь насколько тривиальны мои обязанности здесь.

— Ты спасаешь жизни, Дэнни. Вряд ли это тривиально.

— Единственный способ спасти чью-то жизнь в эти выходные — это если кто-то промахнется мимо глиняного голубя и вместо него застрелит другого гостя.

— Это было бы захватывающе.

Он поворачивается и обнимает меня. — Не так захватывающе, как остаться с тобой дома. Вместо этого мы здесь, застряли с людьми, у которых слишком много чертовых денег, притворяющимися, что они английские дворяне. Они будут стрелять в глиняных голубей, они будут слишком много есть и пить, а потом потребуют, чтобы я лечил их от похмелья и несварения желудка.

— Так вот почему они все здесь? Чтобы развлечься и напиться?

— О, они и их жены хорошо проведут время, но эти выходные посвящены бизнесу. Сделки, связи.

— Какому бизнесу? — спросила я.

— Я бы предпочел этого не знать, поэтому стараюсь не обращать внимания. — Он закрывает шкаф. — И тебе лучше делать так же.

По словам болтливого повара, сегодня вечером на ужин ожидается тридцать четыре человека. Как и врачи, кухонный персонал всегда знает интимные подробности о домашнем хозяйстве клиента, поэтому одно из первых мест, которое я посещаю, — это кухня. Я рассказываю повару, что когда-то работала в ресторане, и мне интересно сегодняшнее меню. Я узнаю, что в списке гостей трое вегетарианцев, у одного аллергия на моллюсков, а двое придерживаются безглютеновой диеты. Я узнаю, что приготовление пищи для полного зала в эти выходные означало доставку нескольких ящиков вина, сырных кружочков, говяжьих ребрышек, нескольких окороков и подносов с цесарками и перепелками. Кухонная прислуга начнет работу еще до рассвета, чтобы испечь хлеб и другую выпечку, а затем продолжит трудиться до полуночи, пока не будет вымыта последняя кастрюля.

На следующее утро все начнется сначала.

Поскольку она также готовит в лондонском доме Хардвика, она может рассказать мне, что Хардвик традиционно предпочитает мясо с картошкой, а Сильвия, несмотря на то, что она итальянка, избегает макарон, и что Белла недавно заявила, что есть мясо невыносимо жестоко. (“Но посмотрите, как эта глупая девчонка снова передумает. На следующей неделе ей не захочется ничего, кроме ростбифа”). Повар знает, во сколько семья завтракает, что Филипп Хардвик часто перекусывает тостами с анчоусами на ночь и что он терпеть не может помидоры. Эта информация не кажется мне особенно полезной, но это информация.

Всегда разговаривайте с поваром.

После моего визита на кухню я направляюсь в сад и брожу по усыпанной гравием дорожке, которая вьется среди лаванды, розмарина и самшитовых изгородей. Я устраиваюсь на каменной скамье, с которой могу наблюдать, как подъезжают машины и доставляют новых гостей. Из черного лимузина выходит очень тучный мужчина. Он выглядит так, словно у него вот-вот случится сердечный приступ; в конце концов, навыки Дэнни по спасению жизни могут пригодиться. Пока я наблюдаю, как мужчина вразвалочку

направляется к входной двери, позади меня раздается голос:

— Я знаю, для чего ты на самом деле приехала, Мэгги.

Я поворачиваюсь и вижу Беллу, приближающуюся по садовой дорожке. И снова она надела розовое, кричащего оттенка, который кажется почти неоновым на фоне приглушенных серых и фиалковых оттенков травяного сада. Она покраснелась от полуденной жары, ее щеки влажные и розовые, и когда она садится рядом со мной на скамейку, я вижу, как на пушистых волосках над ее верхней губой блестит пот.

— Я слышала, как они говорили о тебе, — говорит она.

— Кто это говорит обо мне?

— Мой отец и этот придурок Виктор. Я знаю твой секрет. — Она говорит это совершенно будничным тоном, как будто сообщает мне, что на завтра обещают дождь.

Перед домом останавливается еще один лимузин, и из него выходит пара средних лет. И снова Кит выходит из парадной двери, чтобы поприветствовать их. Кит и Виктор, силовики. Я думаю о людях из окружения Хардвика, которых постигла печальная участь. Сгорел заживо в "Ягуаре". Выбросился из окна. Убит выстрелом в голову. Когда ты переходишь дорогу Филиппу Хардвику, ты расплачиваешься за это.

Сохраняй спокойствие, думаю я. Этому должно быть простое объяснение.

— С какой стати они говорили обо мне? — спрашиваю я.

— Виктор хотел узнать о тебе побольше. Он спросил, не опасно ли твое присутствие здесь.

— Опасно? — Я смеюсь. — Это безумие.

— Виктор сумасшедший. Сильвия ненавидит его. Она говорит, что он пялится на ее грудь.

Неудивительно. У Сильвии очень красивая грудь.

Новоприбывшая пара исчезла в доме, и водитель отъезжает, чтобы припарковать лимузин вместе с другими машинами во дворе конюшни. К настоящему времени прибыла дюжина машин, и все они были бы запечатлены камерами, которые сейчас следят за дорогами, ведущими к Мэннинг-хаусу. Я гадаю, находится ли сейчас на этой территории агент Дианы? Интересно, кто он такой и смогу ли я обратиться к нему за помощью, если мне нужно будет срочно убираться отсюда.

— Так что же это за большой секрет, который, как предполагается, должен у меня быть? — спрашиваю я Беллу.

— Ты здесь из-за меня.

— Неужели?

— Мой отец заплатил тебе за то, чтобы ты присматривала за мной.

У меня тотчас же отлегло от сердца. Это вообще не обо мне, это о Белле. Конечно же. Подростки всегда думают, что мир вращается вокруг них.

— Я никогда не просила, чтобы мне платили, — говорю я ей.

— Но ты мой надсмотрщик. Не правда ли?

Я смотрю ей в глаза. — Да, он действительно просил меня присмотреть за тобой, но это не значит, что я согласилась это сделать.

— А для чего ты приехала?"

— Я здесь, чтобы провести выходные со своим мужем. Мне не платят, и, конечно, я здесь не для того, чтобы указывать тебе, что ты можешь делать, а что нет. — Я делаю паузу и смотрю на ее нелепое платье, которое подчеркивает все неподходящие места. — Но я дам

тебе небольшой дружеский совет. Перестань носить розовое, Белла. Серьезно, с твоими рыжими волосами тебе следует выбросить этот цвет из своего гардероба.

Она опускает взгляд на свое платье, затем хмуро смотрит на меня. — Никто никогда не говорил мне этого раньше.

Я вздыхаю. — Теперь я, наверное, обидела тебя.

— По крайней мере, ты сказала мне правду.

— Я всегда стараюсь говорить правду. *Когда от меня не требуется лгать.*

— Вот дерьмо. — Она встает со скамейки.

— Куда ты идешь?

— Сорвать эту дурацкую вещицу и выбросить в помойку.

— Это платье выглядит дорогим. Лучше отдать его в благотворительный магазин, тебе не кажется? Используй его для благого дела.

— Да, хорошо. — Она направляется к дому, но через несколько шагов разворачивается и возвращается. — Не могла бы ты, эм, подняться со мной в мою комнату?

— Конечно. А зачем?

— Ты единственная, кто когда-либо говорил мне не носить розовое. Может быть, ты пороешься в моем гардеробе? Скажешь мне, что лучше сохранить, а что отдать. В смысле, если ты не возражаешь.

Я смотрю в эти глаза без ресниц и думаю о том, каково ей, запертой в этом большом доме с равнодушным отцом и его любовницей, женщиной, чья обворожительная красота только подчеркивает отсутствие оной у Беллы. Я думаю о том, что она, вероятно, терпит в своей школе-интернате, общаясь с девочками, которые столь же богаты, но наделены прекрасными волосами и стройными бедрами.

— Я бы с удовольствием посмотрела на твой гардероб.

Когда мы вместе идем к дому, она говорит: — Ты никогда не рассказывала моему отцу о тех таблетках?

— Конечно, нет.

— Как меня бесит, что все всегда меня сдают ему. Кит и Виктор. Сильвия. Даже горничные.

— Я бы никогда так с тобой не поступила.

— Что ж, спасибо тебе.

Мгновение мы рассматриваем друг друга, два сообщника, которые установили связь, потому что понимаем ценность молчания.

— Я знаю, как хранить секреты, Белла, — говорю я.

Она одаривает меня лукавой улыбкой. — Я тоже так думаю.

Роскошная спальня Беллы выкрашена в изумрудно-зеленый цвет, лепнина в виде короны и пилястры позолочены, а над кроватью с балдахином висят богатые бархатные шторы. Это комната, подходящая для членов королевской семьи, к чему Хардвик явно стремится, но девушка, стоящая перед своим шкафом, розовая и вспотевшая, совсем не похожа на принцессу.

— Сплошное дерьмо, да? — говорит она. Она сдергивает с вешалок еще два платья и бросает их на кровать, на растущую гору выброшенной одежды. — О чем я только думала?

— Это определенно не дерьмо, Белла. — Я беру одно из платьев, которые она только что выбросила. Оно от итальянского дизайнера, шелковое, с изысканными деталями. Явно дорогое, оно предназначено для ношения в обтяжку. — Тебе просто нужно найти стиль,

который тебе подойдет.

— Ты имеешь в виду, который спрячет меня.

— Тебе, безусловно, не нужно прятаться. Тебя должны увидеть.

— Моя мама считает иначе. — Она бросает в кучу платье с розово-оранжевыми психоделическими полосками. Скатертью дорога и этому. — Я думаю, что она меня стесняется.

— О, Белла. Я уверена, что это неправда.

— Ты с ней не встречалась. Мама идеальна. Она всегда была само совершенство.

Она стоит спиной ко мне, так что я не могу видеть ее лица, но я слышу дрожь в ее голосе, и теперь вижу, как поникли ее плечи, когда она стоит перед шкафом, заполненным одеждой, которая словно бы специально создана жестокой индустрией моды, чтобы унижать таких девушек, как она. Я хочу протянуть руку и прикоснуться к ней, утешить ее, но это было бы равносильно пересечению эмоциональной черты, от которой я не смогла бы отступить. Мне приходится напоминать себе, что я здесь не для того, чтобы быть ее другом. Я здесь для того, чтобы использовать ее, воспользоваться ее доверием, а затем бросить. Я не могу позволить нашей привязанности стать еще глубже.

Я выглядываю в окно, из которого открывается вид на подъездную дорожку с величественными платанами, и вижу, как к парадной двери подъезжает "Рейнджровер". Из дома выходит Кит, чтобы поприветствовать новоприбывших, молодую пару, которая привезла с собой ошеломляющее количество багажа.

Белла подходит и встает рядом со мной у окна. — Ненавижу эти выходные, — говорит она, глядя сверху вниз на гостей. — Все эти люди подлизываются к папочке. Притворяются, что я им нравлюсь.

— Почему бы тебе им не нравиться? Мне ты нравишься.

— Ты — единственная причина, по которой это терпимо. В противном случае, я бы предпочла просто провести выходные в школе.

— Ты сказала об этом своему отцу?

— Он говорит, что я должна быть здесь, чтобы встретиться с этими людьми. Узнать их имена, выяснить, чем они занимаются.

— Потому что он ожидает, что когда-нибудь ты возглавишь его бизнес.

— Как будто я когда-нибудь захочу этого. — Она смотрит на меня. — Я хотела бы заниматься тем же, чем и ты. Работать в сфере моды.

Я улыбаюсь. — Ты вольна делать все, что захочешь. Это не его жизнь, Белла. Она твоя.

— Нет, это не так. — Она выглядывает в окно. — Он говорит, что я единственная, кому он может доверить руководство. Что мне на это сказать?

— Ты могла бы сказать "нет".

Она фыркает. — Ты не знаешь папу.

Но я знаю его. Я знаю о нем то, чего не знает она; то, что привело бы ее в ужас. Вещи, которые вызывают у меня желание сказать ей: Беги, Белла. Беги быстро, беги далеко, пока его яд не заразил и тебя тоже. Но я не могу говорить ей такое. Я не могу спасти ее. Все, что я могу сделать, это стоять в стороне и наблюдать, как энтомолог с холодным взглядом наблюдает за пауком, опутывающим свою добычу.

Я не могу заставить себя взглянуть на нее, на эту девушку, которая является всеобщей пешкой. Вместо этого я подхожу к ее шкафу, просматриваю висящую там одежду и достаю черное коктейльное платье. Оно шелковое, с глубоким вырезом на лифе и расклешенной

юбкой.

— Вот это, — говорю я, поворачиваясь к ней. — Надень его сегодня вечером.

— Мама его мне купила.

— Значит, у твоей мамы острый глаз.

Она берет платье и хмурится. — Оно черное.

— Оно будет хорошо на тебе смотреться, — улыбаюсь я. — Доверься мне.

В тот вечер Белла выходит на заднюю террасу в черном коктейльном платье, цвет которого подходит для любой фигуры. Я стою поодаль от вечеринки, потягивая бокал охлажденного розового вина, когда вижу, как она выходит из французских дверей, чтобы присоединиться к собравшимся. Прежде чем кто-либо успевает остановить ее, она хватается за подноса бокал белого вина и бредет вдоль периферии толпы, так и не проникая в нее полностью, словно притягиваемая магнитом. Она внимательно осматривает шведский стол, на котором разложены роскошные блюда, и без особого энтузиазма добавляет морковные палочки и спаржу к себе на тарелку, прежде чем направиться туда, где стою я. Дойдя до разделочного стола, она резко останавливается, чтобы посмотреть на жареные ребрышки, сочные и блестящие под нагревательной лампой.

— Это как половинка тельника, — говорит она.

— Это говядина абердин-ангусской породы, мисс, — говорит официант. — Самая лучшая. Хотите кусочек?

— Боже, нет! Я вегетарианка. — Сморщив нос, она продолжает идти и присоединяется ко мне на краю террасы.

— Это платье тебе очень идет, — говорю я.

— Как кто-то может есть такое кровавое мясо?

— Давно ли ты стала вегетарианкой?

— Как будто целую вечность назад.

И все же я помню, с какой жадностью она уплетала говядину по-веллингтонски на моем свадебном ужине в прошлом году. Вот вам и надежность показаний подростка.

— А где доктор Галлахер? — спрашивает она, оглядывая толпу.

— Он где-то наверху. Одну из гостей ужалила пчела в саду, и у нее из-за этого случилась небольшая истерика. Я рада, что ты сейчас здесь, потому что я никого не знаю на этой вечеринке.

Белла проводит морковной палочкой по лужице соуса с голубым сыром. — О, это все та же старая компания. Папа приводил их сюда и раньше.

— Ты знаешь, кто они такие?

- “Большинство из них. Папа продолжает повторять их имена, говоря мне, что я должна их запомнить. — Она с хрустом откусывает морковную палочку, затем указывает концом на двух мужчин, увлеченных разговором. — Этот человек — Дэмиен Коули. Он специалист по кредитам в Deutsche Bank. А другой мужчина — Олег, из Беларуси. Ему принадлежат отели по всему миру, и он был достаточно любезен, чтобы провести мой день рождения в отеле “Баттенберг” в прошлом году. Это его отель в Лондоне.

— Как фамилия у Олега? — спросила я.

— Ой, я не помню. Что-то славянское. Он довольно крутой. Он даже позволил мне выпить шампанского на мой день рождения.

Вот то, что действительно волнует подростка.

Я наблюдаю, как Олег и Дэмиен склоняют головы друг к другу в негромкой беседе.

Деньги, познакомьтесь с прачечной самообслуживания. Я впечатлена тем, что Белла знает так много о коллегах своего отца. Очевидно, что Хардвик тренировал ее. Она может утверждать, что ее не интересуют его дела, но она явно уделяла им внимание.

На другой стороне террасы громко и пьяно смеется женщина. — А эта кто такая? — спрашиваю я.

— Ах, эта. — Белла фыркает. — В последний раз, когда она была здесь, ее вырвало на лужайку на глазах у всей компании. Это было так отвратительно. Я не знаю, почему он все еще женат на ней.

— Кто ее муж? — спросила я.

— Сэнди Шорхэм. Член парламента. — Она указывает на мужчину в очках, который хлопывает женщину по руке, пытаюсь успокоить ее. Я знаю это имя. Шорхэм относится к тому типу людей, которые кажутся настолько бесцветными, что их легко можно не заметить, несмотря на его весьма узнаваемую позицию видного члена парламента от Консервативной партии.

Сильвия скользит мимо нас, ее черные волосы распущены и блестят, обтягивающее платье облегает каждый изгиб ее ягодиц. Несколько мужчин оборачиваются, чтобы посмотреть на нее, когда она проходит мимо, но она, кажется, плывет по течению в наркотическом оцепенении, не обращая внимания на их взгляды. Я еще не видела, чтобы она что-нибудь ела этим вечером; такая стройная фигура, как у нее, требует дисциплины.

— О, черт. Забери мой бокал. Быстрее!

— Что?

— Это папа. — Она протягивает мне свой бокал, и я беру его как раз в тот момент, когда Хардвик смотрит в нашу сторону. Он хмурится, глядя на нас двоих, стоящих рядом, и Белла одаривает его невинной улыбкой. Да, няня здесь, выполняет свою работу. Он кивает, затем отворачивается, чтобы присоединиться к кругу своих гостей.

Белла забирает свой бокал и залпом допивает остатки вина.

Жена Сэнди Шорхэма смеется еще громче, запрокинув голову и покачиваясь на высоких каблуках. На каждой коктейльной вечеринке есть такой гость, который заставляет всех качать головами, гость, который проснется на следующее утро в крайнем смущении. Мне почти жаль ее, которую таскают на безрадостные вечера, чтобы ее муж мог заключать союзы с банкирами и олигархами, но именно так ведется бизнес, законный и незаконный. Хардвик просто объединяет все движущиеся части.

Я наблюдаю, как он ходит среди своих гостей, хлопает по спинам, наклоняется, чтобы послушать, ободряюще улыбается женам. Рядом, всегда в нескольких шагах, маячит Виктор, мужчина, который так не нравится Белле. Мужчина, который нагло пялится на грудь Сильвии. Виктор смотрит в мою сторону. Я знаю, что он спрашивал обо мне, и от его пристального взгляда мне становится не по себе, поэтому я отворачиваюсь.

Именно тогда я замечаю мужчину, стоящего позади меня. У него темные волосы, очки в форме совы и смокинг, который обвисает на плечах, как будто он недавно похудел. На мгновение наши взгляды встречаются, затем он уходит. Я наблюдаю, как он спускается по ступенькам террасы на лужайку.

— Кто этот человек? — спрашиваю я Беллу. — который идет по траве.

Она пожимает плечами. — Просто один из папиных финансистов. Я видела его здесь всего несколько раз.

— Ты знаешь, как его зовут?

— "Стивен какой-то. Я не могу уследить за всеми, с кем папа меня знакомит. О, смотри, они принесли десерт.

Белла направляется обратно к буфету, но я не спускаю глаз с мужчины, пока он пересекает лужайку. Он держит голову опущенной, руки в карманах, как будто пытается превратиться в невидимку. Когда он исчезает за углом дома, Виктор и Хардвик тоже спускаются по ступенькам террасы и следуют за ним.

Происходит что-то странное.

Я ставлю свой напиток и прохожу вдоль края толпы, не сводя глаз с Хардвика и Виктора. На ступеньках я останавливаюсь и оглядываюсь, чтобы посмотреть, не наблюдает ли кто-нибудь за мной, но никого нет. Никого не волнует, чем занимается жена доктора.

Я ступаю на лужайку, мои высокие каблуки утопают в траве. Виктор и Хардвик, похоже, никуда не спешат, но они целеустремленно направляются к восточному крылу дома, явно имея в виду определенную цель. Я следую далеко позади них, просто гость, прогуливающийся по территории. Я добираюсь до края восточного крыла и останавливаюсь в тени куста сирени.

Хардвик и Виктор идут через двор к конюшням.

— Мэгги?

Я оборачиваюсь, чтобы увидеть Дэнни. Куст сирени погружает нас обоих во мрак, так что я не могу прочесть выражение его лица, а он не может прочесть мое. Мы — безликие силуэты, встречающиеся в тени. Возможно, так было всегда.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает он.

— Мне, гм, нужно кое-что взять из машины. — Я киваю в сторону двора конюшни, где припаркованы все машины.

— Я могу принести. Что тебе нужно?

— Моя книга. Кажется, я оставила ее на заднем сиденье.

— Я посмотрю. Как проходит вечеринка?

— Прелестно.

— Белла хорошо себя ведет?

— Если не считать того, что она тайком выпила бокал вина, то да. Как там наш ужаленный пациент?

Он вздыхает и смотрит на окна спальни. — По тому, как она вела себя, можно подумать, что женщине нужно ампутировать руку. Я принесу тебе твою книгу. Увидимся снова на террасе.

Он идет к нашей припаркованной машине, но не находит на заднем сиденье книги, потому что ее нет. Это еще одна ложь, которую я сказала своему мужу.

Ее будет еще больше.

Чуть позже трех часов утра, я тихо одеваюсь в темноте и выскользываю из нашей комнаты, оставляя Дэнни спящим в постели. Я часами лежала без сна, ожидая, когда в доме все стихнет, когда раздастся последний звон посуды, последний шум воды в трубах. Теперь я спускаюсь по тускло освещенной лестнице для прислуги. Через несколько часов кухонный персонал вернется к работе, готовя завтрак, но это призрачные часы между темнотой и рассветом, когда сон сильнее всего наваливается на домочадцев, и я никого не встречаю на лестнице.

Свет на кухне выключен, лишь поверхности из нержавеющей стали слабо поблескивают в темноте. Я ощупью пробираюсь сквозь тени, мимо встроенного холодильника, мимо

раковин и кухонных стоек и выхожу наружу, в огород.

Пришло время заглянуть внутрь конюшни.

Именно там прошлым вечером исчезли Хардвик, Виктор и человек в очках. Хардвик и Виктор не возвращались на вечеринку почти час, и я хочу знать, что их задержало.

Я иду по садовой дорожке, наполненной ароматами лаванды и розмарина, и дохожу до передней части дома. В окнах наверху темно, гости спят. Сегодня вечером лились ведра с вином и виски, а утром будет похмелье и отчаянные призывы к томатному соку и аспирину, но сейчас все тихо.

Я то сливаюсь с тенью, то выныриваю из нее, идя по периметру двора. Прячась за припаркованными машинами, я пробираюсь к конюшням. Внутри свет выключен, и когда я проскальзываю в дверь, я не вижу лошадей, но чувствую их запах. И слышу топот копыт. Негромкое ржание в знак приветствия.

Я включаю фонарик, и луч выхватывает отражение одного яркого глаза, смотрящего на меня из кабинки. Что эти люди делали здесь прошлой ночью? Я сомневаюсь, что они пришли просто полюбоваться лошадьми. Мой фонарик мечется взад-вперед по устланному соломой полу. Я не знаю, что я ищу, но пойму, если увижу. Обрывок документа. Окурок сигареты с дополнительным подарком в виде ДНК. Я ищу ключ, любую зацепку, к тому, какие здесь творились дела.

Сначала я захожу в кабинет управляющего конюшней, где вижу письменный стол и два стула. На стенах висят фотографии красивых лошадей. Я обыскиваю стол и роюсь в бухгалтерской книге, спрятанной в одном из ящичков, но все, что я нахожу, похоже, связано с лошадьми. Есть счета от ветеринара, счета от кузнеца, записи о поставках кормов. В моей голове на мгновение мелькает безумная мысль, что, возможно, это часть лондонской прачечной самообслуживания, что русские деньги идут на конину, но в этом было бы мало смысла. Если только это не используется для списания налогов, владение лошадьми — плохая инвестиция, бездонная яма, в которую вы вкладываете деньги, которых больше никогда не увидите.

Я свечу фонариком на стулья и вижу пыль, покрывающую сиденья. На них уже давно никто не сидел. Мужчины не входили в этот офис.

Я возвращаюсь к стойлам и медленно двигаюсь вдоль ряда, минуя настороженные взгляды полудюжины лошадей. Они встревожены моим ночным вторжением, и я слышу беспокойный топот, нервное ржание. Что эти люди делали здесь так долго? Зачем они сюда приходили?

Затем я вижу в дальнем конце конюшни царапины, оставленные чем-то, что тащили по устланному соломой полу. Следы волочения ведут к последнему стойлу.

Я отпираю дверь в пустую кабинку и свечу фонариком внутрь. Что-то отразило свет: пара очков, лежащих на постельном белье. Но не из-за очков у меня перехватывает дыхание. А то, что лежит рядом с этими очками: рука, со скрюченными, словно когти, пальцами.

Мой луч следует от кисти к руке, к плечу. К лицу. Я слишком ошеломлена, чтобы двигаться, дышать, когда смотрю на мертвого мужчину, лежащего внутри кабинки, человека, чье лицо я видела вечером. Человека, который носил эти очки, которые упали или были отброшены ногой во время смертельной схватки. Я смотрю на его высунутый язык, замечаю точечные кровоизлияния в его глазах и понимаю, как он умер. Я присаживаюсь рядом с ним на корточки и направляю луч фонарика ему на шею. На синяк, оставленный веревкой, которая была обмотана вокруг его горла. Это была работа профессионала.

Кто ты? Почему Хардвик хотел твоей смерти?

Я слышу снаружи мужские голоса, они приближаются.

Я вскакиваю на ноги, выбираюсь из кабинки мертвеца и снова запираю ее на задвижку.

Я лихорадочно оглядываюсь в поисках укрытия.

Голоса звучат громче. Мужчины вот-вот войдут в строение через единственный вход, и он же единственный выход оттуда.

Я распахиваю дверь соседней кабинки, бросаюсь внутрь и снова закрываю дверь на задвижку. Я здесь не одна; прямо рядом со мной стоит лошадь, напуганная моим вторжением. Она лягает стойло и жалобно ржет.

В конюшне загорается свет.

Я не могу сейчас выйти из кабинки. Я заперта здесь с обеспокоенной лошадей, которая сейчас топает и фыркает. Я приседаю в углу, стараясь казаться как можно меньше.

Мужчины подходят ближе, и я узнаю голоса Кита и Виктора.

— Что это его так встревожило? — спрашивает Виктор.

— Что еще? Он, наверное, чувствует его запах.

Теперь говорит третий голос, голос, который заставляет меня еще глубже забиться в свой угол. — Просто уберите его отсюда к чертовой матери, — приказывает Хардвик.

Я слышу скрип колес. Они привезли с собой тележку, чтобы перевезти тело. Как и я, они ждали, пока в доме не воцарится тишина и не останется свидетелей, никто не увидит, что они собираются делать.

Лошадь снова фыркает, пинает стену с такой силой, что я забиваюсь в угол, пытаюсь избежать удара одним из этих копыт. Я слышу скрип открывающейся двери в последнюю кабинку. Они так близко, что я слышу, как Виктор и Кит кряхтят, поднимая тело и укладывая его в тележку.

— Очки, — рычит Хардвик. — Возьми его очки.

Тяжелое дыхание. Звук шаркающих по соломе ботинок.

Лошадь снова лягается. Его ржание такое громкое, что похоже на крик.

— Что с тобой не так, а? — спрашивает Виктор. Я поднимаю взгляд, когда чья-то рука тянется к двери стойла, чтобы погладить лошадь. Все, что нужно сделать мужчине, это посмотреть вниз, и он увидит меня.

— Эти зубы могут прокусить прямо до кости, — говорит Хардвик. — Держись от него подальше.

Рука Виктора исчезает. — Почему ты его держишь?

— Меня он не кусает, — смеется Хардвик. — Он знает, что с ним потом произойдет.

Когда тележка со скрипом отъезжает, я остаюсь, съездившись, в углу стойла. Я слышу, как снаружи заводятся две машины, затем шины шуршат по гравию, и рычание автомобильных двигателей затихает. Сейчас самое время выскользнуть, но свет в конюшне все еще горит. Они просто забыли его выключить или планируют вернуться?

Я начинаю подниматься на ноги. *Замри.*

Кто-то насвистывает мелодию. Это Хардвик. Почему он остался здесь? Почему он не покинул здание? *Он должен знать. Каким-то образом он знает, что что-то не так.*

Свист приближается ко мне. Мелодия — “Шотландия храбрая”, такая мелодичная, такая жизнерадостная. Так страшно. Он приближается все ближе и ближе, мои мышцы напрягаются, ноги готовы броситься в смертельный бой, я против Хардвика. Мое нападение должно быть стремительным. Удар в горло, тычок в глазницу. Моя рука уже сжимается в

кулак.

Свист прекращается.

Я слышу хлопок его ладони по лошадиному телу и ответное ржание. — Вот, хорошая девочка, — говорит он. Он остановился у одного из стойл, чтобы погладить свою лошадь. Он такой великодушный хозяин, раздающий любовь так же небрежно, как раздает смерть.

Свист возобновляется, но на этот раз он затихает. Когда “Храбрая Шотландия” удаляется, я прерывисто выдыхаю. Свет в конюшне гаснет. Шаги хрустят по гравиию.

В темноте я жду достаточно долго, пока Хардвик отойдет подальше от конюшни, достаточно долго, чтобы он смог вернуться в дом. Даже тогда я не уверена, что выходить безопасно, но я не могу оставаться здесь всю ночь. Скоро кухонный персонал проснется и будет готовить завтрак; мне нужно вернуться в свою комнату до того, как кто-нибудь узнает, что меня не было дома.

Мое сердце бешено колотится в груди, когда я выскользываю из стойла и выхожу из конюшни. Снаружи я вижу пустые места во дворе, где были припаркованы две машины, одна из которых, без сомнения, принадлежала покойнику. Утром его исчезновение будет легко объяснить домашней прислуге. Ему позвонили, и ему пришлось уехать посреди ночи. Одним гостем на ужин стало меньше.

Я крадусь обратно под прикрытием деревьев. Ночь выдалась прохладной, но я вспотела и вся дрожу. Где-то утилизируют машину с мертвым телом, в то время как наверху Филипп Хардвик безмятежно спит в своей постели. Через несколько часов небо озарит рассвет, и Мэннинг-Хаус проснется. Будет подан завтрак, и гости смогут выйти на улицу, чтобы прогуляться по садам или пострелять в глиняных голубей. Я присоединюсь к ним, потому что это то, чего все от меня ждут. Это будет прекрасный день.

Совершенно замечательный день.

Глава 21

— Он был одним из наших — говорит Диана.

Мы больше не можем рисковать тем, что нас увидят вместе на публике, поэтому мы находимся в безопасном месте, предназначенном для встреч, подобных этой, проводимых вне поля зрения и недоступных для наблюдения противника. Просто чтобы добраться сюда, мне пришлось применить множество маневров уклонения: вернуться на метро, затем зигзагами пройти пешком по лабиринту улиц, мимо магазинов, торгующих кухонной посудой, электроникой и сигаретами, чтобы убедиться, что за мной не следят. В Британском музее больше не будет разговоров.

Я стою у окна, глядя на оживленную улицу внизу. В полдень это выглядит как обычный будний день, когда люди выходят на улицу, ходят по магазинам или ищут местечко, где можно пообедать. Но из нашего звуконепроницаемого пузыря комнаты я вижу беззащитных людей, не подозревающих о темных и опасных потоках, струящихся вокруг них.

— Кто это был? — спрашиваю я.

— Его звали Стивен Мосс. Он был специалистом по соблюдению банковского законодательства в UGB. В течение года он отмечал подозрительные операции со счетами Хардвика, но его начальство ничего не делало с этой информацией. Он был разочарован их бездействием, и когда мы обратились к нему, он согласился работать с нами.

— За определенную плату?

— Нет. Он делал это не ради денег.

Значит, он был принципиальным активом. Они самые лучшие, самые надежные. И когда мы их теряем, они также становятся самыми трагичными.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на фотографию Стивена Мосса, которая теперь отображается на экране ноутбука Дианы. Мужчина, которого я видела на выходных в Мэннинг-Хаусе, был худее, но это определенно тот же самый человек. Была ли это болезнь, что так иссушила его, или это был стресс от того, что он летал слишком близко к огню, зная, что в любой момент это пламя может поглотить его?

— Его "Сааб" был найден брошенным сегодня утром на стоянке аэропорта в Лидсе, — говорит она.

— А сам мистер Мосс?

— Его тело так и не было обнаружено. Мне не нужно говорить тебе, что это большая потеря. Он предоставлял нам очень ценную финансовую информацию о Хардвике и помогал отслеживать с каких счетов поступали деньги и куда они направлялись. Теперь мы ослепли.

Я чувствую, как волоски на моих руках встают дыбом. Покалывание страха. Меня все еще преследуют отголоски "Шотландии храброй", насвистываемые в моих ночных кошмарах. — Если бы они пытались его, он мог бы рассказать им обо мне.

— Он не мог этого сделать, потому что не знал о тебе. Вот почему мы держали вас обоих в неведении.

— Они знали о *нем*.

— Но они не знают о тебе.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты все еще жива.

— Кто разоблачил его?

Диана качает головой. — Это мог быть кто-то из UGB. Кто-то, кто знал, что Мосс копался в счетах Хардвика.

— Может, у них есть "крот" в Национальном агентстве по борьбе с преступностью? Или одном из их других агентств?

— Это стало бы проблемой, — признает она. — В Лондоне крутится так много денег, и есть вероятность, что кого-то из правоохранительных органов подкупили. Иначе нам с тобой не пришлось бы ввязываться в эту заваруху.

Я сажусь за стол. Улица внизу забита машинами, но мы ничего не слышим, потому что изолированные окна и звуконепроницаемые стены отгораживают нас от этого. Мы молча смотрим друг на друга через стол, уставленный чайником и чашками. Месяцы жизни в Лондоне заставили меня поддаться этому ритуалу послеобеденного чаепития, хотя чего я сейчас действительно жажду, так это кофе, крепкого и черного.

— Я хочу отказаться от этой миссии, — говорю я.

— Что? — Она вздергивает подбородок. — Почему?

— Потому что вы уже потеряли одного агента и даже не знаете, как он был разоблачен.

— Мэгги, я понимаю, через что ты проходишь. Я знаю, ты боишься, но...

— Да, я боюсь — за Дэнни. Он ничего об этом не знает. Если они придут за мной, они придут и за ним тоже. Я вызвалась на это добровольно, но он на это не подписывался, и я не допущу, чтобы ему причинили боль. К тому же, это было чертовски тяжело — жить во лжи. Спать с мужчиной, который понятия не имеет, кто я на самом деле.

— Такова природа нашей работы. Сама знаешь.

— И с меня хватит. Я дала тебе то, что ты хотела.

— Еще нет. Не все.

— У тебя есть медицинская карта Хардвика. Ты знаешь о каждом растяжении связок, о каждой родинке на его теле. Это то, о чем ты меня просила.

— Но теперь мы потеряли Стивена Мосса. У нас нет ни глаз, ни ушей, чтобы следить за финансовыми отчетами Хардвика.

— Я не его банкир. Я в это не посвящена.

— У тебя взаимопонимание с его дочерью.

— Ей пятнадцать. Она ни черта не знает.

— Ты ей нравишься. Она поможет тебе влиться в семью.

— Опять же, ей всего пятнадцать."

— Что облегчает завоевание ее доверия.

Я думаю о Белле в ее нелепых розовых нарядах, неуклюжей и жаждущей внимания. Я думаю о бедных девочках-подростках, которыми так легко манипулировать, использовать их. И каким неправильным мне это кажется. Так много во всем этом кажется неправильным.

— Больше я тебе не нужна, — говорю я. — Если ты хочешь прижать Хардвика к ногтю, ты можешь сделать это прямо сейчас. Сообщи в полицию об убийстве Мосса, и они проведут расследование. В конюшнях должны быть какие-нибудь улики для судебной экспертизы.

— Его тело не найдено. Следовательно, нет никакой возможности доказать, что убийство вообще имело место.

— Если его тело все-таки обнаружат...

— Даже если его обнаружат, ты — единственный свидетель, который может подтвердить, где и когда он был убит. Ты готова разоблачить себя, раскрыть свое прикрытие?

Я думаю о Стивене Моссе и о том, как отчаянно он, должно быть, цеплялся за удавку, обмотанную вокруг его шеи. Я думаю о том, что Хардвик сделал бы со мной, если бы узнал, на кого я работаю. Я выдохнула. — Нет.

— Я так и думала. В любом случае, Хардвик — не тот, за кем мы сейчас охотимся. Он всего лишь винтик в гораздо более крупной финансовой машине. Нам нужно знать, кто на самом деле манипулирует этой машиной от имени Москвы. Нам нужен Сирано.

Неуловимый русский "крот". Личность этого человека по-прежнему остается загадкой, и даже по прошествии восьми лет у нас есть лишь обрывки информации о нем, большая часть которой почерпнута из перехваченных сообщений от его куратора или кураторши. Теперь мы знаем, что у него есть компаньонка, которая страдает острой перемежающейся порфирией и нуждается в регулярных вливаниях препарата аргинат гема. На моей последней встрече с Дианой в Британском музее она спросила, лечили ли такого пациента врачи Галена, но я не нашла ни одной записи об этом.

— Я дала тебе список гостей с уик-энда в Мэннинг-Хаусе. Может быть, Сирано был одним из них. Начни с этого, — предлагаю я.

— Его там не было. SIGINT (SIGINT (аббревиатура от SIGnals INTelligence или «Шпионаж электромагнитных сигналов») — это деятельность по сбору информации путем перехвата и анализа сигналов, излучаемых как между людьми (например, радиосвязь), так и между машинами (это случай «ELINT», шпионаж за электронными сигналами) или их комбинация) получила недавнее сообщение из Москвы, — говорит она. — Мы знаем, что Сирано сейчас за пределами страны.

— Тогда я желаю вам удачи в его поисках. — Я встаю, чтобы уйти. — Потому что я

собираюсь подать в отставку.

— Пока нет, Мэгги. Ты все еще нужна нам.

— Я нашла для тебя все, что могла.

— Есть еще одна вещь, которую ты можешь сделать. В последнем перехвате SIGINT упоминалась Мальта.

Я поворачиваюсь к ней. — Мальта?

— Там должна состояться встреча. Переговоры.

Внезапно я понимаю, почему я не могу уйти в отставку, пока нет. — Хардвик собирается на Мальту на следующей неделе, — говорю я.

— Вот почему ты нужна нам. Твой муж будет сопровождать его?

— Да, но эта поездка на Мальту — сущий пустяк. Хардвик просто едет туда, чтобы забрать Беллу и отвезти ее домой в Лондон.

— Что Белла делает на Мальте?"

— Ее мать, Камилла, отдыхает там. Белла прилетела, чтобы провести с ней время.

— Тогда я хочу, чтобы ты тоже была на Мальте. Поговори с ним о самолете Хардвика, узнай, есть ли другая причина, по которой он летит туда.

— Ты имеешь в виду, встретиться с Сирано.

Она кивает. — Оба мужчины, на одном острове, в одно и то же время. Заманчивая возможность.

Я смотрю на ее ноутбук. Экран потемнел, но образ лица Стивена Мосса настолько неизгладимо врезался в мою память, что я до сих пор вижу его там, точно так же, как до сих пор вижу его мертвым, лежащим в конюшне, с высунутым языком и крапчатыми глазами, испещренными точечными кровоизлияниями. Когда вы переходите дорогу Филлипу Хардвику, вот что с вами происходит.

— Я не буду этого делать. Найди другой способ.

— Это наш лучший шанс. Возможно, это наш единственный шанс.

— Просто понаблюдайте за Хардвиком на Мальте. Я вам для этого не нужна.

— Никто другой не может подобраться к нему так близко, как Дэнни. Он — наше секретное оружие.

— Он мой муж.

— Правда, Мэгги? — Диана смеется. — Чувства превыше долга? Ты всегда была такой мягкой?

Мы смотрим друг на друга через стол. Вот уже более двух десятилетий я служу своей стране. Бесчисленное количество раз я лгала, снова и снова срывалась с насиженного места, даже рисковала своей жизнью. Теперь, из-за того, что я отказываюсь от этого единственного задания, эти годы службы ничего не значат.

— После Мальты я ухожу, — наконец говорю я. — Навсегда.

Она кивает. — Конечно. Если ты этого действительно хочешь.

— "Я скажу тебе, чего я хочу. Я хочу обычной жизни со своим мужем. Я хочу, чтобы *мы* были обычными. Завести кошку, ухаживать за садом. Прогуливаться вместе по улице, не опасаясь, что за нами следят.

— Все это у тебя будет, Мэгги, — говорит она, а затем захлопывает свой ноутбук. — Но только попозже.

Дэнни наблюдает за мной через матовое стекло, пока я стою под душем, смывая шампунь с волос. Раньше мне нравилось быть в центре его похотливого внимания, но

сегодня похоть лишь отвлекает меня. Мне нужно принимать трудные решения, планировать будущее.

Наше будущее. Я не помню, когда я стала *мы*, когда *мое* стало *нашим*. Слияние наших жизней было таким постепенным процессом, что я не заметила, когда изменились местоимения, когда я начала считать само собой разумеющимся, что он всегда будет находиться подле меня.

Когда я выхожу из душа, он ждет меня с полотенцем.

— Я никогда не устаю на тебя смотреть, — говорит он, укутывая меня полотенцем. Он прислоняет меня спиной к стене ванной и накрывает мои губы поцелуем. Даже когда мой разум витает где-то далеко, взвешивая выборы и обдумывая возможные последствия, мое тело автоматически реагирует на него. Между нами никогда не должно было возникнуть таких сложностей. Он был просто праздным увлечением, жарким телом теплой бангкокской ночью, а не тем, в кого мне следовало бы влюбиться. Не тем, за кого мне следовало выходить замуж.

Теперь мне невыносима сама мысль о том, что я могу потерять его. А это значит, что я никогда не смогу рассказать ему правду о том, на кого я работаю, и о том, что наш брак был частью более масштабного плана. Я никогда не смогу раскрыть ту ложь, которую я говорила, обман за обманом: Моя фальшивая подружка невесты, нанятая на эту роль. Мои тайные встречи с Дианой. Медицинские записи Галена, которые я скопировала, нарушив доверие как его пациентов, так и его самого. Чем дольше я веду эту двойную жизнь, тем больше вероятность, что правда выплывет наружу, и когда это произойдет, он усомнится в том, что наш брак когда-либо был настоящим, предположит, что это была просто удобная выдумка, не имеющая ничего общего с любовью. *Если бы ты узнал правду, ты все еще хотел бы меня?*

Я боюсь узнать ответ на этот вопрос.

Той ночью, лежа рядом с ним в темноте, я наконец смирилась со своим решением. Я знаю, что должна делать, потому что ничто не имеет для меня такого значения, как Дэнни. Ни эта миссия, ни моя карьера, ни весь остальной беспокойный мир, только Дэнни и я. Он переворачивается на бок и обнимает меня одной рукой. Я так привыкла к его запаху, что теперь он похож на мой собственный, как будто я впитала саму его сущность своей кожей.

Я глажу его по руке и подталкиваю, чтобы он проснулся. — Дэнни?

— Хммм.

— Помнишь, как говорил о том, чтобы все бросить? Уехать из Лондона и заняться чем-нибудь другим, чем-нибудь диким?

Он медленно открывает глаза. — К чему ты об этом?

— Я думала о будущем.

— О боже. Звучит серьезно.

— Я серьезно. Дэнни, я думаю, мы должны это сделать.

Теперь он полностью проснулся и смотрит на меня. — Раньше ты не была в восторге от этой затеи.

— Я думала о том, что действительно важно. Ты устроился на работу в Гален только потому, что твоя мама изо всех сил пыталась расплатиться со своими долгами, и ты хотел ей помочь. Но теперь она умерла, и нам не нужны деньги. — Я делаю паузу. — Я знаю, что ты несчастлив.

— Чего ты хочешь, Мэгги?

— Я не хочу, чтобы ты был привязан к работе, которую ненавидишь, заботился о пациентах, которые тебе даже не нравятся.

— Только некоторые из них.

— Гален, может, и хорошо тебе платит, но это бархатная ловушка. Пациенты считают тебя практически своей собственностью. Так они и думают о всех людях, вроде нас. Мы всего лишь пешки на шахматной доске.

Он молчит, но я чувствую, как его тело гудит от воодушевления. — Если я уйду в отставку, нам придется отказаться от этой квартиры.

— В любом случае, она никогда не была нашей.

— Но это означает переход к чему-то гораздо меньшему. Приятного мало.

— Мы могли бы жить в палатке, мне все равно.

— И нам нужно будет зарабатывать на жизнь.

— У меня есть сбережения. И я могу найти работу. Домохозяйкой мне все равно по-настоящему никогда не стать.

Он смеется. Искренним счастливым смехом. — Может быть, тогда я мог бы стать домохозяином.

— Ты мог бы вернуться к благотворительной медицине. Ты был счастлив, занимаясь этим.

— Был, действительно был. Мы могли бы снова путешествовать. Вернуться в Таиланд.

— Или в Южную Америку.

— Или Мадагаскар!

Теперь мы оба смеемся над нашей старой шуткой, точно так же, как смеялись над ней при первой встрече. Ночь кажется наполненной обещаниями. Побег — это то, к чему мы оба стремились, и теперь собираемся сделать это вместе.

— Мне нужно будет уведомить об этом, — говорит он. — Боже, это будет неприятно. Им нужно будет переназначить моих пациентов, изменить расписание.

— Это, должно быть, не первый случай, когда врач увольняется из Галена. Они просто наймут кого-нибудь другого, как и в любом другом бизнесе.

— У меня запланирован полет на Мальту вместе с Филиппом Хардвиком. Уже слишком поздно отказываться от этой поездки.

— Не отказывайся — просто пусть это будет последней твоей поездкой. Возможно, ему понадобится помощь в препирательствах с Беллой, тогда я тоже могу поехать. А когда вернемся домой, то начнем собирать вещи. Прыгнем в самолет и просто улетим куда-нибудь. Может быть, на этот раз мы действительно доберемся до Мадагаскара.

— Мне все равно, куда мы полетим, Мэгги. Главное, что мы будем вместе. — Он делает глубокий вдох. — А сейчас я должен написать заявление об уходе.

Я тоже так думаю. В течение двух десятилетий я верой и правдой служила своей стране. Я бесчисленное количество раз лгала, выпрыгивала из самолетов и принимала в себя шрапнель за дядю Сэма. Теперь я говорю: к черту все это. К черту Хардвика, Сирано и вечно кровавое положение в мире.

Мы с Дэнни сваливаем.

Глава 22

Джо

Пьюрити, Мэн, сейчас

За свою бытность полицейским Джо то тут, то там сталкивалась с охотниками-идиотами, мужчинами (и почти все они были мужчинами), которые споткнулись и прострелили себе ногу или думали, что целятся в оленя, а вместо этого подстрелили чью-то корову. Она сталкивалась с охотниками, бродящими там, где не следует, на охраняемой территории или в радиусе трехсот футов от дома. Однажды она даже взяла под стражу мужчину, который убил своего собственного отца во время охоты, только она не смогла доказать, что стрельба была преднамеренной. Глен Куни тогда был начальником полиции, и он сообщил ей, что обвинение в непредумышленном убийстве — это лучшее, на что они могли надеяться. По сей день она верила, что убийца вышел на свободу. Каждый год, когда открывался сезон охоты на оленей с ружьем, она готовилась к бедствиям, которые так часто следовали за тем, как вооруженные люди врываются в лес, готовые выстрелить во что угодно с белым хвостом.

Человек, который пытался застрелить Мэгги Берд, охотился не на оленя.

Это было очевидно для Джо, когда она стояла среди деревьев, откуда стрелок вёл огонь. Она уже собрала все гильзы от пуль, которые смогла найти, проследила отпечатки ботинок до грунтовой дороги, где он оставил свою машину, и отправила в государственную криминалистическую лабораторию изображения этих отпечатков, а также отпечатки протектора шин. Возможно, это не так захватывающе, как дело об убийстве, но для Джо все равно было волнующе вести расследование без того, чтобы кто-то вроде детектива Альфонда вырывал у нее бразды правления. Поскольку никто не пострадал и ущерб был нанесен только RTV, этот инцидент был слишком незначительным для высокопоставленного детектива штата Мэн. Это дело было делом Джо, и она была в восторге от того, что руководит им.

Она побрела обратно через лес и забралась в свою машину, припаркованную на той же грунтовой дороге, где стояла машина стрелка. *В какую сторону он двинулся дальше?* Она задумалась.

Давайте попробуем вернуться в город.

Она направилась вниз по дороге, которая вела на восток, к деревне, мимо заснеженных полей и голых деревьев; мимо фермерского дома с дюжиной ржавеющих автомобилей на разных стадиях разборки. Первой работой, куда она устроилась, был магазин кормов. Это было гораздо больше, чем просто место, где можно купить корм для животных, там можно было купить и соляные блоки для вашей лошади, и запчасти для газонокосилки, а весной даже коробку с утятами, которые могли выжить, а могли и не выжить и улететь в закат. Она заехала на стоянку и посмотрела на вход в магазин.

— Привет, Джо, — сказал Верн, владелец магазина кормов, когда она вошла в дверь. — Пришла за очередным лакомством для собак?

— Нет. Люси на диете. Я не должна больше кормить ее вкусняшками.

— Мне она показалась достаточно стройной.

— Тебе же не приходится поднимать ее на заднее сиденье пикапа. Я здесь по официальному делу.

— Та мертвая женщина?

— Нет, этим делом занялась полиция штата. Речь идет об инциденте на ферме Блэкберри сегодня утром. Ваша камера видеонаблюдения работает? Та, что у входа? Мне нужна видеозапись с сегодняшнего утра. Примерно с восьми до девяти утра.

К ее удивлению, Верн рассмеялся. — Мне следует начать взимать плату за просмотр.

— Что?

— Ты второй человек, который просит это видео. Он сейчас пошел в компьютерный магазин. Я отправлю тебе файл по электронной почте прямо сейчас...

— Кто еще просил об этом?

— Та милая леди из библиотечного совета. Она сказала, что библиотека подумывает об установке камеры видеонаблюдения, и она хотела посмотреть, насколько четкими получаются мои кадры. На случай, если они решат приобрести такую же модель.

— И ты показал ей отснятый материал?

— Сделал для нее копию, чтобы библиотечный совет мог оценить качество. — Он замолчал, увидев, как она нахмурилась. — Я не видел в этом никакого вреда. Не похоже, чтобы там произошло что-то захватывающее.

— Как звали эту женщину? — спросила я.

Верн помолчал, поджав губы. На мгновение задумался. — Знаешь, это та симпатичная женщина в красивых шарфах. Они с мужем еще купили этот дом на Честнат-стрит...

Джо вздохнула. — Слокумы.

Он хлопнул себя по голове. — Точно. Вот их фамилия.

Снова они. Почему они продолжали появляться в самых неподходящих местах? Джо привыкла иметь дело с любопытными жителями деревни, но Слокумов переходят все границы.

Зазвонил ее сотовый.

— Привет, Майк, — ответила она, выходя на улицу к своей машине.

— Звонили из криминалистической лаборатории штата, — сказал он. — Они идентифицировали следы протектора автомобиля стрелка.

— Продолжай.

— Шины Goodyear Wranglers, всепогодные. ТрейлРаннер АТ, 235/75R15. Может быть установлена на любом количестве внедорожников, так что это не поможет нам идентифицировать автомобиль.

Goodyear. Она вдруг вспомнила, как в последний раз столкнулась со Слокумами на подъездной дорожке к дому Мэгги Берд. Вспомнила, что они изучали другой набор следов шин на снегу, и Ингрид Слокум сказала: *Я думаю, это Goodyears.*

— Позвони в криминалистическую лабораторию, — сказала она Майку. — Мне нужен анализ следов протектора на подъездной дорожке у дома Мэгги Берд две ночи назад.

— Ты имеешь в виду убийство? Это не наше...

— Я знаю, что это не наше дело. Просто принеси мне отчет.

Ожидая в своей машине, она наблюдала за дорогой перед магазином кормов, подсчитывая, сколько машин проехало мимо. Несмотря на то, что это была одна из дорог, ведущих непосредственно в деревню, движение было небольшим, с интервалом в минуту или две между машинами. Летом, когда в город приедут туристы, на этой дороге будет гораздо больше машин, люди будут выезжать из своих коттеджей у озера, чтобы поужинать лобстерами в городе или подняться на борт одного из "виндджаммеров" и отправиться в круиз на закате. Но в этот зимний день дорога была почти пустынная.

Зазвонил ее сотовый. Снова Майк.

— Слушай, — сказал он. — Там были шины Goodyear Wranglers, ТрейлРаннер АТ, два... три... — Он остановился. — Постой, это та же самая машина.

— Не обязательно, — сказала Джо. — Просто шины того же типа. Здесь должны быть и другие внедорожники с трейлраннерами Goodyear.

— Но каковы шансы?

Она не знала. Лучше задать этот вопрос механику на заправке, который лучше знает сколько трейлраннеров Goodyear разъезжает по городу. Ей действительно следует предупредить детектива Альфонда, потому что стрельба может быть связана с убийством Бьянки. Однако сначала она хотела посмотреть, как далеко сможет зайти в этом деле. Глен Куни однажды сказал ей, что если она будет настаивать на том, чтобы остаться в Пьюрити, то никогда не сможет проявить себя в качестве полицейского. Это был ее шанс выделиться, и ей было приятно работать над своим собственным делом и видеть, в какую сторону указывают улики.

На данный момент все эти улики указывали в одном направлении: на таинственную Мэгги Берд.

Глава 23

Мэгги

Деклан живет в старом доме морского капитана на воде, и хотя я бывала здесь несколько раз, я никогда не поднималась вверх. Как и я, он закрытый человек, который распределил свою жизнь по отдельным коробкам. Внизу находится его общественная комната, где иногда собирается наша ежемесячная книжная группа. Мы потягивали мартини и обменивались сплетнями в его гостиной, окна которой выходят на залив Пенобскот, а летом мы по очереди смотрели в его подзорную трубу на шхуны, возвращающиеся на закате из своих круизов. Я ужинала в его столовой, мыла посуду на его кухне и время от времени навещала туалетную комнату, но ни разу не поднималась по лестнице, это право он закрепил только за собой. Мы оба стараемся держать эти коробки отдельно: наверху/внизу. Частное/публичное. До/после.

Однако сегодняшнее нападение снайпера на меня, разрушило нашу упорядоченную жизнь — или, во всяком случае, мою жизнь. Теперь я временно поселилась в его гостевой комнате наверху, комнате, которая совсем не такая, как я себе представляла. Я ожидала, что она будет похожа на самого Деклана, сдержанная, с простотой линий и минимумом украшений. Вместо этого я нахожу кружевные занавески, стеганое покрывало на кровати и старые черно-белые фотографии на комод, все это излучает сентиментальность. Это его нежная сторона, о которой я и не подозревала.

На одной из фотографий изображена улыбающаяся женщина с темноволосым малышом на коленях. Я переворачиваю рамку и вижу год, написанный на обороте. Это, должно быть, Деклан и его мать, которая умерла от разрыва аппендикса, когда ему было пять лет. Он почти не говорит о ней, но я могу себе представить, каким было его детство, когда он рос без матери. Я знаю, что его отправили в школу-интернат, когда ему было двенадцать, потому что его отец-дипломат был слишком поглощен мировыми делами, чтобы быть хорошим родителем, и я думаю о своих собственных подростковых годах, обремененных отцом-алкоголиком, от которого мне не терпелось сбежать. Это был еще один вариант жизни без матери, и ни один из вариантов не был счастливым.

Я слышу, как Деклан зовет меня с нижней площадки лестницы: — Мэгги, Бен здесь! Ужин готов!

Я оставляю свой наполовину распакованный чемодан в комнате и спускаюсь вниз, мимо фотографий в рамках с изображениями мест, где жил и работал Деклан. Будапешт. Прага. Варшава. Я останавливаюсь на снимке, где он стоит в чем-то похожем на

университетский городок, окруженный группой студентов, и вижу польские слова на одном из зданий. Это Ягеллонский университет в Кракове. Его волосы по-прежнему черные и намного более лохматые, чем сейчас, но в своем твидовом пиджаке он выглядит таким же академиком, каким и должен был быть. Каким молодым он кажется. И куда только делись наши годы?

На кухне я обнаруживаю, что Бен и Деклан уже налили себе скотча. На плите томится гуляш, который Деклан достал из морозилки и приготовил по рецепту, который, вероятно, относится ко времени его пребывания в Будапеште.

— Виски, Мэгс? — спрашивает Деклан, откупоривая бутылку.

— Я вижу, мы сразу переходим к серьезным вещам.

— У нас и повод серьезный.

Я беру стакан виски. Сегодня вечером мне это действительно нужно. — Спасибо тебе, Деклан. И за то, что приютил, тоже.

— Ты не можешь вернуться домой, сама знаешь, — говорит Бен. — Ни в коем случае, пока мы не разберемся, кто пытается тебя убить и почему.

— И тебе спасибо, Бен, за это воодушевляющее краткое изложение моей ситуации.

— К сожалению, это точное определение, — говорит Деклан. Он раскладывает гуляш по трем тарелкам и несет их на кухонный стол. Я никогда раньше не видела его в фартуке. Тот, который он повязал, черный, с вышитым величественным логотипом Cunard, кажется, идеально подходит сыну дипломата. Деклан — единственный мужчина, которого я знаю, который может придать фартуку эффектный вид. Мы садимся за стол с бокалами виски и тарелками дымящегося гуляша, благоухающего паприкой.

— Мы должны собраться с мыслями и сами во всем разобраться, поскольку не можем полагаться на местную полицию, — говорит Бен. — Хотя мисс Тибодо кажется достаточно умной девушкой.

— Слишком умной, — говорю я. — Мне не нравится тон ее вопросов, как будто это я нахожусь под подозрением. Она может стать нам серьезной помехой.

Раздается звонок в дверь. Я резко выпрямляюсь на стуле и бросаю взгляд в сторону гостиной.

— Это, должно быть, Ингрид и Ллойд, — говорит Деклан. Он выходит из кухни, чтобы открыть дверь.

— Ты рассказал им, что произошло? — спрашиваю я Бена.

— Конечно. Мы все здесь в одной команде, и нам нужны единомышленники. Все будет как в старые добрые времена.

— Почему ты говоришь так, будто тебе это нравится?

— Честно говоря, выход на пенсию никому из нас не доставил особого удовольствия. А это дает нам шанс проверить, есть ли у нас еще порох в пороховницах. Приятно снова почувствовать себя полезным. Так сказать, снова в игре.

— На этот раз игра — это я.

Деклан возвращается на кухню с новоприбывшими. Ингрид принесла свой портативный компьютер, а Ллойд несет длинную картонную трубку. Как всегда, Ингрид надела один из своих искусно повязанных шарфов, на этот раз окрашенный в насыщенные охряные и красные тона. Осенние краски. Я никогда не владела искусством завязывания шарфа, и когда она садится за кухонный стол, я смотрю на замысловатый узел, завидуя тому, как непринужденно элегантно она выглядит со своими серебристыми волосами и фарфоровой

кожей.

— Мне кажется, или я чувствую запах гуляша? — спрашивает Ллойд, как обычно направляясь напрямиком к плите.

— Приготовил его из козлятины. Угощайся. — говорит Деклан.

Разумеется, Ллойд не преминул воспользоваться предложением. Он увлеченно накладывает гуляш в миску и садится за стол. Я не знала, что этим вечером была назначена встреча, но, по-видимому, Деклан послал сигнал "Летучая мышь", и вот мы здесь, пятеро старых шпионов, с опытом равным пяти жизням. Вышедший на пенсию не значит бесполезный. Каждый из присутствующих привнес свои индивидуальные приемы в это ремесло.

Ллойд проглатывает ложку гуляша, затем открывает один конец картонной трубочки. Достает топографическую карту, и разворачивает ее на столе среди наших мисок и столового серебра. Я сразу узнаю географию на этой карте. Она включает в себя ферму Блэкберри и прилегающую к ней территорию, а также приморскую деревню Пьюрити.

— Я отметил все подъездные пути к твоей ферме, — говорит Ллойд, указывая на дороги, которые он отметил желтым цветом. — Мы знаем, где стрелок въехал на твою землю, припарковав свой автомобиль на грунтовой дороге, которая проходит между собственностью твоего соседа с южной стороны, и твоей. — Ллойд поднимает на меня глаза. В уголке его рта остался след гуляша с красной паприкой — напоминание о его неуемном аппетите. Это одно из причудливых обаяний Ллойда — то, как он жадно пожирает жизнь. — Насколько хорошо ты знаешь этого соседа? Кажется, его зовут Рональд Фаррелл?

— Он, так сказать, заочный землевладелец, — говорю я. — Я встречалась с ним только один раз, вскоре после того, как переехала сюда. Ему восемьдесят два года, живет в доме престарелых в Рокленде.

— Дальше?

— У него есть один сын, живущий в Массачусетсе. Две внучки, ни одна из которых не живет в штате Мэн. Его собственность находится на консервации, и он уже завещал ее земельному фонду. — Я оглядываю круг своих коллег. — Я собрала информацию обо всех своих ближайших соседях до того, как купила ферму. Они все прошли проверку.

Ллойд кивает. — Тогда давайте перейдем к тому, каким маршрутом стрелок добрался до твоей земли.

Бен указывает на грунтовую дорогу на карте. — Мы нашли следы его шин здесь, где он припарковался.

— Единственный способ добраться до этой грунтовой дороги, — говорит Ллойд, — это с Уэст-Форк-роуд, вот здесь. Мощеная дорога, тянется с севера на юг.

— Мы знаем это, Ллойд.

— Слушайте дальше. Уэст-Форк-роуд имеет два подъездных пути: Пондсайд-роуд на севере и Виллидж-роуд на южной оконечности. Деревенская дорога ведет прямо в Пьюрити. Оттуда он мог выехать из города любым из четырех маршрутов, а затем направиться вверх или вниз по побережью. Трудно определить, куда он поехал дальше, так что... — Ллойд смотрит на свою жену.

— Итак, — говорит Ингрид, — я тоже не просиживала без дела.

— Которое, поскольку это Ингрид, может означать все, что угодно.

Она открывает свой ноутбук. — Проблема жизни в таком маленьком городке, как наш,

заклучается в относительном отсутствии систем видеонаблюдения.

— Раньше мы думали, что это хорошо, — говорит Бен.

— Только не тогда, когда ты выслеживаешь убийцу. Поэтому я села в машину и отправилась на поиски всех камер в округе. На Пондсайд-роуд есть два дома с камерами видеонаблюдения, но обе направлены вниз, на подъездные дорожки, и дорогу не видно. Однако на Деревенской дороге, по мере приближения к городу, я кое-что нашла. Прямо здесь есть камера видеонаблюдения. — Карандашом она обводит местоположение на карте. — Это "Комбикорм и зерно Саймонтона". Я поболтала с владельцем, и он был рад поделиться своими утренними кадрами. И вот мы здесь. Восемь семнадцать утра, примерно то время, когда твой стрелок должен был бы скрыться. Я думаю, это и есть та самая машина.

Она поворачивает ноутбук, чтобы показать нам экран. Мы все наклоняемся и смотрим на черный внедорожник Тойота, запечатленный на стоп-кадре. Это вполне может быть та же машина, которая выбросила тело Бьянки на мою подъездную дорожку. Из-за тонированных стекол водитель выглядит не более чем темным силуэтом.

— Я не могу быть уверена, что это тот самый стрелок, — говорит Ингрид. — Возможно, вместо этого он бежал на север, подальше от деревни, где нет никаких камер. Но, учитывая временные рамки, тип транспортного средства и тот факт, что похожее транспортное средство оставило тело той женщины на твоей подъездной дорожке несколько ночей назад, я смею предположить с вероятностью девяносто пять, а может быть, девяносто шесть процентов, что это наш человек.

— Именно поэтому я и женился на этой женщине, — говорит Ллойд, который возвращается к плите, чтобы подложить себе еще гуляша.

— Я еще не закончила, — говорит Ингрид. Она просматривает изображения на своем ноутбуке, пока не добирается до увеличенного фотоснимка. На снимке виден задний бампер внедорожника с четко видимым массачусетским номерным знаком.

— Это машина, взятая напрокат в Аламо, — говорит Ингрид. — Четыре дня назад, в аэропорту Логан, ее арендовал мужчина с водительскими правами из Флориды по имени Фрэнк Сардини. — Она бросает на меня взгляд.

— Я не знаю этого имени, — говорю я.

— Я так и думала. — Она достает фотографию водительских прав Фрэнка Сардини. — Согласно идентификационным данным в его водительских правах, ему сорок два года, белый мужчина, рост пять футов десять дюймов, каштановые волосы, карие глаза. Я рискну предположить, что ты не узнаешь его в лицо, — говорит Ингрид.

— Я никогда раньше не видела этого человека.

— Что не есть хорошо, — говорит Деклан. — Мы имеем дело с совершенно незнакомым человеком, который приезжает в город только для того, чтобы убить Мэгги?

— Будет еще хуже, — говорит Ингрид. — Водительские права и кредитная карта этого Фрэнка Сардини выданы на основании украденного удостоверения личности. Настоящий Фрэнк Сардини умер сорок один год назад, когда ему было четыре месяца отроду.

На кухне воцаряется тишина. Я слышу, как кровь бурлит у меня в ушах, чувствую зловещий стук собственного сердца.

— Значит, он мертвый двойник, — тихо говорит Деклан.

Ингрид кивает. — Боюсь, что так.

Все еще хуже, чем я думала. Такой уровень скрытности говорит мне о том, что я столкнулась с людьми более грозными, чем я себе представляла. Я окидываю взглядом своих

коллег и вижу по выражению их лиц, что они так же встревожены.

— Ты должна рассказать нам больше, Мэгги, — говорит Бен. — Кто, черт возьми, хочет твоей смерти?

Я качаю головой. — Я не знаю.

— У тебя должны быть какие-то предположения. Ты просто не говоришь нам.

То, что он говорит, — правда. Есть вещи, о которых я никогда никому не рассказывала, потому что думать о том, что произошло, слишком болезненно. Настолько болезненно, что я убегала от этого в течение многих лет.

— Тогда давайте начнем с того, что мы знаем точно. Похоже, все это связано с Дианой Уорд, которая пропала без вести, — говорит Деклан. Он тянется за солонкой и передвигает ее на центр стола. — Фракция номер один хочет найти ее. Они посылают таинственную Бьянку, чтобы попросить тебя помочь найти Диану.

Бен ставит перечницу на центр стола, рядом с солонкой. — И здесь у нас есть фракция номер два.

— Да, — говорит Деклан. — Эти люди послали мистера Фрэнка Сардини, или кем бы он ни был на самом деле, избавиться от Бьянки. Двойным нажатием. — Он наклоняет солонку, опрокидывая ее набок. — Затем мистер Сардини пытается убить тебя. Почему?

Пока все они смотрят на меня, я смотрю на упавшую солонку и думаю о теле Бьянки, распростертом на моей подъездной дорожке. — Они хотят, чтобы мы оба были мертвы. Диана и я.

— Ты знаешь, где она? — спрашивает Деклан.

— Нет. Я ушла из Агентства шестнадцать лет назад, а Диана ушла из него несколькими месяцами позже. За все это время у меня не было с ней никаких контактов.

— Так почему же об этом заговорили сейчас? — спрашивает Бен.

Я смотрю на него. — Это ответный удар за то, что произошло на Мальте. За операцию "Сирано".

Они смотрят друг на друга. Хотя детали операции остаются засекреченными, как и имена оперативников, мои друзья наверняка слышали о Сирано, русском "кроте", который, по слухам, в течение многих лет проникал в элитные круги британского общества.

— Ты участвовала в этой заварухе? — спрашивает Ингрид.

— Да. Как и Диана. — Я делаю паузу. — Операция привела к... неожиданным последствиям. — Последствиям настолько тяжелым, что я никогда никому не рассказывала о своей миссии. Мне невыносимо беречь эту рану, но теперь у меня нет выбора. Я смотрю на солонку, которая должна изображать тело Бьянки, но с таким же успехом она могла бы изображать и мое. Сегодня они пытались убить меня, и почти наверняка попытаются снова. — Это причина, по которой я ушла из Агентства. Из-за того, что произошло на Мальте.

— "Ответный удар, после стольких лет? — говорит Ингрид, хмурясь. — Потребовались ресурсы, чтобы отправить мертвого двойника и выследить тебя здесь. Вероятно, они очень сильно желают твоей смерти.

— Я предполагаю, что это люди Сирано. Месть за то, что мы захватили его в плен. Русские не забывают и никогда не прощают.

— Ты *предполагаешь*? Хочешь сказать, что могут быть и другие?

— Которые хотят моей смерти? — Я издаю усталый смешок. — Я в этом не сомневаюсь. — Я оглядываю сидящих за столом. — И я, вероятно, не единственная здесь,

кто может сказать то же самое.

Никто не отвечает. Никто этого не хочет.

На телефоне Деклана раздается сигнал тревоги. Мы все вытягиваемся по стойке смирно. — Датчик движения, — говорит он и опускает взгляд на свой экран.

Раздается звонок в дверь. Если это наемный убийца, то он решил войти через парадную дверь.

— Ты кого-нибудь ждешь? — спрашивает Ллойд.

— Нет. — Деклан показывает запись с камеры на своем телефоне и вздыхает. — Расслабьтесь. Это Джо Тибодо, наша цепкая охотничья собачка. Она стремительно становится нашей основной помехой. — Он встает, снимает фартук и бросает его на спинку стула. — Я отделаюсь от нее.

Мы слышим из кухни, как Деклан открывает входную дверь. Он даже слова сказать не успевает.

— Я здесь, чтобы увидеть Мэгги Берд, — требует Тибодо.

— Почему вы решили, что она здесь? — спрашивает Деклан.

— Потому что ее нет дома у Бена Даймонда, и я вижу, что ваш "Вольво" припаркован на улице, а не в гараже. Вы там спрятали ее пикап?

— Сейчас неподходящее время. Мы ужинаем.

— Это не займет много времени.

Тибодо шагает на кухню, ее явно не остановить, и она хмурится, глядя на нас четверых, сидящих за столом Деклана. — Серьезно? — спрашивает она меня. — После того, что с вами сегодня случилось, вы, как ни в чем не бывало, сидите здесь на званом ужине?

— Это мои друзья, — говорю я.

Ее внимание сразу же переключается на топографическую карту на столе. К дорогам, которые Ллойд выделил желтым цветом. — Что это?

— Мы искали подъездные пути, — говорит Ллойд. — На территории Мэгги и за ее пределами. Мы просто пытаемся помочь в расследовании.

Тибодо вздыхает. — Ладно, ребята, я бы хотела, чтобы вы все вышли. Я хочу поговорить с мисс Берд наедине.

— Нет, — говорю я. — Я хочу, чтобы они были здесь. Как я уже сказала, это мои друзья, и они, возможно, смогут вам помочь.

— Я сильно сомневаюсь в этом.

— Думаете, мы на это не способны? — говорит Ингрид и устремляет на Тибодо стальной взгляд, который ей так хорошо удается. Неудивительно, что о ней ходили легенды как о мастере допроса.

Тибодо краснеет. — Я этого не говорила, мэм.

Деклан выдвигает стул с джентльменским щегольством. — Пожалуйста, шеф Тибодо, почему бы вам не присесть и не присоединиться к нам? У нас между собой нет секретов.

Тибодо сердито смотрит на стул, как будто его старомодный жест оскорбителен, но в конце концов она садится и достает свой маленький блокнот. Мне уже ясно, что она упертая женщина, и чем больше мы пытаемся оттолкнуть ее, тем сильнее она вцепится в нас. Бен изучил ее прошлое, и мы знаем, что она уроженка Пьюрити, что всю свою жизнь прожила в штате Мэн и что она работает в местном полицейском управлении уже более десяти лет. Она знает этот город и его жителей лучше, чем мы когда-либо узнаем, и теперь она пытается вписать нас в эту картину. Возможно, она и не обучена тонкому искусству сбора

разведданных, но у нее достаточно здравого смысла, чтобы понять, что ее перехитрили, и она, вероятно, задается вопросом, как пять седовласых пенсионеров ухитрились это делать.

— Так о чем вы хотели со мной поговорить? — спрашиваю я.

Тибодо открывает свой блокнот. — Мы считаем, что у нас есть имя стрелка. Фрэнк Сардини, сорок два года, из Орландо, штат Флорида. Вы знаете этого человека, мисс Берд?

— Нет, — говорю я.

Она смотрит на меня, приподняв бровь. — Вы даже не дали себе труда подумать об этом.

— Мне это не нужно.

— Или, может быть, вы предпочитаете не признаваться, что действительно его знаете?

— С какой стати мне это делать?

— Я не знаю! Это вы мне скажите, зачем человеку из Орландо проделывать такой путь сюда, чтобы застрелить птицевода?

— Вам, наверное, стоит спросить об этом Фрэнка Сардини.

— Мы все еще пытаемся определить его местонахождение. Мы знаем, что он арендовал черный внедорожник "Тойота" в Аламо в Бостоне. Машину вернули сегодня днем, в час дня. Номерной знак был зафиксирован камерой видеонаблюдения магазина, как раз в то время, когда ваш стрелок должен был скрыться с места происшествия. — Она смотрит на Ингрид, и это самый обвиняющий взгляд, который я когда-либо видела. — А вам не следовало совать туда свой нос, просматривая видеозапись Верна.

— Я была там по поручению библиотечного совета.

— Ага, — фыркает Джо. — конечно.

На самом деле я очень впечатлена, что она узнала эти подробности гораздо быстрее, чем я ожидала от полицейского из маленького городка. Мы недооценили ее, что, возможно, говорит больше о нас, чем о ней. Какие еще сюрпризы она преподнесет нам?

— Арендованный внедорожник был оснащен шинами Goodyear Трейлраннер, — говорит Тибодо. — Это та же марка, что была на автомобиле, с которого сбросили тело на вашу подъездную дорожку. — Она поворачивается ко мне. — Интересное совпадение, вам не кажется, мисс Берд?

— Вы разыскали этого мистера Сардини? — спрашивает Бен.

— Я работаю над этим. Я связалась с полицией Орландо, и пока что узнала только то, что у него нет непогашенных кредитов, никаких арестов, никаких обвинительных приговоров. Но когда я позвонила по указанному им месту работы, в страховое агентство, там никто никогда не слышал об этом человеке.

— Это потому, что он мертв, — говорит Ингрид.

Тибодо поворачивается к ней. — Что?

— Настоящий Фрэнк Сардини умер в возрасте четырех месяцев от SIDS (SIDS — СВД — синдром внезапной детской смерти). Человек, который арендовал этот внедорожник в Бостоне, просто украл имя, и я сильно сомневаюсь, что вы сможете его найти, не говоря уже о том, чтобы арестовать.

— Откуда, черт возьми, вы все это знаете?

Ингрид включает свой ноутбук и поворачивает экран к Тибодо. — Я сама немного покопалась. Просмотрела записи о рождении, смерти и сделала несколько телефонных звонков в Орландо.

Тибодо уставилась на изображение поддельных водительских прав Фрэнка Сардини из

Флориды на экране ноутбука. Вне всякого сомнения, сейчас она чувствует себя посрамленной, но это нечестное соревнование. Ингрид потратила всю жизнь на то, чтобы овладеть искусством сбора разведанных. У нее также есть внутренние источники, о которых полицейский в маленьком городке штата Мэн может только мечтать.

— Кем бы ни был этот человек на самом деле, — говорит Бен, — он уже далеко отсюда.

Тибодо смотрит на нас из-за стола. На элегантную Ингрид с ее шелковым шарфом. На жизнерадостного толстяка Ллойда. На Бена, с его бандитски выбритой головой, и на Деклана, с его смуглой ирландской внешностью. Потом она смотрит на меня, на женщину, утверждающую, что она всего лишь фермер-птицевод. Женщину, на чьей подъездной дорожке выбросили труп, а из леса в нее стрелял убийца.

— Кто вы, черт возьми, такие? — выпаливает Тибодо.

— О, мы всего лишь пенсионеры, — говорит Ллойд.

— А до пенсии? — Тибодо смотрит на Ингрид.

— Я была исполнительным секретарем в международной фирме, — говорит Ингрид.

— А вы? — Тибодо поворачивается к Бену.

— Международные гостиничные принадлежности. Я продавал мебель и ресторанное оборудование некоторым из лучших отелей по всему миру.

— Я был профессором истории, — говорит Деклан.

— А я работала в таможенном брокерском агентстве, как я и говорила вам той ночью, — говорю я. Как легко мы все возвращаемся к своим неофициальным личностям для прикрытия. Мы так долго говорили неправду, что теперь это стало для нас второй натурой.

Наконец Тибодо смотрит на Ллойда, единственного из нас, кто не работал под неофициальным прикрытием. Единственный, кому разрешено раскрыть, в каком агентстве он на самом деле работал.

— О, я был всего лишь аналитиком, — весело говорит Ллойд.

— Вы имеете в виду, как психоаналитик? — спрашивает Тибодо.

Ллойд смеется. — Господи, нет. Я целыми днями просиживал за письменным столом. Собирал информацию и обрабатывал данные для правительства. На самом деле, тут нет ничего захватывающего.

— Может, мы и пенсионеры, — говорит Ингрид, — но мы также рьяные поклонники загадок. Я имею в виду, кто не любит хороший детективный роман? Вот, что вдохновило нас на создание нашего маленького клуба по раскрытию преступлений. Если вы прочтете достаточно детективов об убийствах, то станете достаточно осведомлены о работе полиции.

— Без шуток, — бормочет Тибодо, глядя на топографическую карту. — И как вы называете этот ваш, э-э, клуб?

Воцаряется тишина. Я думаю о той ночи, когда мы стояли у камина Ингрид, потягивая напитки и обсуждая таинственную Бьянку.

— Клуб Мартини, — говорю я.

Мои друзья кивают и улыбаются.

— Пожалуйста, давайте не будем отвлекаться, — говорит Деклан. — Нам нужно сосредоточить наше внимание на этом, так называемом, Фрэнке Сардини, кем бы он ни был на самом деле.

Тибодо вздыхает. — Иисусе. Все стало намного сложнее.

— И мы здесь, чтобы помочь, — говорит Ингрид. — Может быть, мы и вышли на пенсию, но за эти годы мы приобрели некоторые детективные навыки.

— Читая детективные романы, верно? — Тибодо смотрит на меня. — У вас должны быть какие-то версии. Кто-то только что пытался убить вас. Неужели у вас нет никаких предположений, кто желает вашей смерти?

Я смотрю на упавшую солонку, изображающую труп Бьянки. Она всего лишь еще одна в череде смертей, череде, которая еще не завершена. — Я не знаю, — отвечаю я. Но, возможно, я знаю за что.

У нас с Декланом осталось в бутылке последние два дюйма его шотландского виски шестнадцатилетней выдержки. Я выпила более чем достаточно алкоголя на ночь, но он говорит: — Чего уж там, давай допьем, — и разливает остатки по нашим стаканам. Все остальные разошлись по домам. Мы вдвоем сидим перед камином. Пламя угасло и теперь едва мерцает, но мы скоро поднимемся вверх и ляжем спать, так что он больше не подкидывает в него дров. Вместо этого мы позволяем огню медленно угасать, превращаясь в тлеющие угли. Неизбежная смерть.

— А ты помнишь первый виски, которым я тебя угостил? — спрашивает он.

— Я думала, ты хотел меня отравить.

— Это была не такая уж плохая бутылка. Всего лишь восьмилетней выдержки, но, если мне не изменяет память, это был односолодовый виски.

— То была моя первая проба этого напитка. У меня был неискушенный вкус, поэтому я его не оценила. — Я отпиваю то, что он только что налил мне, и вздыхаю, наслаждаясь послевкусием ирисок на языке. — Господи, я была тогда таким ребенком. Во многих отношениях.

— Свежее лицо — вот как Бен описал тебя. В отличие от всех нас, со всеми этими намотанными милями на наших шинах.

Да, у Деклана действительно больше миль на шинах, чем у меня. Восемью годами больше, если быть точным. Когда мы встретились в качестве новобранцев, ему было уже тридцать, и за плечами у него была докторская степень по европейской истории. Это было ценное удостоверение, которое оказалось весьма полезным, когда он работал под неофициальным прикрытием в академических кругах. Со временем его некогда черные волосы посеребрились, а вокруг глаз пролегли морщинки от смеха, но годы только усилили его смуглую привлекательность. Этот сын выдающегося дипломата теперь сам очень похож на дипломата.

— Ты когда-нибудь задумывалась, что ты могла бы сделать со своей жизнью вместо этого? — спрашивает он.

— Ты имеешь в виду, вместо Агентства?

— Да.

— Может быть, я бы работала настоящим аналитиком по импорту. Мне действительно нравилось мое прикрытие. — Я смотрю на него. — И думаю, что ты действительно был бы профессором истории.

— Твидовые пиджаки, увитые плющом колледжи. Творческий отпуск каждые семь лет. Что может быть лучше?

— Плюс все эти зрелые студентки, толпящиеся вокруг тебя.

— Это я не считаю бонусом. Красть младенцев из колыбели меня никогда не привлекало, — он задумчиво делает глоток виски. — Если бы мы пошли разными путями, мы бы с тобой никогда не встретились. Мы бы сейчас не сидели вместе. Грустно об этом думать.

— И все же мы здесь. — я улыбаюсь ему. — Я благодарна, по крайней мере, за это.

Мы замолкаем, оба уставившись на камин. Покрытое золой бревно рушится, поднимая фонтан тлеющих углей.

— Что же все-таки произошло на Мальте? — спрашивает он.

— Ты уже знаешь основы. Операция "Сирано".

— Я знаю, что именно тогда он был схвачен. И на протяжении многих лет я слышал разговоры о том, что русский шпион, возможно, проник на Даунинг-стрит.

— Первые намеки поступили через SIGINT. Перехваченное сообщение от российского куратора оперативнику, обученному в полевых условиях. Британцы и Агентство понятия не имели, кто он такой. Член парламента? Чиновник Консервативной партии? Или, может быть, он работал в Национальном агентстве по борьбе с преступностью Великобритании, на кого-то достаточно высокопоставленного, чтобы пресечь любое расследование по отмыванию денег в России. Мы даже не были уверены, был ли Сирано настоящим или просто призраком. Плод паранойи разведывательного сообщества.

— Разве не британцы должны были разобраться с этим? Почему не мы были острием копья?

— Потому что каждый шаг британской разведки неоднократно подвергался компрометации, и многие из их агентов были убиты. В течение восьми лет этот человек был загадкой.

— До операции "Сирано"?

Я киваю. — Диана Уорд руководила этой операцией. Справедливо это или нет, но она заслужила похвалу за то, что расправилась с ним.

— И какова была в этом твоя роль?

— Она ввела меня в операцию. Я была всего лишь винтиком в машине.

— Я думаю, ты приняла в этом большее участие, Мэгги.

— Я не присутствовала при самом захвате. Или на допросе, после того как они отправили его самолетом в Марокко. Это все была работа Дианы.

— Так какова была твоя роль в этом?

Я пожимаю плечами. — Я просто указала путь. И она прошла по нему.

— И когда ты в последний раз получала от нее весточку?

— Никогда, со времен Мальты. Она никогда не обращалась ко мне, и я, конечно, никогда не обращалась к ней. Для этого не было никаких причин. На следующий день после того, как они схватили Сирано, я подала в отставку.

— Ты не хочешь сказать мне почему?

— Нет, не хочу. Мой ответ выходит более резким, чем я намеревалась, и на мгновение он умолкает. Я не отрываю взгляда от тлеющих углей в камине, но чувствую, что он изучает меня. Он один из моих старейших друзей, возможно, мой самый близкий друг, но между нами есть стена, медленно возводимая годами, из накопленных за всю жизнь секретов. И шрамов.

— Сирано был схвачен шестнадцать лет назад, — говорит он. — Ты действительно думаешь, что это расплата, после стольких лет?

— Мы нанесли русским серьезный удар на Западе. Мы нанесли ущерб лондонской прачечной самообслуживания, разоблачили коррупцию в Великобритании на самых высоких уровнях правительства. Вполне логично, что Москва примет ответные меры.

— Но зачем ждать до сих пор, чтобы прийти за тобой?

— Может быть, потому, что они только сейчас узнали наши имена. Бьянка сказала мне, что недавно в Агентстве произошла брешь в системе безопасности, и кто-то получил доступ к файлу Сирано. Мое имя было в том файле. Им потребовалось бы время, чтобы выследить меня, потому что я сменила фамилию и много лет жила на чемоданах. Я была в Коста-Рике, Мексике. Моталась по всей Азии. Потом я получила твое электронное письмо, в котором говорилось, что ты переехал в Мэн. Ты писал об этом так, словно обрел нирвану.

— Может быть, я преувеличил.

— Нет-нет, нисколько. В этой деревне действительно чувствуешь себя как дома. Или так оно и было, пока все это не случилось. Мне просто жаль, что я привлекла внимание к нашему маленькому безопасному уголку мира. У меня такое чувство, что я разоблачила вас всех.

— Мы это переживем. Мы всегда справлялись.

— Не всегда. Эта неделя разрушила все иллюзии о супергерое, которые у меня могли быть о себе. — Я залпом допиваю остатки виски и встаю. — Уже поздно. Увидимся утром. И спасибо тебе, Деклан. Не только за сегодняшний вечер, но и за.....все.

— Ты бы сделала то же самое для меня.

Я улыбаюсь ему. Да. Да, я бы так и сделала. Я выхожу из гостиной и уже стою у подножия лестницы, когда слышу, как он окликает меня:

— Ты знаешь, что можешь остаться здесь, Мэгги. Столько, сколько тебе понадобится.

— Будь осторожен с тем, что предлагаешь.

— Это большой дом, может быть, даже слишком большой для меня. Мне бы не помешала твоя компания. — Пауза. — Мне *нравится* твоя компания.

И мне нравится твоя.

Через дверной проем гостиной я вижу, как он сидит у камина, уставившись на пепел. Не на меня. Мы знаем друг друга почти четыре десятилетия, но у него всегда была отстраненность холодного интеллектуала. Несмотря на то, что он открыл для меня свой дом, я все еще чувствую дистанцию между нами, присущую любым отношениям между двумя людьми, для которых недоверие — вторая натура.

— Я обязательно подумаю об этом, — говорю я.

Я поднимаюсь по лестнице в свою спальню и закрываю дверь. Я сразу запираю ее, просто по привычке, хотя чувствую себя в этом доме в безопасности, потому что только мои друзья и Джо Тибодо знают, что я здесь. У Деклана самая современная система безопасности, и, как и я, он вооружен. Ранее этим вечером я видела, как он достал коробку с патронами из своего оружейного сейфа и зарядил два магазина. Внешне он кажется спокойным, но он тоже, должно быть, на взводе.

Мой телефон жужжит от нового сообщения. Это ответ на зашифрованное электронное письмо, которое я отправила сегодня днем.

Готов встретиться. Бангкок. Подробности при встрече.

Теперь я знаю, куда мне нужно двигаться дальше. Я должна разыскать женщину, которую презираю, женщину, которая была со мной на Мальте. У Дианы есть ответы. Она знает, кто пытается нас убить.

Но той ночью, когда я закрываю глаза, я снова могу думать только о Дэнни. Я помню, как он смотрел на меня в то утро, когда в последний раз собирал свои вещи. Когда он наклонился, чтобы поцеловать меня на прощание. Насколько по-другому сложилась бы наша жизнь, если бы только мы сбежали, как планировали, если бы только я отказалась от того

последнего задания и никогда не поехала на Мальту.

Вот где все пошло наперекосяк. На Мальте.

Глава 24

Мальта, шестнадцать лет тому назад

Хотя Белла Хардвик унаследовала те же рыжие волосы и безупречный розовый цвет лица, что и ее мать, к сожалению, она не унаследовала лебединую шею Камиллы и ее царственную осанку. Невозможно не сравнивать этих двоих, когда я сижу напротив них за завтраком у Камиллы, элегантной матери со своей дочерью — гадким утенком. В этот знойный день садовая терраса арендованной Камиллой виллы представляет собой прохладное убежище в тени виноградных лоз. Неподалеку журчит каменный фонтан, распыляя приветственный, плывущий в нашу сторону, туман, а на апельсиновом дереве чирикают воробьи. На острове, где катастрофически не хватает зелени, где в ландшафте преобладают камень и бетон, этот бывший монастырь представляет собой зеленое святилище вдали от уличного движения Валлетты.

— Я не знаю, почему я не могу просто отвезти тебя обратно в Лондон на своем самолете, — говорит Камилла. — Как будто твой отец не доверяет мне вернуть тебя домой.

— Папа сказал, что он все равно должен сюда прилететь. — Белла лениво передвигает клубнику вилкой по тарелке. Я так понимаю, она не любит клубнику, потому что ни одна ягодка не попала ей в рот. Вместо этого она выстроила их в оборонительную линию, как будто находится в осаде.

— У него была другая причина прилететь сюда? — говорит Камилла.

— Он сказал, что ему нужно кое с кем встретиться. Вот почему мы вылетаем только завтра. Эта поездка отнюдь не ради меня. Он здесь по работе. — Белла вздыхает и кладет вилку. — Вероятно, мне придется прослушать еще одну лекцию по бизнесу по дороге домой. Он постоянно талдычит мне о деньгах.

Выражение лица Камиллы смягчается, когда она смотрит на свою дочь. О да, она слишком хорошо понимает, каковы приоритеты ее бывшего мужа. — Это потому, что ты понимаешь, о чем он говорит, дорогая. Ты разбираешься в цифрах лучше, чем это когда-либо делала я.

— Ну, я не хочу говорить о деньгах. Я бы предпочла поговорить о том, что мы собираемся делать сегодня. — Белла смотрит на меня. — Я так рада, что ты приехала! Я хотела, чтобы моя мама познакомилась с тобой.

— Белла без умолку говорила о тебе, Мэгги, — говорит Камилла. Выражение ее лица достаточно дружелюбное, но я чувствую, что она держит свое одобрение при себе. В конце концов, я являюсь частью окружения ее бывшего мужа и, следовательно, не факт, что заслуживаю доверия.

— Мэгги работает в сфере моды, — говорит Белла.

— Раньше работала, — поправляю я ее. — На моей старой работе.

— А теперь ты работаешь на Филиппа? — спрашивает Камилла.

— О нет. Я просто здесь со своим мужем, доктором Галлахером. Мистер Хардвик пригласил меня составить компанию Белле во время полета домой.

— Потому что его не интересует ничего из того, что я говорю, — бормочет Белла.

— Ну, это всего лишь твой отец, — говорит Камилла. — Он ведет себя так со всеми. Если бы я знала, что он за человек, когда я... — Она замолкает, проглатывая слова, которые

вертелись у нее на языке. Вместо этого она смотрит в сад, где мраморные статуи окружают бассейн цвета морской волны. Вилла, которую она сняла, гораздо очаровательнее, чем стерильный отель в Валлетте, где я остановилась с группой Хардвика, и она, безусловно, достаточно велика, чтобы вместить всех, но после их мучительного развода бывшие супруги продолжают держаться друг от друга на почтительном расстоянии.

— Он привез с собой эту женщину? — спрашивает меня Камилла.

— Ты имеешь в виду Сильвию? — Я качаю головой. — Нет, она осталась в Лондоне.

— А Кит и Виктор?

— Да, они здесь.

Камилла морщится. — Труляля и Траляля. Он никогда никуда не ходит без них. Кстати, как у них дела? У Филиппа и той женщины?

— О, мам, — стонет Белла. — Давай не будем говорить о ней. Пожалуйста.

— Ты права. — вздыхает Камилла. — Конечно, ты права. Мне просто интересно, как долго это продлится.

— Дольше, чем с предыдущий, — говорит Белла. — По крайней мере, Сильвия не ведет себя со мной как стерва.

— Белла.

— А что, это правда. Последняя была...

— Нам просто нужно двигаться дальше. Мне тоже нужно напомнить себе об этом. Самое разумное — двигаться дальше.

Белла откидывается на спинку стула, скрестив руки на груди. Какое-то мгновение мы троим сидим молча, слушая чириканье воробьев и смотря, как спускается горничная с подносом, чтобы собрать посуду после завтрака. Я жду, пока горничная снова уйдет, прежде чем спросить Беллу:

— А что за дело у твоего отца на этом острове?

— Я не спрашивала. Знаю только, что у него сегодня вечером встреча.

— С кем?

Она пожимает плечами. — С кем-то.

Кто-то. Я бросаю взгляд на Камиллу, но она наливает себе еще кофе и, кажется, не обращает на меня внимания.

— Но это значит, что у нас сегодня весь день впереди, — говорит Белла, оживляясь. — Так давайте пройдемся по магазинам!

— Я не могу, дорогая, — говорит Камилла. — Я согласилась встретиться с твоим отцом сегодня днем. Почему бы вам двоим не взять такси и не поехать в город?

Белла вскакивает. — Я возьму свою сумочку!

Мы с Камиллой молчим, пока Белла поднимается по садовым ступенькам виллы. Только после того, как ее дочь оказывается вне пределов слышимости, Камилла спрашивает: — Он тебе платит? Чтобы быть ее другом?

— Ни пенни. — Я смотрю ей в глаза. — Я ее друг.

— Почему?

— Так случилось, что мне нравится Белла.

— И это единственная причина, по которой Филипп привез тебя сюда? Потому что тебе *нравится* Белла?

— Мой муж все равно собирался приехать сюда, а я никогда не была на Мальте. Я была рада присоединиться.

Это, по крайней мере, имеет для нее смысл. Больше смысла, чем в том, что я на самом деле друг ее дочери. Какой бы богатой ни была ее семья, Белла родилась в несчастливой семье, с отцом, который едва терпит ее, и матерью, которая жалеет ее. Неудивительно, что она так несчастна.

— Похоже, у нее не так уж много друзей, — говорю я.

— Она никого не найдет в этой ужасной школе.

— Тогда почему она там?

— Филипп говорит, что это ‘закаляет характер’. Он страдал в школе-интернате, так что ей тоже приходится страдать.

— Это звучит не очень по-отечески.

— Он не дочь растит; он пытается превратить ее в своего клона, в кого-то, кому можно передать бразды правления. Он готовил ее к этому с тех пор, как она научилась складывать два плюс два. Для него все связано с бизнесом. Я узнала об этом слишком поздно.

Я наблюдаю, как она насыпает в кофе еще сахара, с музыкальным звоном постукивает ложечкой по фарфоровой чашке. Воробей на апельсиновом дереве чирикает в ответ.

— Могу я спросить, как долго вы были женаты? — говорю я.

— Восемь лет. Что примерно на семь с половиной лет больше, чем было нужно. Когда мы развелись, я хотела получить опеку над Беллой, но Филипп никогда не отказывается от права собственности на что-либо, даже если это то, чего он на самом деле не хочет. Мне просто повезло, что я уговорила его согласиться на ее визиты ко мне. — Она наклоняется ближе и тихо говорит: — Если ты действительно ее друг, пожалуйста, присмотри за ней.

— Конечно.

— И будь осторожна.

Я хмурюсь. — Осторожна с чем?

— С людьми, с которыми он общается. Они пугают меня. Они всегда пугали меня.

— Ты имеешь в виду Кита и Виктора?

— Эти-то! — Она пренебрежительно машет рукой. — Нет, эти ничего из себя не представляют. Я о других.

— Я не знаю, о ком ты говоришь.

— О людях, с которыми он ведет бизнес. Просто держи Беллу подальше от них. Если что-то пойдет не так, если какая-то сделка сорвется прямо на глазах у Филиппа, я не хочу, чтобы она была где-то поблизости.

— Ты не могла бы рассказать мне об этом побольше?

— Будет лучше, если я не стану этого делать. Для нас обеих. — Мгновение она смотрит на меня. — Это правда? Он действительно не платит тебе за это?

— Он предлагал, но я не взяла его денег.

— Тогда ты была первым человеком, который ответил ему отказом.

— Не все в мире можно купить.

— Филипп бы с этим не согласился. — Она поднимает взгляд, когда Белла выходит из дома.

— Я готова, Мэгги! — зовет Белла. — Давай, пойдем по магазинам!

Я встаю из-за стола. — Спасибо за кофе.

— И тебе спасибо за то, что ты друг моей дочери. — Она делает паузу и тихо добавляет: — Если ты и в самом деле ей друг.

— Я так рада, что папа взял тебя с собой, — говорит Белла, когда мы гуляем по узким

улочкам Валлетты. — Никто из моих школьных друзей не хотел тусоваться со мной здесь, а мама, что ж... — Она пожимает плечами. — Она просто мама.

— Она приезжает сюда каждое лето?

— Нет, в прошлом году это была Корсика. Она просто приезжает чтобы держаться подальше от холода.

— В Аргентине не холодно.

— Там сейчас зима!

— Но там все равно не холодно.

— Да, но ты ведь не моя мама. Чем жарче, тем она счастливее. Я ненавижу жару, но она похожа на какую-то странную ящерицу.

Белла останавливается у тележки уличного торговца и не торопясь рассматривает безделушки. Она забыла свою шляпу, и теперь лицо ее пугающе загорело, а на пухлых щеках сверкает пот. Она похожа на блестящий розовый пляжный мяч.

— Что думаешь? — спрашивает она, показывая пару оловянных сережек с филигранью.

— Я думаю, они были дешевле в той, другой тележке дальше по улице.

— У них были точно такие же?

— Идентичные.

— Ух ты, ты все замечаешь, да?

Да, так и есть. Сегодня утром я заметила Гэвина, сидящего в вестибюле моего отеля, предположительно читающего газету. Я заметила Диану в ресторане отеля, она сидела за несколькими столиками от того места, где завтракали Хардвик и Кит. Команда Дианы поселилась в том же отеле в Валлетте, что и тусовка Хардвика, роскошные апартаменты для проведения операции по наблюдению, и все это любезно предоставлено дядей Сэмом.

— А, неважно, — говорит Белла и кладет серьги обратно в тележку. — Они мне все равно не нравятся. — Она поднимает глаза на ослепительное солнце. — Боже, как жарко.

— Ты вся обгоришь. Тебе нужно надеть шляпу.

— Мама то же самое мне говорит.

— Не хочешь зайти в отель и освежиться? Или мне отвезти тебя обратно на виллу твоей мамы, на обед?

Белла корчит гримасу. — Это не мамина вилла. Терпеть не могу, что готовит ее повар, ничего, кроме скучных салатов и рыбы на гриле. Знаешь, что я на самом деле хочу прямо сейчас?

— Что?

— Гамбургер с жареной картошкой. Мы могли бы заказать его в твоём отеле, верно?

— Я думала, ты вегетарианка.

— Я пыталась. Но ты знаешь, это так сложно.

Я смеюсь. — Тогда пошли. Пусть будет гамбургер.

Мы пробираемся по мощеным улицам, оба обливаемся потом и обмахиваемся веерами от зноя. Поход по магазинам оказался на редкость неудачным, и у Беллы с собой только один пластиковый пакет с шелковым шарфом. Я думаю о ее шкафе в Мэннинг-Хаусе, набитом неброскими платьями стоимостью в целое состояние. Это, безусловно, прогресс. Она учится быть разборчивой.

Сейчас тот самый ленивый час дня, когда уже далеко за полдень, но еще слишком рано для ужина, и когда мы добираемся до моего отеля, то обнаруживаем, что столовая внутри пуста. Вместо этого хозяйка ведет нас наружу, к столику на террасе у моря. Белла

немедленно хватает меню и настолько сосредоточена на заказе своего драгоценного гамбургера, чертовски редкого, с картофелем фри, что не замечает, кто еще находится на обеденной террасе. Я замечаю Кита, сидящего в дальнем углу, почти скрытого из виду, а это значит, что его работодатель тоже должен быть поблизости. Я оглядываю террасу и вижу его, сидящего за столиком с Камиллой, сразу за рядом пальм в горшках. Ни один из них не улыбается, и они смотрят друг на друга через стол, как шахматные противники, участвующие в ожесточенном поединке. В то время как растения в горшках частично скрывают их от посторонних глаз, листва не заглушает их голоса.

— ...чертовски опасное дело! Я не хочу, чтобы ее втягивали в это, — говорит Камилла.

Белла поднимает глаза на голос своей матери и стонет. — О Боже. Они здесь.

— Просто притворись, что их нет.

— Тебе легко говорить. Наверное, нам лучше уйти.

Но я не хочу уходить. Я хочу послушать, о чем они говорят. — Ты уже сделала заказ, — говорю я ей. — Просто не обращай на них внимания и обедай.

Теперь говорит Хардвик, его голос становится тише. Все, что я могу разобрать, это: — Мы так не договаривались.

— Она несчастлива.

— Ей нужно закалять характер.

— В школе-интернате? Ей там не нравится.

— Тонуть или плыть. Она должна узнать, как устроен мир. Я сам так учился.

— Жизнь — это не учебный лагерь! Я хочу забрать ее к себе домой, — говорит Камилла.

— Мы так не договаривались.

— Да я никогда не соглашалась на это! Ты сам этого потребовал.

— Это не моя проблема, если твои адвокаты некомпетентны.

Я смотрю на парочку, пристально глядящую друг на друга, и думаю: неудивительно, что Сильвия осталась дома в Лондоне. Я не могу представить ситуацию более щекотливую, чем любовница и бывшая жена, кружащиеся друг вокруг друга на одном острове.

Белла опускает голову на руки, как будто страдает от чудовищной головной боли. — Господи, умоляю, пусть мне уже принесут мой гамбургер.

— Просто притворись, что ты их не знаешь. Я сама обычно так делала, когда была в твоём возрасте.

— Со своими родителями?

— С моим отцом. Всякий раз, когда он напивался, и я видела, как он шатается по городу, я просто продолжала идти мимо.

— Ты никогда не рассказывала мне о нем.

— Тут особо не о чем рассказывать.

— Ты не любишь говорить о себе, правда?

— Я не такая уж интересная.

— Вот видишь? Ты снова это делаешь. Не хочешь говорить о себе.

Значит, она заметила. Иногда я забываю, какими пронизательными могут быть девочки-подростки. Пришло время сменить тему. Я смотрю на ее родителей. — Они и вправду не ладят, да?

— Вот почему я никогда не выйду замуж.

— Никогда не говори никогда.

— Если только я не встречу кого-нибудь вроде доктора Галлахера.

Я улыбаюсь. — Боюсь, он уже занят.

— Я хочу мужчину, который смотрел бы на меня так, как он смотрит на тебя.

Этот комментарий заставляет меня задуматься. Иногда требуется пронизательный подросток, чтобы докопаться до истины. Я спряталась за таким количеством лжи, что лучше предоставить Белле признать единственную истину в моей жизни: что мы с Дэнни любим друг друга. Интересно, что еще она видит во мне? Она уже поняла, что я избегаю ее вопросов, что я не делюсь своими секретами. Она наверняка была бы уязвлена, если бы узнала самый большой секрет, который я от нее скрывала: что наша дружба — всего лишь фикция.

Наконец приносят еду, и Белла, не теряя времени, набрасывается на картофель фри. Она берет гамбургер обеими руками и как раз подносит его ко рту, когда слышит, как ее мать говорит Хардвику:

— ...и она набрала четыре *килограмма*. Как ты допустил, чтобы это случилось?

Белла замирает с гамбургером у губ.

— Она выглядит вполне здоровой, — говорит Хардвик. — Какая разница, сколько она весит?

— *Кто-нибудь* в вашем доме обращает на нее внимание? Та женщина?

— Сильвии это не касается, — говорит Хардвик.

— Нет, разумеется, нет. Почему это должно ее волновать? Она получила то, чего добивалась. — Камилла отодвигает свой стул и поднимается на ноги. — Она и твоя дочь тоже. По крайней мере, попытайся проявить к ней хоть немного внимания. Если ты не можешь, тогда ее место со мной. — Камилла отходит от Хардвика и вдруг видит нас, сидящих через несколько столиков.

— Привет, мам, — испуганно произносит Белла.

Камилла хмурится, глядя на еду Беллы. — Гамбургер? О, Белла...

— Я проголодалась.

— В следующий раз попробуй салат. Она бросает враждебный взгляд на Хардвика. — Утром ты уедешь со своим отцом. Тебе следует сейчас же вернуться и собрать вещи.

— Я только начала есть.

— Они могут завернуть с собой. Пойдем.

Белла смотрит на свой недоеденный гамбургер и со вздохом откладывает его в сторону. — Кажется, я наелась. — Победенная, она встает и говорит мне: Спасибо, что прошла со мной по магазинам.

— Увидимся завтра в аэропорту, Белла.

Когда Камилла и ее дочь выходят из ресторана, Хардвик остается сидеть за своим столиком, плечи его напряжены. Его, должно быть, бесит, что даже со всеми его деньгами, со всей его властью он не может контролировать женщин в своей жизни. Он сидит лицом к морю, чуть более чем черный силуэт, выделяющийся на фоне мерцающего горизонта. Я не вижу его лица, поэтому не могу точно определить момент, когда это начинается, когда где-то в его мозгу вспыхивает искра, вызывая электрическую бурю в коре головного мозга.

Первая подсказка, которая приходит мне в голову, что что-то не так, — это стеклянный стакан, который падает со стола и разбивается вдребезги. *Неосторожность* — вот моя первая реакция. Затем я вижу, как он боком сваливается со стула, увлекая за собой скатерть, разбрасывая фарфор и столовое серебро. Грохот привлекает внимание всех, кто находится на

террасе. Теперь они все ошеломленно наблюдают, как Хардвик лежит на полу, корчась в судорогах.

Кит вскакивает со стула. Опускаясь на колени рядом с Хардвиком, он уже кричит в свой телефон: — Доктор. Галлахер, у него припадок! Терраса ресторана!

Два официанта стоят остолбеневшие, в то время как Хардвик продолжает молотить руками. Я замечаю разбитое стекло, лежащее рядом с его головой, и встаю, чтобы отбросить осколки, но он уже порезался, и свежая кровь размазывается по полу. Я слышу скрип отодвигаемых стульев, сдавленные голоса, когда толпа собирается посмотреть на это унижительное зрелище.

— Убирайтесь прочь, вы все! Оставьте ему немного места, черт возьми! — кричит Кит.

Я отодвигаю стулья, подбираю упавшую скатерть и подкладываю ее Хардвику под голову, чтобы смягчить удары. Жестокость его припадка приводит меня в ужас. Как долго могут длиться эти судороги? Сколько пройдет времени, прежде чем сломаются кости или остановится сердце?

Затем я слышу голос Дэнни, приказывающего всем отойти в сторону, когда он проталкивается сквозь толпу. Он опускается на колени рядом со мной со своей аптечкой.

— У него идет кровь, — говорю я.

— Ничего, это подождет — Он открывает пластиковый картридж, обнажая насадку для впрыскивания. — Держи его голову неподвижно!

Обеими руками я хватаю Хардвика за голову. Кровь склеивает его волосы и пачкает кончики моих пальцев. Я смотрю прямо ему в глаза. Они полуоткрыты, радужки закатились, видны только белки. Его ноги стучат по полу, тук-тук-тук. Я думаю, как легко было бы покончить с его жизнью прямо здесь и сейчас. Перерезать ему горло или прижать к лицу удушающую подушку. Это был бы один из способов добиться справедливости, сделать мир лучше. Вместо этого я здесь, помогаю своему мужу сохранить жизнь этому монстру.

Дэнни быстро вставляет насадку картриджа в ноздрю Хардвика и нажимает на поршень.

— Что ты ему даешь?

— Мидазолам. Официально он пока не одобрено, но ему это раньше уже помогало. — Моему невозмутимому мужу, просто своим ровным голосом, удалось успокоить меня. — Что здесь произошло? Что вызвало приступ?

— Ничего. Он просто сидел вон за тем столиком и смотрел на море.

Дэнни бросает взгляд на стол. — Солнечный свет. Отражения на воде.

— Это может спровоцировать приступ?

— Мерцание может. — Он смотрит вниз на Хардвика, чьи припадки уже начинают ослабевать. — Ладно. Не думаю, что ему понадобится вторая доза. Давайте дадим ему минутку, пускай очухается. А теперь дай-ка я осмотрю его голову.

Я слышу приближающийся вой сирены.

Кит спрашивает: — Кто вызвал скорую помощь?

— Это сделал я, сэр, — говорит один из официантов.

— Она ему не нужна!

— Я не знал...

— Ничего страшного, все в порядке, — говорит Дэнни и ободряюще улыбается официанту. — У него и раньше бывали такие припадки, но, конечно, вы этого не могли знать. Мэгги, не могла бы ты подать мне немного марли?

Я роюсь в аптечке Дэнни в поисках стерильной марли, и мне на глаза попадается

этикетка. Сама коробка ничем не примечательна, просто белый картон с напечатанным черным содержимым, но название лекарства, которое в ней содержится, кричит мне из глубин медицинской сумки Дэнни.

Я уже несколько раз заглядывала в его аптечку, так что знаю, какие лекарства он обычно запасает, какие инструменты повсюду возит с собой. Это первый раз, когда я вижу аргинат гема в его сумке.

— Мэгги? — говорит Дэнни.

Я протягиваю ему пакет с марлей. Смотрю, как он вскрывает его и прижимает кусочек марли к голове Хардвика. Белый хлопок становится красным от крови.

Сирано находится на Мальте.

Прибывает бригада скорой помощи с носилками. Когда они добираются до Хардвика, его глаза уже приоткрываются, и он в замешательстве оглядывается по сторонам.

— Давайте перенесем его в номер, — говорит Дэнни.

— Не в больницу? — спрашивает парамедик.

— "Ему не нужно ехать в больницу. Просто отнесите его наверх, в его комнату.

Все внимание сосредоточено на Хардвике, так что за мной никто не наблюдает. Им все равно, что я следую за ними к лифту и проскальзываю внутрь вместе с ними, или что я стою прямо за ними, когда они выходят на четвертом этаже.

Они не замечают, когда я следую за ними в личные апартаменты Хардвика.

Раньше я здесь не бывала. Комната, где мы с Дэнни спим, находится этажом ниже, и у меня не было никаких причин подниматься на этот этаж. Никто из команды Дианы не смог получить к нему доступ, потому что горничным вход воспрещен, а внутри номера всегда находится либо Кит, либо Виктор. Это наш единственный шанс осмотреться.

Это люкс с тремя спальнями, и двери двух комнат — предположительно, Кита и Виктора — закрыты. В общей зоне установлены диван и кресла, обитые лимонно-кремовым шелком. На столе стоит роскошная ваза с фруктами, в баре полно виски и шампанского, а на стене висит телевизор с большим экраном. Французские двери ведут на балкон с видом на океан.

В углу стоит письменный стол с портативным компьютером.

Я заглядываю через открытую дверь в спальню Хардвика. Все заняты тем, что переключают его на кровать; на меня они не обращают внимания.

Я подхожу к ноутбуку и нажимаю на клавиатуру, чтобы разбудить его. Появился экран входа в систему. Конечно, он защищен паролем, но за ноутбуком спрятан многопортовый USB-адаптер. К нему прикреплен флэш-накопитель.

Я слышу скрип колесиков носилок. Парамедики собирают вещи, чтобы уехать, и у меня нет времени думать о моем следующем шаге, нет времени обдумывать последствия. Все, что я вижу, — это возможность.

Я вытаскиваю флешку, засовываю ее в карман и выхожу из номера.

Я пользуюсь лестницей. Когда я выхожу на третий этаж, я вижу тележку для уборки, стоящую в дальнем конце коридора, но уборщица занята в одном из номеров. Она не видит меня, когда я иду к номеру 302, где Диана организовала штаб-квартиру. Я стучу в дверь.

Диана открывает его и удивленно смотрит на меня. Я проскользнула мимо нее в комнату.

— Что ты здесь делаешь? Тебе не следует...

Я передаю ей флешку. — Скопируй это. Немедленно.

— Что это такое?

— Это с компьютера Хардвика.

Она сразу же подходит к своему ноутбуку и вставляет флэшку в USB-порт. Хотя ноутбук Хардвик был защищен паролем, флэш-накопитель, возможно, без защиты. С бьющимся сердцем я наблюдаю, как содержимое начинает передаваться. Файл за файлом они переходят на ноутбук Дианы.

— Что это за файлы? — спрашивает Диана, нахмуренно глядя на экран.

— Не знаю. Я только что вытащила это из его компьютера. Мне нужно вернуть его, прежде чем они поймут, что он пропал.

— Есть ли шанс, что они тебя видели...

— Сирано здесь. На Мальте.

Ее голова поворачивается, и она смотрит на меня. — Что? Откуда ты знаешь?

— В медицинской сумке Дэнни лежит коробка с флаконами гем-аргината. Должно быть, он привез его из Лондона. Я никогда раньше этого не видела.

Файлы продолжают копироваться, и все они обозначены непонятными названиями. Я смотрю на свои часы, пока идут секунды. *Быстрее. Быстрее.* Почему, черт возьми, это занимает так много времени? Мне нужно вернуться наверх, в номер Хардвика, и вернуть флэшку в его компьютер. Даже если мне удастся сделать это незаметно, все равно возникнет другая проблема: как я могу стереть сообщение на его ноутбуке о том, что устройство не было извлечено должным образом? Учитывая весь хаос, последовавший за его припадком, возможно, они проигнорируют это. И разве серьезные припадки не оставляют пробелов в памяти? Это то, на что я рассчитываю — что Хардвик решит, что это его ошибка.

Копирование завершено. Наконец-то.

Диана вынимает флешку и протягивает ее мне. — Дэнни сказал, для кого эти флаконы?

— "Нет. И у него нет никаких причин носить с собой наркотик. Насколько я знаю, Хардвик — его единственный пациент на острове.

— Тогда мы установим за ним слежку. Если Сирано на Мальте...

— Дэнни приведет нас прямо к нему.

Глава 25

Поднимаясь по лестнице обратно на четвертый этаж, я чувствую себя так, словно у меня в кармане тикающая бомба. Если люди Хардвика найдут у меня флэшку, это с таким же успехом может оказаться бомбой, потому что это решит мою судьбу. Они узнают, что это я вынула ее из компьютера.

А это значит, что меня придется устранить. Но сначала они сделают все, что в их силах, чтобы вытянуть из меня правду.

Я чувствую, как эта бомба тикает все громче, когда иду по коридору к номеру Хардвика. Дверь закрыта. *Закрыта.* Мое сердце бешено колотится, а рука дрожит, когда я поднимаю кулак, чтобы постучать.

Виктор открывает дверь. Он никогда не был особенно дружелюбен, а теперь смотрит на меня с чем-то похожим на подозрение. Или это просто мое воспаленное воображение?

— Я хотела узнать, как дела у мистера Хардвика, — говорю я.

— Он спит.

— Могу я поговорить со своим мужем? Мне нужно сказать ему...

— Он ушел.

— Но он только что был здесь.

— Им с Китом нужно было пойти кое с кем встретиться. Они вернутся к обеду.

— Куда они пошли? — спрашиваю я.

— Послушайте, миссис. Галлахер, — огрызается он. — Почему бы вам просто не спуститься в бар и не выпить чего-нибудь? Мне нужно поработать. — Он закрывает дверь.

Они пошли кое с кем встретиться

Я проношусь через четыре пролета и вбегаю в вестибюль. Дэнни нигде не видно.

Я выбегаю на улицу к воротам Кошер, где к отелю только что подкатил черный мерседес. Дэнни здесь тоже нет.

Я достаю телефон и сообщаю Диане. **Он уже в пути! Его нельзя упустить...**

И тут я замечаю их: Дэнни и Кита переходящих улицу, забитую машинами. Дэнни несет свою медицинскую сумку.

Поблизости больше нет никого, кто следил бы за ними. Это придется сделать мне.

Флешка все еще у меня в кармане, но у меня нет времени беспокоиться о том, как и когда я смогу вернуть ее в номер Хардвика; все мое внимание сосредоточено на двух мужчинах, которые сейчас идут по улице. Дэнни, похоже, не осознает, что за ним следят, так как он никогда не останавливается, чтобы оглянуться назад. Зато Кит останавливается на углу, чтобы оглядеться по сторонам. Это опасная игра, в которую меня втянули против моей воли. Если он заметит меня, то поймет, что я слежу за ними.

Я отступаю назад и даю им преимущество, пока они продолжают свой путь по набережной. Здесь так мало укрытий, ни дверей, в которых можно было бы спрятаться, ни близлежащих магазинов, в которые можно было бы нырнуть. Расстояние — мой единственный друг, и я держусь далеко позади, моя жертва все еще видна, но едва-едва.

Они направляются к пристани для яхт.

Лес мачт парусных лодок покачивается на воде, колыхаясь от волн, оставляемых моторной лодкой, проходящей через гавань. Когда Дэнни и Кит начинают спускаться по причалу, я вынуждена остановиться. На этом причале абсолютно нет укрытия, и если я последую за ними, меня будет слишком легко заметить. В отчаянии я наблюдаю, как мужчины продолжают идти к ожидающему их ялику. Они забираются внутрь.

Только когда они отплывают, я бросаюсь на причал, мой взгляд впивается в лодку. Ей не нужно плыть далеко, она направляется прямо к флоту мегаяхт, пришвартованных в гавани. Это целый флот судов, предназначенных исключительно для удовольствий богатых.

— Это они? — произносит чей-то голос.

Я поворачиваюсь и вижу Гэвина, стоящего рядом со мной. Мое внимание было настолько приковано к Дэнни и Киту, что я не заметила, как мой коллега бросился мне на помощь.

— Вон там, — говорю я, указывая на яхту, к которой только что пришвартовался их ялик.

Гэвин подносит к глазам бинокль. — Они сейчас поднимаются на борт.

— Как называется лодка? — спрашиваю я.

— Взгляни. — Он протягивает мне бинокль.

Я смотрю на корму яхты, и сквозь линзы название внезапно становится четким.

Ненасытный.

— Я думаю, мы нашли Сирано, — говорит Гэвин.

Я сделала то, ради чего приехала на Мальту. Ничто не мешает мне собрать чемоданы,

сесть в самолет и улететь подальше от всего этого. Именно это мне и нужно сделать, потому что мое участие в операции "Сирано" закончено. Через два часа команда Дианы поднимется на борт "Ненасытного", яхты, принадлежащей бизнесмену-миллиардеру сэру Алану Холлоуэю, чьи незначительные сделки с Хардвиком ранее не вызывали никаких подозрений. Только сейчас Агентство сосредоточилось на мрачном начале Холлоуэя и его загадочно быстром восхождении в стратосферу британского общества. В тот момент, когда Холлоуэя доставят на самолет для перевозки в место содержания под стражей в Марокко для допроса, русские узнают, что их "крота" разоблачили. Они предположат, что утечка произошла от кого-то из окружения Хардвика.

Хардвику не потребуется много времени, чтобы понять, что это я его предала.

Сейчас я должна быть в самолете, направляясь куда-нибудь, где Хардвик и русские не смогут меня найти. Мой самый безопасный способ действий — исчезнуть, но это означало бы оставить Дэнни разбираться с последствиями, а этого я сделать не могу.

Поэтому я просто жду.

На улице почти стемнело, когда я наконец слышу, как его ключ-карта открывает дверь. Он заходит в нашу комнату и ставит свою медицинскую сумку на комод. По одному только его молчанию я понимаю, что что-то не так. Что-то изменилось.

— Где ты был? — спрашиваю я.

— Мне нужно было навестить пациента.

— С Хардвиком сейчас все в порядке?

— Я навещал не Хардвика, а кое кого другого.

— У тебя есть еще один пациент на острове?

— Она живет здесь, на борту яхты, и ей понадобилась медицинская помощь. Мистер Хардвик попросил меня заехать к ней.

— На яхте? И как там?

— Тебя это действительно интересует?

— Мне просто любопытно. Я никогда не была на...

— Она у тебя, Мэгги? — тихо спрашивает он.

— У меня что?

— Флэшка.

Мое сердце пропустило несколько ударов, я не знаю, что ему ответить. — О чем ты говоришь? — наконец спрашиваю я.

— Из компьютера Хардвика пропала флэшка. В ней содержится строго конфиденциальная финансовая информация. Кит и Виктор прямо сейчас разбирают номер на части, пытаясь ее найти.

— Почему ты спрашиваешь меня?

— Потому что ты была там, в комнате. Потому что я видел тебя за его компьютером.

— Как ты мог...

— В его спальне есть зеркало. Пока мы снимали его с носилок, я случайно взглянул на него и увидел тебя в соседней комнате. Я видел тебя за его компьютером, но тогда не придавал этому значения. Потом я услышал, что они ищут флэшку, и понял. Я понял, что это могла быть ты. — Он вздыхает, и в его голосе слышится глубокое изнеможение. — Если она у тебя, я должен вернуть ее им, прежде чем они начнут задавать вопросы. Прежде чем они придут искать тебя.

Мои ноги подкашиваются, и я опускаюсь на стул. — Ты сказал им, что видел меня? —

тихо спрашиваю я.

— Я не сказал им ни слова. Пожалуйста, позволь мне позаботиться об этом. Пока не стало слишком поздно.

Я смотрю в глаза своему мужу. Я верю, что он любит меня, что он женился на мне, потому что хотел прожить со мной жизнь. Но если я ошибаюсь, и на самом деле он предан Филиппу Хардвику, то мое следующее действие может стоить мне жизни.

Я достаю из кармана флэш-накопитель и кладу его ему в руку.

— Спасибо, — говорит он и поворачивается, чтобы уйти.

— Что ты собираешься делать?

— Не знаю. Подброшу его ему в карман или, может быть, запну под кровать. Его припадки всегда на некоторое время сбивают его с толку, так что, возможно, они поверят, что это просто постиктальная амнезия. Они подумают, что он сам вынул его и забыл, что сделал это.

— Значит, ты ничего им не скажешь обо мне?

— Нет. — Он останавливается у двери. — Но когда я вернусь, мы поговорим. И на этот раз ты расскажешь мне все.

После того, как он уходит, я сижу на стуле не шевелясь. Сейчас самое время бежать, пока он не вернулся, пока он не сказал Хардвику, что это я предала его, но я, кажется, не могу пошевелиться. Я прикована к своему стулу, неподвижна, как заключенный, пристегнутый ремнями для казни. Мне все равно, если кто-нибудь пустит мне пулю в лоб, потому что это означало бы, что Дэнни предал меня, и это было бы равносильно смерти само по себе.

Снаружи опускается ночь, но я не включаю свет. Я слышу смех и музыку из ресторана внизу, и мне интересно, вернется ли Дэнни когда-нибудь. Я беспокоюсь, что он тоже в опасности, потому что женат на мне. К настоящему времени команда Дианы провела обыск в "Ненасытном", и сэр Алан Холлоуэй находится под стражей вместе со своей компаньонкой, чья пожизненная потребность в необычном наркотике привела нас к нему.

Убирайся. Пакуй свои чемоданы и убирайся с Мальты сейчас же! Это то, о чем кричит мне каждый инстинкт, но я все еще сижу на своем стуле, когда дверь открывается и Дэнни входит в неосвещенную комнату. Он закрывает дверь и стоит в темноте.

— Мэгги? — окликает он.

— Я здесь, — говорю я.

Он не включает свет. Возможно, ему невыносимо смотреть на меня. — Я обо всем позаботился, — говорит он. — Мне удалось подложить флэшку ему в карман. Они решат, что он просто забыл об этом.

— Значит, теперь все в порядке. Все кончено?

— Что касается этого... — Он всего лишь силуэт в тени, стоящий на полпути через комнату от меня, как будто боится подойти ближе. Боится, что я наброшусь на него с выпущенными когтями. — ... я долго гулял, — сказал он. — Мне нужно было подготовиться к тому, что ты собираешься мне сказать.

— Ты готов это услышать?

— Не совсем. Потому что я предполагаю, что ничего хорошего из этого не выйдет.

— Садись, — говорю я. — Прощу тебя, милый.

— Все настолько плохо, да?

— Боюсь, что так оно и есть.

Вздыхнув, он садится на кровать. — Пока это правда.

В темноте я рассказываю ему все. Я не смогу вынести, если он увидит мое лицо, когда я раскрою всю ложь, которую наговорила ему, ложь о том, кто я на самом деле и на кого работаю. С каждым новым секретом, который я раскрываю, я чувствую, что мало-помалу сбрасываю груз обмана, который так долго тяготил меня. Я рассказываю ему, зачем нам понадобилась информация о Филиппе Хардвике и все причины, по которым он опасен. Я рассказываю ему о Стивене Моссе, которого я нашла задушенным в конюшне Хардвика. Я рассказываю ему о других несчастных людях, которые работали на Хардвика, и о том, как он справлялся с их ненадежностью: с помощью пуль, или выброса из окна, или кремации заживо.

Я рассказываю ему о Сирано, чью яхту Дэнни посетил только сегодня днем.

— Это монстры, Дэнни. Они разжигают ненависть и вооружают повстанцев. Они наживаются на крови невинных мужчин, женщин и детей по всему миру, продавая нелегальные кассетные бомбы, белый фосфор, нервно-паралитический газ — все, что требует рынок, тому, у кого есть наличные. Ты врач, потому что веришь в спасение жизней, и я тоже. Вот почему я занимаюсь этой работой, потому что верю, что помогаю сохранить мир в безопасности. Я также верю, что иногда цель оправдывает средства. Вот почему мне нужно было сблизиться с Филиппом Хардвиком. Вот почему я должна была наладить связь с Беллой и проникнуть в семью. Вот почему мне пришлось украсть эту флешку. Нам нужно было знать, откуда берутся его деньги и куда они идут, потому что это поможет нам выявить и уничтожить других монстров в этой военной машине. Я сделала это ради благого дела.

— И для этого ты использовала меня.

— Мне нужно было проникнуть в файлы пациентов Галена.

— Так вот почему ты вышла за меня замуж? Чтобы добраться до этих файлов?

— Я вышла за тебя замуж, потому что люблю тебя.

— Откуда мне знать, правда ли это?

— Ты не можешь этого знать. Все, что я могу сделать: повторять это каждый день, до конца наших жизней. Я люблю тебя.

— До конца наших жизней. — Он произносит эти слова так, словно декламирует их на иностранном языке. — Ты действительно думаешь, что так все и будет, ты и я вместе, пока смерть не разлучит нас?

— Это то, чего я хочу, Дэнни. Вот почему я делюсь с тобой всем этим. Это подробности, которые я не должна раскрывать ни одной живой душе, но я рассказываю тебе, потому что люблю тебя. Я выбираю доверять тебе. Пожалуйста, если ты только сможешь найти в себе силы довериться мне.

Он тяжело вздыхает. — Я не знаю.

Мы сидим в темноте, некоторое время не разговаривая. После всего, что произошло между нами, после всей лжи, “я не знаю” — это лучшее, на что я могла рассчитывать. Неопределенность означает, что есть шанс, что он простит меня, шанс, что наш брак сохранится.

Но сначала он должен пережить эту ночь.

Хотя в ту ночь мы спали в одной постели, мы не прикасались друг к другу. Мы лежим бок о бок, и ни один из нас не может заснуть, а часы тянутся. Пока за окном светлеет небо.

На рассвете он вылезает из постели и одевается. Когда я слышу, как он застегивает молнию на своем чемодане, я сажусь.

— Мне тоже нужно собрать вещи, — говорю я.

— Нет. — Он садится на кровать рядом со мной. — Ты отсаешься здесь, Мэгги. Я возвращаюсь в Лондон один.

— Что? Почему?

— Будет безопаснее, если ты будешь держаться подальше от Хардвика. Я не хочу, чтобы ты приближалась к нему.

— Но что ты ему скажешь? Что ты скажешь Белле?

— Что ты захотела остаться на острове еще на несколько дней.

— А как насчет тебя?

— Я должен лететь обратно вместе с ним. Он полагается на меня, и я не могу сейчас отступить.

— Нет, Дэнни! Давай полетим куда-нибудь еще, ты и я. Мы можем прыгнуть в самолет, улететь туда, где он не сможет нас найти.

— Я должен это сделать, Мэгги.

— Только потому, что он этого от тебя ожидает?

— Потому что мне нужно время чтобы отдохнуть. От тебя.

Я пристально смотрю на него. В лучах утреннего солнца я с поразительной ясностью вижу, как изменилось его лицо с тех пор, как мы встретились в Бангкоке много лет назад. Я вижу больше седых волос, больше усталости в его глазах. Даже сейчас, когда я чувствую, что он ускользает, я люблю его больше, чем когда-либо могла подумать, что смогу кого-то так полюбить.

— Как долго? — тихо спрашиваю я.

— Я не знаю. Мне нужно время, чтобы подумать. Пришла пора решить, как нам действовать дальше.

Он употребил слово "нам". Это что-то значит, не так ли, что он выбрал множественное число?

Он наклоняется вперед и нежно целует меня в лоб. Я не верю, что это прощальный поцелуй. Я отказываюсь в это верить. — Я тебе позвоню. Обещаю, — говорит он. — Может быть, не сегодня, но когда я буду готов, — позвоню.

Когда он выходит из комнаты, я остаюсь лежать, съежившись, в постели, хотя на самом деле мне хочется собрать сумку и бежать за ним в аэропорт, где нас ждет самолет Хардвика. Что мог бы возразить Дэнни, если бы я просто села на этот самолет и полетела обратно в Лондон вместе с ними?

Или я могла бы сделать то, о чем он меня попросил. Я могла бы дать ему время и пространство, необходимые для принятия решения, и верить, что наша любовь переживет это.

Я касаюсь своего лба, куда он поцеловал меня, наслаждаясь воспоминанием о его губах на моей коже. Он целовал меня так много раз до этого, но это воспоминание осталось надолго. Воспоминание, за которое я должна буду держаться, потому что это последний поцелуй, который он мне подарил.

Три часа спустя самолет Филиппа Хардвика взорвался над морем.

Глава 26

Джо

Сейчас

Офис агентства недвижимости "Бетти Джонс" располагался в том же опрятном белом коттедже, где и всегда, и был одним из немногих предприятий на Мейн-стрит, сохранившихся со времен детства Джо. Она помнила, как поднималась по этим же ступенькам крыльца, помнила, как звякнул тот же колокольчик на двери, когда она открылась, — мелочи, которые никогда не менялись. На протяжении многих лет Джо и ее отец пользовались услугами Бетти Джонс, чтобы продать дом ее прадеда и ферму ее двоюродной бабушки, приобрести бунгало Джо с двумя спальнями и палаточный лагерь ее отца на Хоббс-Понд. Если где-нибудь в деревне Пьюрити за последние сорок пять лет собственность переходила из рук в руки, то условия, вероятно, были согласованы Бетти Джонс, которая отказалась уйти в отставку и, вероятно, умрет с книгой MLS, зажатой в кулаке. (MLS — аббревиатура от английского термина Multiple Listing Service, что в переводе означает «система множественного списка объявлений»). Это база данных, которую используют риэлторские агентства для обмена информацией об имеющихся на рынке жилых объектах)

Услышав звонок в дверь, Бетти подняла голову от своего стола. Даже в семьдесят четыре года она по-прежнему красила волосы в черный как смоль цвет, по-прежнему носила блейзер и белую блузку со стоячим воротничком, и в ее глазах по-прежнему был нетерпеливый блеск продавщицы. — Привет, Джо! — сказала она. — На улице не потеплело?

— Пока нет.

— Люди говорят, что весна будет ранней.

— Люди много чего говорят.

— Как продвигается ремонт кухни у твоего отца?

— Вы слышали об этом?

— В хозяйственном магазине. Пит говорит, твой папа купил одну из этих новомодных индукционных плит. Ты знаешь, ремонт кухни обычно окупается сам по себе, когда приходит время продавать, но не все готовы отказаться от пропана. Оуэну следовало бы подумать об этом.

— Папа не планирует продавать дом в ближайшее время, но если он это сделает, я уверена, что ты подготовишь документы. Послушай, Бетти, я тут подумала о...

— О своем брате? Финн все еще работает на севере страны?

Джо помедлила, чтобы перевести дыхание. Светская беседа перед серьезным разговором — вот что всегда говорил ей отец, пытаясь обуздать склонность Джо сразу переходить к делу. Она никогда не была из тех, кто задерживается на улице, чтобы поболтать с соседями, и знала, что часто это истолковывается людьми как недружелюбие, хотя на самом деле, по сравнению со всеми остальными, ей просто нечего было сказать. Однако, что касается ее брата Финна, то у нее действительно были новости, которыми она могла поделиться.

— У него выдалась очень тяжелая неделя. В этом году лед намного тоньше, и ребенок на снегоходе, провалился под лед на одном из прудов. Службе охраны пришлось провести поисковую экспедицию, и Финн спустился вниз, чтобы поднять тело.

Бетти покачала головой. — Какой ужас.

— Это его работа".

— Ну, ты передай ему привет от Бетти. И когда он будет готов купить дом, у меня есть для него хорошие предложения.

Пауза. *Хватит обязательной светской беседы*, — подумала Джо. — Бетти, я тут подумала, не могла бы ты мне кое с чем помочь.

— О, ты ищешь новое жилье? Твое бунгало уже кажется тебе слишком тесным?

— Нет, я просто хочу узнать о новых людях в городе. Наверное, это вы продали им дома.

— Вероятно, так и было. Кто они?

— Мэгги Берд, например.

— Ах, да. Она купила старое поместье Лилиан, ферму Блэкберри. Это была действительно удачная сделка.

— А как насчет Деклана Роуза? Бена Даймонда? Ингрид и Ллойда Слокумов.

Бетти улыбнулась. — О, всем им продала дома я.

— Что вы можете мне о них рассказать?

— Ну, я продала дом на Мейпл-стрит мистеру и миссис Даймонд, около десяти лет назад. Бедняжка, она умерла год спустя. Инсульт, по-моему. Потом я продала дом на Честнат-стрит Слокумам. Они друзья Бена Даймонда, и когда они приехали сюда навестить его, им так понравился город, что они тоже решили остаться здесь. Потом их друг мистер Роуз приехал сюда и купил дом того старого морского капитана, прямо на воде. Он был в плохом состоянии, нуждался в серьезном ремонте, но в нем сохранилась вся оригинальная деревянная отделка. Я слышала, он все очень хорошо отремонтировал.

— Значит, все они знали друг друга до того, как переехали сюда?

— Я думаю, что да. Старые друзья из Вирджинии.

— Могу я взглянуть на их договоры купли-продажи?

Бетти нахмурилась. — Подожди, Джо, это что, какое-то полицейское дело? Что они натворили?

— Ничего. Я просто хотела бы получить небольшую справку. Ну, знаете, чтобы познакомиться с нашими новыми жильцами.

— Ну, они все пенсионеры. А мистеру Даймонду, ему должно быть по меньшей мере семьдесят лет. Я не могу себе представить, что у них могут быть какие-то неприятности с законом.

— У них нет неприятностей. Поверь мне.

Секунду Бетти смотрела на нее, взвешивая конфиденциальность клиента против своего давнего знакомства с семьей Джо. В маленьком городке узнаешь, каким людям можно доверять, а каким нет, и семья Тибодо, пустившая здесь корни несколько поколений назад, никогда не давала ей повода сомневаться в них.

— Хорошо, я сделаю тебе копии, — сказала Бетти.

В тот вечер Джо вынула из морозилки остатки мясного рулета и достала немного вялой моркови и картофеля, который уже начинал прорастать. Картофель, наверное, все еще съедобен?! Надо бы поискать об этом в Интернете или спросить отца. Ее отец был учителем биологии в старшей школе, а теперь на пенсии, и он почти наверняка знал ответ, но сегодня вечером он был в Гринвилле в гостях у Финна, и вообще, насколько ядовитой может быть зеленая картошка? Она очистила и нарезала картофель, и пока он тушился в воде на плите, села за кухонный стол, чтобы ознакомиться с копиями файлов из офиса Бетти.

В договорах купли-продажи недвижимости содержалось не так уж много личной информации. Большая часть подробностей касалась самих приобретенных объектов недвижимости: местоположение, когда они были построены, сколько земли, какие транспортные средства были включены. Там не было ничего о предыдущем месте работы

покупателей, но она узнала, что все их предыдущие адреса находились в одном и том же географическом районе в Вирджинии: Маклин (семья Слокумов), Фоллс-Черч (Бен Даймонд) и Рестон (Мэгги Берд и Деклан Роуз). Вероятно, именно так они и узнали друг друга, поскольку жили поблизости. Все они купили свои дома в штате Мэн за наличные; никто из них не нуждался в ипотеке, что, хотя и необычно, но не удивительно. По сравнению с Вирджинией, недвижимость в сельской местности штата Мэн была дешевой, и денег от продажи дома в Маклине, с лихвой хватило бы, чтобы купить дом за наличные в деревне Пьюрити.

До сих пор она мало что знала об этой необычной группе пенсионеров. Она также мало что узнала о них в социальных сетях, поскольку ни одного из них, похоже, не было ни в Facebook, ни в Twitter, ни в Instagram — по крайней мере, не под своими именами. Однако поиск в Google выдал несколько ссылок. Деклан Роуз действительно был профессором истории, как он и говорил, и его имя значилось в старом списке преподавателей колледжа в Восточной Европе. Остальные появились в Интернете только в недавней статье местной газете, где они упоминались как спонсоры городской библиотеки Пьюрити. До переезда в Мэн они были невидимками.

Джо снова посмотрела на договоры купли-продажи. Что общего было у профессора истории, продавца гостиничного оборудования, секретаря, таможенного брокера и государственного аналитика?

Аналитик. Она вспомнила, что сказал Ллойд Слокум о своей работе аналитиком: *Я целыми днями просиживал за столом. Собирал информацию и обрабатывал данные для правительства. Ничего особенно интересного.*

Правительственный аналитик, живший в Маклине, Вирджиния.

Внезапно Джо отодвинула стул, чуть не отдавив лапу собаке. Люси испуганно вскрикнула. — Какая же я идиотка, — сказала она собаке. Она выключила плиту и сняла с крючка куртку. — Пошли, Люси. Давай немного прокатимся.

Дверь открыл Ллойд Слокум в фартуке и прихватке для духовки. С крыльца Джо почувствовала запах жареного в духовке мяса. Даже Люси, сидевшая в припаркованной машине Джо, почувствовала аппетитный аромат и голодно заскулила.

— Приветствую, шеф Тибодо, — сказал Ллойд. — Могу я чем-нибудь помочь?

— Можно мне войти?

— Конечно, конечно. Вы меня простите, но я пока отвлекусь на свое ризотто. Оно, знаете ли, требует постоянного внимания. — Он жестом пригласил ее в дом, а затем сразу же направился на кухню. Она последовала за ним и наблюдала, как он направился прямо к плите, чтобы размешать в кастрюле варящийся рис. Жаль, что у нее дома не было мужчины, который готовил бы для нее. Она подумала о своем сегодняшнем ужине, об этом жалком куске замороженного мясного рулета и зеленой, возможно, ядовитой картошке, и с завистью посмотрела на свеженарезанную зелень на разделочной доске и молодые листья салата в салатнице. Она знала, что ей следует есть больше салатов, но она неизбежно забывала о листьях салата, которые лежали у нее в холодильнике, пока они не превращались в слизь.

— А где же ваша банда сегодня вечером? — спросила она.

— Моя банда?

— Мистер Роуз, мистер Даймонд, Мэгги Берд. Как вы себя называете? Клуб Мартини?

— Я им не надзиратель. Вы пробовали постучать в их двери?

— Никого из них нет дома. Мне кажется, они все сбежали из города. Не знаете, куда они делись?

Ллойд лишь продолжал помешивать ризотто, не обращая внимания на ее вопросы. — Как я уже сказал, я им не надзиратель.

— Вы, по крайней мере, знаете, где ваша жена?

— Ингрид наверху, ковыряется в компьютере.

— Я полагаю, она знает толк в таких вещах.

— Повсюду ковыряться? О да.

— И вы, должно быть, тоже, Мистер Аналитик. Вы работали на ЦРУ, а?

Ллойд просто продолжал помешивать в кастрюле, как будто не слышал ее. Ей бы очень не хотелось допрашивать этого человека о преступлении, потому что из этого у нее, скорее всего, ничего не выйдет.

— Ну? — сказала Джо. — Это правда, не так ли?

— Разве я это отрицал?"

— Вы никогда не признавались в этом. Это что, какая-то сверхсекретная штука? Вам нельзя рассказывать правду?

— Можно, но я предпочитаю этого не делать. Поскольку вы служитель закона, да, я признаю, что работал аналитиком в Центральном разведывательном управлении. Это может звучать так, будто я был кем-то вроде Джеймса Бонда, но на самом деле я просто целыми днями сидел за столом. Выпил много кофе, побывал на множестве встреч.

— А ваша жена, секретарь?

Это заставило его на мгновение остановиться. — Она была очень хорошим секретарем.

— А кем еще она была?

— Спросите об этом Ингрид.

— Если она скажет мне правду, ей придется убить меня?

Ллойд устало вздохнул. — Эту шутку я никогда не считал смешной.

Зазвенел кухонный таймер. Ллойд открыл духовку, выпустив божественный аромат жареной свинины. Он снял сковороду и поставил ее на плиту, и Джо уставилась на хрустящую кожицу, блестящую от жира. Господи, где бы она могла найти мужа, который умел бы так готовить?

— Это все, что вы хотели спросить, шеф Тибодо?

— Ваши друзья. Остальные члены банды. Они тоже были из ЦРУ?

— Почему вы спрашиваете об этом?

— Я думаю, это имеет отношение к нападению на Мэгги Берд.

Он вернулся к помешиванию ризотто, не глядя на нее. Несколько секунд его деревянная ложка чертила круги в кастрюле. — Я поговорю об этом с, *гм, бандой*, — наконец сказал он.

— Где они сейчас находятся?

— Я не имею права это разглашать.

— Значит, вы все-таки знаете.

— Возможно.

— Но вы мне не расскажете.

Он положил ложку и повернулся к ней лицом. Возможно, на нем был фартук. Возможно, он был забрызган свиным жиром и достаточно стар, чтобы годиться ей в отцы, но из-за этих свиных очков на нее смотрели глаза человека, с которым она не захотела бы поспорить. — Я расскажу вам то, что вам нужно знать, когда вам это будет нужно, шеф

Тибодо. Есть дополнительная информация, которую моя банда все еще собирает. Это потребует времени и некоторых раскопок, но как только у нас будет более четкая картина, мы поделимся ею с вами, если сочтем нужным.

— Сочтете нужным?

— Из вежливости. Нам очень нравится быть полезными, — сказал он. Улыбка вернулась на его лицо, но он ясно дал понять, что больше она от него ничего не добьется.

Меня перехитрила кучка стариков, — думала она по дороге домой.

Ну, может быть, они и непростые старики. И, если подумать, они были не такими уж и старыми. Она подумала о своем дедушке, который в возрасте восьмидесяти восьми лет все еще сам рубил дрова, и о своем отце, которому сейчас шестьдесят семь, который все еще мог взобраться на гору Тамблдаун, не останавливаясь, чтобы перевести дыхание. Ингрид и Ллойд Слокумам было уже за семьдесят, но они, казалось, все еще были на пике своей формы. В этих копнах серебристых волос, должно быть, спрятана целая сокровищница секретов, которыми они не собирались с ней делиться.

Во всяком случае, пока.

Глава 27

Мэгги

Бангкок, сейчас

За мной следят.

Я чувствую взгляды преследователей на своей спине, пока пробираюсь по рынку Ван Ланг, время от времени останавливаясь, чтобы осмотреть товары торговцев. В ларьке, где продаются шелковые шарфы, я рассматриваю калейдоскоп цветов, каждый шарф завернут в мятый целлофан. Женщина, продающая их, выглядит древней, у нее отсутствуют два передних зуба, и кожа словно дубленая, но глаза у нее яркие и настороженные, когда она наблюдает, как я рассматриваю ее товар. На самом деле я не хочу покупать шарф, так как у меня дома в шкафу уже припрятана дюжина таких шарфов, готовых к раздаче в качестве подарков на случай дня рождения, о котором я позабыла, но я все равно покупаю еще один, в спокойных оттенках серого. Я предпочитаю именно этот цвет, потому что он неприметный. Я снижаю цену до шестисот бат и ухожу с моей новой покупкой, лежащей в пластиковом пакете, свисающим с моего запястья. Я никуда не тороплюсь, просто еще один турист в отпуске, и нас таких сегодня много, прогуливающихся по рынку в туристической одежде: сандалиях и шортах-карго. Эти молодые туристы выше, чем я помню. Или это я усохла с годами, когда мои волосы завьюжило сединой, а суставы одеревенели? Конечно, я не так привлекаю внимание, как эти гладкокожие молодые люди. Когда-то мне приходилось маскироваться, чтобы раствориться в толпе; теперь это вообще не требует усилий, потому что я действительно невидима.

Для всех, кроме двух мужчин, которые сейчас следуют за мной.

Я не пытаюсь стряхнуть их и прогуливаюсь по рынку. Всегда лучше выглядеть беспечной, потому что, как только хвост поймет, что его обнаружили, условия игры меняются. Играть становится намного сложнее.

Я дохожу до той части рынка, где стоят тележки с едой, и замедляю ход, но не потому, что это часть игры в кошки-мышки, а потому, что именно здесь я повстречала Дэнни. Даже спустя все эти годы место осталось почти таким же, даже запахи, доносящиеся от тележек. Я вдыхаю ароматы аниса и корицы, базилика и кинзы и вижу, как он снова стоит здесь со

своим драным рюкзаком и футболке с насмешливой тайской надписью. И его улыбка; никто не улыбался мне так, как Дэнни, и она пленяла меня. Я смотрю на маленькие пластиковые столики, за которыми мы сидели вместе, прихлебывая суп с лапшой, и внезапно меня захлестывает горе; его приливная волна настолько мощная, что я едва удерживаюсь на ногах.

Рынок превращается в размытое пятно кружащихся цветов с вкраплениями сусального золота. Голоса сливаются в отдаленный гул. Я больше не обращаю внимания на окружающих меня людей, и мне все равно, следят ли за мной. Мне даже все равно, если кто-нибудь протащит меня через дверной проем и пустит пулю мне в голову. Если я сейчас умру, то моим последним воспоминанием будет лицо Дэнни.

Мне не следовало приходить на этот рынок. Мне не следовало вызывать призраков.

Воздух слишком спертый, слишком плотный, ядовитое облако пара, пота и специй. Я отворачиваюсь от продуктовых ларьков и вслепую направляюсь по переулку, пока не оказываюсь перед витриной магазина. Внутри я вижу платья, шелковые изделия, выставленные на безголовых манекенах. Я делаю несколько глубоких вдохов и проглатываю слезы, глядя на витрину, как будто люблюсь платьями внутри. Я вижу свое собственное отражение, и мне больно видеть свое лицо таким, какое оно есть сейчас. Если бы в мире не было зеркал, мы могли бы представить себя застывшими во времени, наши лица на десятилетия моложе, чем есть на самом деле, но эта витрина разрушила мои иллюзии. Мне шестьдесят лет, и я вижу каждое из этих лет в своем отражении. Я также вижу двух мужчин, которые следили за мной с тех пор, как я вышла из отеля. Один мужчина стоит рядом с тележкой с мороженым; другой делает вид, что рассматривает подборку фигурок животных, сделанных из скрученной веревки. Ни один из них не смотрит в мою сторону, но я знаю, что на самом деле их внимание сосредоточено на мне, и я благодарна за это внимание.

Наконец Бен встречает мой взгляд в витрине, и пожимает плечами. Его лицо покраснелось, а бритая голова блестит от пота. Дома, в штате Мэн, сегодня максимум двадцать два градуса, и никто из нас — ни Бен, ни Деклан, ни я — еще не привыкли к бангкокской жаре. Когда мы были моложе, мы могли перескакивать из одного часового пояса в другой, выпрыгивать из самолета, напиваться в баре, а на следующее утро быть готовыми к битве. Те дни прошли, и я вижу усталость на лицах Бена и Деклана. Нет ничего печальнее, чем три старых шпиона, пытающихся доказать, что они все еще могут бежать впереди паровоза.

Я качаю головой, показывая, что пора возвращаться. Жара и смена часовых поясов на этот раз победили нас, но, по крайней мере, в этой маленькой прогулке на рынок мы кое-чему научились: никто больше за мной не следит. Бен и Деклан плетутся немного позади, и я веду их обратно в отель, чтобы мы все могли вздремнуть.

Когда опускается темнота, у меня наконец-то получается стряхнуть с себя свою тропическую вялость и я выхожу на улицу, в бархатистую бангкокскую ночь. Я замечаю своих друзей на краю террасы отеля, они оба стоят у перил. Бен стоит спиной и смотрит на реку, его лысая голова слабо поблескивает в тени, в то время как Деклан смотрит в мою сторону, его поза обезоруживающе расслаблена, даже когда он наблюдает за террасой. Годы, проведенные на пенсии, не притупили их инстинктов. Они обеспечили обзор на 360 градусов, так что знают, что я иду, но никто не произносит ни слова, пока я не оказываюсь прямо рядом с ними.

Деклан поднимает свой бокал в знак приветствия. Я слышу позвякивание кубиков льда в его стакане и улавливаю цитрусовый аромат джина с тоником. — Хорошо вздремнула? —

спрашивает он.

— Да. Боже, я совсем забыла об этой чертовой жаре. Вам двоим удалось поспать?

Деклан хмыкает. — Мы стареем, Мэгс. Дневной сон теперь стал неотъемлемой частью нашей жизни.

— А это значит, — говорит Бен, поворачиваясь к нам лицом, — что мы должны идти в ногу со временем.

— Хватает и того, что мы еще можем ползать. — Деклан делает глоток своего джина с тоником, и звон кубиков льда, вместе с шумом реки, разбивающейся о берег, напоминают портал для путешествий во времени. Эти звуки возвращают меня прямиком в те ночи, когда задания приводили меня в этот город, и я стояла у этой же реки, вдыхая воздух, слегка отдающий дизельными выхлопами от лодок, снующих вдоль Чао Прайя. Если бы только этот же портал мог перенести и меня обратно в мое молодое тело, к той Мэгги, которой не нужен дневной сон, у которой не болит лодыжка после долгой ходьбы. Чьи волосы все еще темные и блестящие.

Бен прислоняется спиной к перилам, и огни проплывающего мимо туристического катера отражаются на его голове разноцветным сиянием. — Что ж, похоже, наша траловая сеть оказалась пустой.

— Это всего лишь первый день, — говорит Деклан. — Возможно, мы обнаружим их завтра.

— Или это может оказаться пустой тратой вашего времени, — говорю я. — Может быть, я больше не мишень. Или они отказались от попыток выследить меня. Дальше я могу действовать сама, так что вам двоим лучше просто уехать домой. Или проведите выходные на пляже В Пхукете. Переживите заново свою растрченную молодость.

Бен фыркает. — Это не то же самое, когда единственные женщины, которые будут засматриваться на нас, — это бабушки.

— В бабушкином внимании нет ничего зазорного.

— Мы не собираемся оставлять тебя одну, — говорит Деклан. — Нет, пока мы не поймем, что происходит.

— Это не ваша битва, ребята. А моя.

— Что делает её и нашей.

— Мы больше не мушкетеры. Прошу вас. Езжайте домой.

— Господи, Мэгги! — восклицает Деклан. — Что нужно сделать, чтобы убедить тебя, что мы здесь надолго? Мы всегда прикрывали друг друга. Даже когда жили на противоположных концах земли, мы знали, что можем рассчитывать друг на друга. — Деклан смотрит мне в глаза. — С тех пор ничего не изменилось.

— Я просто не хочу, чтобы вы пострадали.

— Так расскажи нам подробней, с чем мы имеем дело, — говорит Бен.

Мы стоим в темноте, лицом к лицу, трое старых друзей, которые действительно должны доверять друг другу, но достаточно опытные, чтобы этого не делать.

— Мне и самой хотелось бы знать ответы, — говорю я.

— Ты рассказывала нам о Мальте. Насчет Хардвика. Может ты что-то упустила?

— Вы знаете все, что знаю я.

— Мы знаем, что Диана Уорд исчезла, — говорит Бен. — Мы знаем, что кто-то хочет, чтобы ты нашла ее. И есть кто-то, кто *не* хочет, чтобы ты ее нашла, поэтому они послали мертвого двойника, чтобы остановить тебя.

— Это примерно подытоживает положение дел.

— Что все это значит? Кто эти разные фракции? Почему они ищут Диану, или в действительности им нужно что-то другое?

— Понятия не имею. — Я поворачиваюсь к реке и вздыхаю. — Это прямо как в старые, блядь, добрые времена.

Уже далеко за полночь, я выскользываю из отеля и кружным путем направляюсь к пирсу Сатхорн. На этот раз я одна, и я чувствую себя одновременно уязвимой и освобожденной, прогуливаясь в одиночестве. В этот поздний час на улицах шатаются лишь несколько туристов, большинство из которых навеселе. На почти пустынных улицах мне гораздо легче обнаружить "хвост", но я все равно выбираю зигзагообразный маршрут, вверх по одной улице и вниз по другой. Я останавливаюсь перед витриной магазина и изучаю отражение, чтобы оценить, кто стоит позади меня. Может, я и подзаржавела, но навыки никуда не делись, они настолько прочно въелись в мой мозг, что теперь превратились в запрограммированные рефлексы.

Никто за мной не следит.

Я украдкой спускаюсь к пирсу Сатхорн, где всегда можно взять напрокат длиннохвостую лодку. На воде покачивается всего с полдюжины судов, одни более ветхие, чем другие. Любой лодочник, разыскивающий пассажиров в такой поздний час, должно быть, действительно в нужде, и все водители с надеждой поднимают головы, когда я приближаюсь. Я выбираю лодку с самым отчаявшимся на вид водителем, похожим на труп мужчиной, которому должно лежать в хосписе, а не перевозить туристов вверх и вниз по реке. Сегодняшним вечером он заработает сумму, эквивалентную двум неделям перевозок.

Я поднимаюсь на его лодку, и он удивляется, когда я приветствую его по-тайски. Это еще один из моих подзабытых навыков, но словарный запас все еще там, покачивается в какой-то темной пещере моей памяти. Я не хочу, чтобы другие водители меня слышали, поэтому говорю тихо, указывая ему дорогу. Он кивает и заводит двухтактный двигатель. Это маленькое грязное чудовище, испускающее режущее глаза облако выхлопных газов, но оно, вероятно, прослужило ему полвека, и я уверена, что он знаком с каждым винтиком и поршнем.

Мы отправились вверх по реке, вода простиралась перед нами гладкой черной лентой. Мы проплываем мимо отелей, торговых центров и высотных зданий, современного фасада древнего города, чьим кровотоком является эта река, а также ее притоки и клонги. Мы направляемся к одному конкретному водному пути, в сторону города Тонбури. Мой водитель направляет свою лодку вниз по каналу к закрытому шлюзу, где мы — единственная лодка, и пока мы ждем, пока уровень воды упадет, я осматриваю оба берега, отмечая, что хижины по обе стороны темны. В этом преимущество ночного путешествия по воде. Любому, кто последует за мной, тоже придется плыть на лодке, а на этих крошечных каналах преследователю негде спрятаться.

Ворота шлюза открываются, и мы проходим внутрь.

Здесь, на клонгах, совсем другой мир. Когда мы плывем сквозь тени, я вижу силуэты банановых деревьев и пальм, часть пышных зарослей джунглей, которые кормят и дают приют тем, кто живет в хижинах, выстроившихся вдоль берегов. Наш двигатель — единственный, который я слышу, его мягкое "пут-пут" помогает нам пробираться сквозь мрак. С каждым поворотом канал становится уже, берега прижимаются все ближе и ближе. Мой водитель имеет лишь смутное представление о пункте назначения, и я бормочу, на

какие повороты свернуть и когда притормозить. Прошло так много лет с тех пор, как я плавала по этим водным путям, и инструкции, которые я получила по электронной почте, вряд ли помогут в этом темном мире. Правильно ли мы свернули? Не пропустили ли поворот?

Потом я вижу впереди, чуть правее: ярко-оранжевое сияние фонаря, стоящего на пирсе. Я указываю на него водителю.

Он подводит суденышко к освещенному фонарем пирсу и пришвартовывается. Я протягиваю ему толстую пачку наличных, затем выбираюсь из лодки и поднимаюсь по деревянной лестнице. Я не вижу лица водителя, но знаю, что он, должно быть, доволен тем, сколько я ему заплатила. Достаточно доволен, чтобы держать рот на замке. Когда он уезжает, я вижу, как он поднимает руку в знак прощания.

После того, как звук его двигателя затихает вдаль, я задерживаюсь на пирсе, вглядываясь в темноту и прислушиваясь к стрекотанию насекомых и отдаленному шуму бангкокского уличного движения. Даже здесь, на клонгах, этот звук неизбежен. Я всматриваюсь сквозь заросли кустарника и замечаю еще один оранжевый фонарь. Это маркер, указывающий путь.

Тропинка, по которой я иду, увита виноградными лозами, ниспадающими каскадом с нависающих ветвей деревьев. Только когда я добираюсь до второго фонаря, в поле зрения появляется дом, скрытый среди деревьев. Это красивое деревянное сооружение на сваях с традиционной тайской крутой крышей. В окне светятся огни. Он ждет меня.

У подножия лестницы я снова останавливаюсь, чтобы оглядеться. Здесь такие густые джунгли, что невозможно понять, скрывается ли кто-нибудь в этих тенях, но сейчас у меня нет выбора; я уже зашла слишком далеко. Я поднимаюсь по ступенькам к украшенной искусной резьбой двери, которая достаточно массивна, чтобы охранять жилище великанов, но когда она распахивается, тайская женщина, стоящая в дверном проеме, кажется маленькой, как ребенок. Я вижу серебристые пряди в ее волосах и понимаю, что она вовсе не ребенок, а женщина моего возраста, ее царственная осанка не согнута годами.

— Я Мэгги, — говорю я.

— Он ожидает вас. Входите.

Я вхожу в дом. Она запирает дверь на засов и молча идет впереди по полированному тиковому полу. Я смотрю на ее босые ноги и понимаю, что совершила грех западного человека, не сняв обувь внутри дома, но она ничего не говорит, пока мы проходим мимо пары резных деревянных слоников, мимо вазы с орхидеями дендробиум. Она открывает панельную дверь и жестом приглашает меня войти.

В соседней комнате я резко останавливаюсь, потрясенная тем, что вижу. Женщина уходит, закрывая дверь, чтобы оставить нас наедине, но я настолько ошеломлена, что не могу вымолвить ни слова. Мужчина, сидящий в инвалидном кресле, совсем не похож на того друга и коллегу, которого я помню. Это скелетообразная версия прежнего Гэвина, мышцы его лица настолько истощены, что вены выступают на висках, и извиваются словно синие черви. По выражению моего лица он видит, что я смятена и смиренно вздыхает.

— Старение — это не для слабаков, — говорит он. С возрастом его голос стал тонким и пронзительным. Или это болезнь лишила его силы?

— Эти годы были тяжелыми для нас обоих, — говорю я.

— По крайней мере, ты все еще на ногах. На самом деле, ты хорошо выглядишь, Мэгги.

Я едва ли могу ответить правдой: *а ты выглядишь так, словно тебя уже пригрела*

смерть. Он явно болен уже давно. В углу стоит больничная койка с электроприводом, а рядом я вижу небулайзер и кислородные баллоны. В дальнем углу находится центр связи, оснащенный портативным компьютером и множеством сотовых телефонов. Болезнь, возможно, физически заперла его в этом теле, но она не отрезала его от остального мира.

— Я не знала, — говорю я.

— О моих прискорбных обстоятельствах?

— Все, что я знала, это то, что ты ушел на пенсию и переехал в Бангкок.

— Это было хорошее решение, учитывая мое состояние. В этой стране отличные врачи, уровень медицинского обслуживания, который я никогда не смог бы себе позволить дома. И если мне понадобится какое-либо специальное оборудование или лекарства, я могу купить их на черном рынке. — Он кивает в сторону двери, которую тайка закрыла, чтобы обеспечить нам уединение. — Она прекрасно заботится обо мне. В отличие от моей жены Донны, которая подала на развод, как только я почувствовал первые судороги в ноге. Врачи назвали их "фасцикуляциями". Клинический термин, обозначающий то, что со мной происходило.

— Что с тобой случилось, Гэвин?

— Это амиотрофический латеральный склероз. К счастью для меня, это медленно прогрессирующая форма этого заболевания. Стивен Хокинг жил с этой болезнью десятилетиями, так что, возможно, у меня тоже получится. Тело, может, и разваливается на части, но, по крайней мере, мой мозг все еще работает на полную мощность.

Я оглядываю комнату и размышляю об иронии судьбы в том, что твой мир сжимается до этих четырех стен после того, как ты всю жизнь скитался по чужим городам, но Гэвин, похоже, приспособился к своим новым обстоятельствам. Даже перед лицом ужасных реалий люди остаются стойкими.

А лекарства всегда помогают.

— Я был удивлен, когда получил твое сообщение, — говорит он. — После того, что случилось на Мальте, я не думал, что ты когда-нибудь свяжешься со мной.

— Я тоже не думала.

— Как проходит выход на пенсию?

— Хорошо. Было хорошо... до последнего времени. На самом деле, я бы хотела сейчас быть дома и ухаживать за своими цыплятами.

— Господи, как низко мы оба пали.

— Я вовсе не считаю свою новую жизнь падением. Мне нравятся цыплята, чего я не могу сказать о людях, с которыми раньше работала.

— Включая меня?

— Не хочу выделять тебя, Гэвин. Так или иначе.

— У тебя есть полное право так думать. Мы не были приятной компанией, не так ли? И в отличие от кур, мы даже не могли производить яйца. — Он внезапно начинает кашлять, и я слышу клокотанье мокроты в его горле.

— Хочешь, чтобы я позвала ее на помощь? — спрашиваю я.

Он качает головой. Больно смотреть, как он хрипит, но наконец припадок проходит, и он в изнеможении откидывается на спинку инвалидного кресла. — Вот как это, вероятно, закончится для меня — пневмонией. Но не сейчас. — Он поднимает на меня глаза. — Мне так жаль, Мэгги, за то, что случилось. В течение многих лет я хотел сказать тебе это, но не знал, как это сделать. Чем ближе человек подходит к могиле, тем яснее все для него

становится, и я понимаю, почему ты вырезала нас из своей жизни. Я рад, что ты наконец-то связалась со мной.

— У меня не было выбора. Когда они пришли за мной в Мэн, мне пришлось это сделать.

— Кто пришел за тобой?

— Не знаю. Единственное, что я могу сказать, это то, что женщина по имени Бьянка появилась в моем доме и спросила, не знаю ли я, где Диана. Я предположила, что она из Агентства. Я сказала ей, что ничем не могу ей помочь, и отправила восвояси. Той ночью ее тело было выброшено на мою подъездную дорожку. Ее пытали и казнили двойным нажатием.

— Прекрасная визитная карточка. Кто ее прислал?

— Вероятно, тот же самый человек, который пытался прикончить меня двумя днями позже, когда я кормила своих цыплят. Если бы мой сосед не подоспел в нужное время, меня бы здесь не было. Но что вызывает у меня еще большее беспокойство: человек, которого они послали убить меня, — мертвый двойник, и у него были поддельные документы наивысшего качества.

— Господи. Он был одним из наших?

— Я не знаю. Вот почему я с тобой связалась.

— Но с чего ты взяла, что я что-то знаю об этом?

— Потому что незадолго до того, как она исчезла, Диану видели здесь, в Бангкоке. Я предположила, что она была здесь из-за тебя.

— Только потому, что я здесь живу?

— Брось, Гэвин! — огрызаюсь я. — Ты был там с нами, на Мальте.

— Как и другие. Потребовалась целая команда, чтобы вытащить Сирано с его яхты.

— Но ты был единственным, кто был с нами с самого начала. Ты, я и Диана. Лондонская прачечная самообслуживания занимала слишком высокое положение в пищевой цепочке, и Диана не доверяла британцам. Вот почему она сказала, что это должны быть только мы трое, и больше никто.

— Я корю себя за это.

— За что?

— За то, что остался в стороне, когда она втянула тебя в это дело. Когда я увидел, как она действует, я понял, что ей нельзя доверять. Но к тому времени было уже слишком поздно. Операция была похожа на неуправляемый поезд, и ей было все равно, кого она раздавит.

Какое-то мгновение он молчит, опустив голову и хрипло дыша. Затем разворачивает свое инвалидное кресло к ноутбуку и пробуждает его нажатием кнопки мыши. — Поскольку ты пытаешься найти ее, тебе захочется посмотреть, как она выглядит в наши дни.

— У тебя есть свежие фотографии?

— Изображение с видеозвонка на прошлой неделе. Я отказался встретиться с ней лично.

— Почему?

— Ты не питаешь к ней особых чувств. Что ж, я тоже. Я уволился из Агентства через два месяца после тебя, потому что Мальта отравила все. После того, как самолет разбился, мне было тяжело удержаться на плаву.

— Тебе тяжело? Я потеряла своего мужа в том самолете.

— И меня никогда не отпустит вина за невинно погибших. Твой муж. Дочь Хардвика.

Когда мы схватили Сирано, мы знали, что русские нанесут ответный удар. Мы должны были действовать немедленно, чтобы защитить людей, как только узнали о... — Он останавливается. Отводит взгляд.

— О чем?

Он не отвечает.

— Как только вы узнали о чем, Гэвин?

Неохотно он встречается со мной взглядом. — В ту ночь, когда мы захватили Алана Холлоуэя, как раз когда мы поднимались на борт его яхты, ему удалось отправить последнее сообщение своему куратору. Ответ Москвы, поступивший несколько минут спустя, был перехвачен SIGINT.”

— И каков был их ответ?”

— Родина благодарна тебе, товарищ. Предатель за все заплатит.

— Предатель, — тихо говорю я. *Предателем была я.*

— Они предположили, что Хардвик или кто-то из его окружения предал Холлоуэя. Бомба в том самолете была их мстью. Это также было посланием остальному миру о том, что любые действия против Москвы будут иметь быстрые и жестокие последствия.

— А Дэнни был всего лишь побочной помехой. Как Белла. И как пилоты. — Я делаю паузу, осмысливая то, что Гэвин только что сказал о сообщении из Москвы. — Ты сказал, что SIGINT перехватила ответ куратора несколько минут спустя.

— Да.

— Когда наша команда узнала об этом сообщении?

— Я узнал об этом несколько дней спустя, на разборе полетов. К тому времени вы уже уехали, вас отправили обратно в Вашингтон.

— А Диана? Когда она узнала?

Молчание.

— Гэвин?

Он вздыхает. — Диане сообщили об ответе Москвы около полуночи. Вскоре после того, как мы схватили Сирано.

— Полуночи? Это дало русским несколько часов на то, чтобы подложить бомбу в самолет Хардвика. Диана знала, что последует ответный удар. Почему она не предупредила меня? Почему она ничего не предприняла?

— Она *должна* была предупредить тебя. Она *должна* была найти способ помешать тебе с доктором Галлахером подняться на тот самолет, но она не хотела предупреждать Хардвика, что что-то не так. Поэтому она позволила этому самолету взлететь. Она решила, что выполнила свою миссию. Она поймала Сирано, и за это ее ласково погладили по головке. Но когда я узнал о перехвате SIGINT, мне аж тошно стало. И вскоре после этого я подал в отставку.

— Я никогда не знала. Ты никогда мне не говорил.

— Ты и так была опустошена, Мэгги. Это только сделало бы тебе еще больнее, узнай ты, что все могло быть иначе. Что мы *могли* не пустить доктора Галлахера в тот самолет.

— Но Диане было все равно, — тихо говорю я. — Ей было плевать.

— Вот почему, когда она попросила меня о помощи на прошлой неделе, я отказал. Ей это не понравилось. — Он нажимает на свой ноутбук, и на экране появляется изображение. — Ты можешь убедиться в этом сама.

Я смотрю на фотографию через его плечо. Это не та крутая и уверенная в себе

блондинка, которую я помню. Эта Диана Уорд выглядит голодной и затравленной, а ее глаза ввалились, как у черепа. Ее волосы теперь каштановые и подстрижены в неаккуратную прическу, которую она, вероятно, сделала сама.

— Она в ужасе. Это видно по ее лицу, — говорит он.

— Диана Уорд, которую мы знали, ничего не боялась.

— Очевидно, что все изменилось.

Я смотрю в лицо женщины, чьи амбиции втянули меня в операцию, которая привела к смерти Дэнни. Я не святая, и я не могу не испытывать праведного удовлетворения, видя, какая она изможденная. Я хочу, чтобы она страдала, и я последний человек на земле, который придет ей на помощь.

И все же я здесь.

— Она попросила меня найти место, где можно было бы затаиться на некоторое время, — говорит Гэвин. — Ей нужны были наличные, паспорта.

— Она вполне способна раздобыть это сама. Она знает, как выжить.

— Только не с этими людьми, которые охотятся за ней.

Я замечаю, что на его верхней губе блестит пот. — Ты тоже напуган.

— Так и есть. Несколько недель назад штаб связался со мной по поводу операции "Сирано". Они спросили меня, что я помню о Мальте, как был схвачен Сирано, и как проводилась операция.

— Почему сейчас, после стольких лет?

— Потому что это снова на повестке дня в Агентстве. Недавно к файлу Сиранс получила доступ неизвестная сторона, личность которой до сих пор не установлена. Они хотят знать, кто это сделал и почему.

— Русские, я полагаю.

— Да, это первое, что можно предположить, что Москва копается в том, как их "крот" был скомпрометирован. Это нарушение безопасности заставило Агентство по-другому взглянуть на то, как проводилась операция, и это заставило их по-другому взглянуть на покойного Филиппа Хардвика. Они обнаружили сюрприз. Его зарубежные счета — по крайней мере, те, о которых мы знали, — были опустошены. Сотни миллионов долларов, потраченных впустую в течение пяти лет.

— Они не знали об этом раньше?

— После того как Сирано был схвачен, а Хардвик погиб, дело было закрыто. Никто не следил за счетами год спустя, когда деньги начали исчезать.

— Я никогда не слышала об этом.

— "Потому что Агентство тебе не доверяет. Ты была так тесно связана с Хардвиком, что они обеспокоены тем, что тебя обратили. Что ты по-прежнему предана ему.

— Но он мертв.

— Именно так все и думали. Что Хардвик разлетелся на кусочки над Средиземным морем. Мы следили за последствиями, наблюдая за другими событиями. Конечно, была огласка. Британские таблоиды поместили информацию об авиакатастрофе на первых полосах своих газет. Фотографии леди Камиллы в черном, рыдающей на похоронах своей дочери. Депутаты парламента и аристократы отдают последние почести Хардвику. Затем шум, как это всегда и бывает, утих, и Агентство перешло к другим проблемам.

— До тех пор, пока недавно неизвестные лица не получили доступ к файлу "Сирано". Это нарушение безопасности вынудило Агентство еще раз взглянуть на смерть Хардвика.

Поскольку самолет упал на большую глубину, поднять его оттуда было затруднительно, и единственные два тела, которые они нашли, принадлежали Виктору Мартелю и одному из пилотов. Но никто не смог бы выжить в той катастрофе.

— Тогда кто опустошил счета Хардвика?

— Интересный вопрос, не правда ли? Для доступа к этим деньгам требовались пароли, которые были только у Хардвика. Что повышает вероятность того, что он никогда не сел на борт этого самолета. И он жив.

Комната внезапно покачивается у меня под ногами. Я отступаю на шаг. *Держи себя в руках.* — Если мы ошибались насчет него... если Хардвик жив... — На мгновение я не могу говорить, даже не могу сосредоточиться на Гэвине. Я потерялась в искривлении времени, меня засосало обратно в момент, который я вычеркнула из своей памяти. В тот самый момент, когда я узнала, что самолет взорвался.

— Если *его* не было в самолете, тогда Дэнни... он мог быть... — Я не осмеливаюсь произнести следующее слово, но мы оба знаем, что это я хочу сказать: *жив*.

Гэвин качает головой, но я уже чувствую, как внутри меня расцветает дикий и опасный цветок надежды. Я не могу позволить ему вырасти; я не вынесу, если его снова вырвут с корнем.

— Мэгги, — тихо говорит он, — мой тебе совет — забудь об этом разговоре и возвращайся домой. Возвращайся к своим цыплятам или кого ты там выращиваешь на своей ферме. Не утруждай себя попытками найти Диану. Просто оставь ее на съедение львам.

— А как же Дэнни? Что, если он...

— Прошло шестнадцать лет. Если бы он все еще был жив, тебе не кажется, что ты бы уже получила от него весточку?

— Но я должна знать правду!"

— Ты уже *знаешь* правду, Мэгги. В глубине души ты знаешь ее.

Я смотрю на него, вспоминая тот последний день на Мальте, когда Дэнни попрощался со мной. Вспоминая тот момент, когда я узнала, что самолет Хардвика разбился и что Дэнни мертв. Я почувствовала его смерть так же сильно, как физический удар в грудь, и это настолько ошеломило меня, что у меня сохранились лишь смутные воспоминания о том, что было дальше. Я знаю, что меня посадили на борт реактивного самолета и эвакуировали ради моей собственной безопасности. Я помню, что была ночь, когда я прибыла в Вашингтон, и я, убитая горем, брела сквозь туман к ожидавшей меня машине. Гэвин прав. В глубине души я знала, что Дэнни мертв, потому что чувствовала его отсутствие в мире, как черную пустоту, которая поглотила весь свет, всю радость.

Если бы *он* выжил, то стал бы искать меня. Я *знаю* это. И он бы меня нашел.

— Живи своей жизнью дальше, — тихо говорит Гэвин. — Езжай домой.

— Я не могу вернуться домой. Именно туда он придет искать меня. После того, что мы сделали с Беллой, Хардвик хотел бы нашей смерти. Он хотел бы, чтобы все мы умерли. — Я останавливаюсь, поднимая взгляд на настойчивый звуковой сигнал.

— Что-то сработало на моей охранный сигнализации по периметру, — говорит Гэвин.

Дверь открывается, и в комнату входит тайка. Она тихо разговаривает с Гэвином, который кивает и смотрит на меня. — Беспокоиться не о чем. Это прибыл мой курьер.

— Курьер? Посреди ночи?

— Это не тот товар, который можно доставить при свете дня. Мой человек очень нервничает в присутствии незнакомцев, поэтому, если не возражаешь, я попросил бы тебя

скрыться с глаз долой. Пока он не уйдет.

— Фармацевтические препараты.

— Черный рынок предоставляет все, что угодно, но здесь, если тебя поймают, наказание довольно суровое. Ты же не откажешь умирающему человеку в обезболивании, не так ли? Это не займет много времени. Я заплачу ему и отправлю восвояси.

Женщина пересекает комнату и открывает панель в стене, — место для хранения вещей. Я вхожу в шкаф, и женщина закрывает панель. Сквозь решетчатую фрамугу над головой пробивается свет, достаточный для того, чтобы я могла прочитать этикетки на коробках, которые сложены у моих ног. Медицинские принадлежности. На картонных коробках проставлено название местной больницы, из которой они, без сомнения, были доставлены. Для западного человека, у которого есть деньги, черный рынок действительно предоставляет все.

Смутно я слышу, как женщина разговаривает с курьером по-тайски. Ее голос становится ближе, когда она приводит его в комнату Гэвина, и в нем совсем нет тревоги. Посетитель отвечает ей, тоже по-тайски.

В комнате раздаются скрип ботинок, и я слышу, как Гэвин спрашивает по-английски: — Где Сомсак?

— Он не сможет прийти сегодня вечером. Но он просил меня передать вам вот это.

— Он должен сказать мне в следующий раз, когда в планах произойдут изменения. Я надеюсь, цена такая же, как та, о которой мы договаривались?

— Конечно.

— Дай-ка я посмотрю, что ты принес.

Я слышу хруст открываемой картонной коробки, затем пауза.

— Я не понимаю, — говорит Гэвин за мгновение до того, как я слышу глухой выстрел через глушитель.

Первая пуля пробивает стену моего укрытия, едва не задев мою правую руку. Вторая пуля проходит под углом вниз сквозь стену и просвистывает мимо моей лодыжки. Теперь две точки света проникают сквозь отверстия подобно лазерным лучам.

Я слышу, как женщина вскрикивает. У нее не остается времени даже заорать во всю глотку, она успевает лишь слабо пискнуть. Это единственный звук, который ей удастся издать, прежде чем третья, четвертая и пятая пули попадают в ее тело.

Глава 28

Я стою совершенно неподвижно, едва осмеливаясь дышать, зная, что один только скрип, единственный шорох могут выдать мое присутствие. Знает ли убийца об этом секретном шкафу для хранения вещей? Знает ли он, что в доме есть третий человек, все еще живой? И вот я здесь, безоружная и неспособная защитить себя. Не иметь "Вальтера" на бедре — все равно что лишиться конечности, но я приехала в Бангкок без него, потому что путешествовать с оружием в багаже — самый верный способ раскрыть свое прикрытие.

Шаги приближаются, останавливаются. Видит ли он щель в дверной панели? Замечает ли он, что пули пробили насквозь пустое пространство? Если бы я заглянула в одно из отверстий, то, возможно, смогла бы увидеть его, но я не осмеливаюсь пошевелиться, опасаясь, что издам предательский скрип. Сквозь стук моего собственного сердца я слышу, как убийца ходит кругами по комнате. Слышу шелканье компьютерных клавиш, когда он печатает на ноутбуке Гэвина. Он издает разочарованный стон. Он не может войти в него его

без пароля.

Я слышу, как захлопывается ноутбук и свистит кабель питания, скользящий по полу. Шаги удаляются и затихают в тишине.

Долгое время я вообще ничего не слышу, но все равно не осмеливаюсь издать ни звука. Я стою совершенно неподвижно, во мраке, пронзаемом этими двумя лазерными лучами света. Хороший охотник терпелив; может быть, он где-то в доме, ждет, когда появится его добыча? У меня болит спина и сводит икры от долгого стояния без движения. Я наклоняюсь к пулевому отверстию возле моей руки и вглядываюсь в него.

Я вижу кровь, взорвавшуюся комету, разбрызганную на противоположной стене. На полу под ней лежит тело тайской женщины, свернувшееся в позе эмбриона, словно защищая жизненно важные органы. Гэвина я не вижу.

Я сдвигаюсь вбок, пытаюсь охватить комнату более широким взглядом, и натываюсь на одну из коробок. Что-то с грохотом падает на пол, звук кажется оглушительным. Я опускаю взгляд на пластиковый шприц, который приземлился рядом с моей ногой. Такая мелочь. Такая смертоносная штука. Я жду возвращающихся шагов убийцы, когда панельная дверь откроется, раскрывая мое укрытие.

Все, что я слышу, — это тишина.

Трясущимися руками я тихонько приоткрываю панель, и вижу лужу крови у своих ног. Когда панель открывается шире, я вижу источник этой крови: Гэвин, завалившийся набок в своем инвалидном кресле. Его рот приоткрыт, как будто в вечном удивлении. Его ноутбук исчез, но больше ничего в комнате, похоже, не пропало.

— Мне жаль, Гэвин, — шепчу я.

Я не могу не наступить в кровь, когда пересекаю комнату. Мои ботинки оставляют след на полу, приближаясь к телу женщины. Оружие и камеры наблюдения не являются защитой от того, кому вы доверяете, и это было их ошибкой. Они думали, что знают, кого впустили в свой дом. Я перешагиваю через женщину и выхожу в коридор. В доме тишина. Мертвая. Я прохожу мимо вазы с дендробиумами, мимо резных слоников к входной двери.

Я выхожу наружу, в ночь, и вдыхаю запах влажной земли и гниющей растительности. Фонари все еще горят, направляя меня обратно к клонгу. Я крадусь по тропинке в джунглях к воде, и мой ботинок натывается на то, что сначала кажется мне корнем дерева.

Я смотрю вниз и вижу, что это вовсе не корень, а нога, протянутая поперек тропинки. В тенистом подлеске я едва различаю остальную часть тела мужчины, лежащего среди переплетения виноградных лоз, словно какая-то новая поросль, прорастающая из джунглей. Это, должно быть, Сомсак, курьер, которого ожидал Гэвин. Еще одна душа, потерянная на войне, в которой он не принимал участия.

Я перешагиваю через тело и иду вперед. Такова история моей жизни. Оставь мертвых позади и двигайся дальше.

На пристани нет пришвартованных лодок. Если убийца пришел по воде, то теперь он исчез. Интересно, сколько времени пройдет, прежде чем здесь обнаружат тела и вызовут полицию? Расскажет ли лодочник, который привез меня сюда, им о своей ночной пассажирке, щедрой белой женщине, которая заплатила ему наличными? Я обдумываю способы, которыми полиция могла бы меня выследить, но для них это будет нелегко. Я наняла лодку на пирсе далеко от моего отеля. В Бангкоке так много других белых туристов, и, за исключением щедрых чаевых, которые я ему дала, ничто во мне особенно не запомнилось. Теперь это одна из моих сверхспособностей; меня легко забыть.

Мне понадобится эта суперсила сегодня вечером, потому что до моего отеля предстоит долгая прогулка.

— Ты идиотка, Мэгги, — говорит Деклан.

Он стоит в моем гостиничном номере, отказываясь уходить, пока я снимаю свою грязную одежду. Я слишком стара чтобы скромничать, и вымотана так, что мне наплевать, что он смотрит, как я снимаю грязные ботинки и брюки и оставляю их в куче на полу. Мы с Декланом никогда не были любовниками, и он никогда не видел меня раздетой, но что тут скрывать, когда мое тело представляет собой дорожную карту боевых шрамов и солнечных ожогов? Сейчас я расстегиваю рубашку, а он все еще не уходит, не отворачивается, просто сердито смотрит на меня, пока я снимаю рубашку и бросаю ее в кучу, от которой разит грязью клонга.

— Мы с Беном потратили часы, разыскивая тебя, — говорит он.

— Вам нужно было поспать.

— Почему ты не отвечала на звонки?

— Я выключила телефон. Не хотела, чтобы меня выследили.

— Мы бы никогда не нашли твое тело, если бы...

— Я ведь вернулась, так о чем разговор?

Деклан оглядывает меня с ног до головы, затем отворачивается, как будто внезапно осознает, что перед ним стоит полуобнаженная женщина. Женщина, которая определенно выглядит измотанной после нескольких часов петляния по переулкам и плескания в каналах. Я не осмелилась нанять такси или лодочника, чтобы они отвезли меня обратно в отель, потому что они могли запомнить мое лицо и сообщить в полицию. Откуда мне было знать, что мои друзья постоянно звонят мне на телефон и то и дело стучат в дверь моего номера?

Теперь Деклан отказывается покинуть мою комнату, потому что я могу снова ускользнуть от них. Мы приехали в Бангкок командой, а я уже ушла в самоволку, ничего не рассказав ни ему, ни Бену о вчерашней катастрофе. Я захожу в ванную, закрываю дверь и снимаю нижнее белье. Я отчаянно пытаюсь смыть с себя вонь пота и застоявшейся воды. Я включаю душ и делаю воду такой горячей, какую только могу вытерпеть.

— Почему ты не сказала нам, что уходишь? — кричит Деклан через закрытую дверь.

Я игнорирую его и захожу в душ. Закрываю глаза под струями воды, позволяя грязи смыться в канализацию.

— После стольких лет, что мы знаем друг друга, ты все еще не доверяешь нам? — говорит он.

Может быть я не умею. Может быть, я не умею доверять.

Я выключаю воду и заворачиваюсь в полотенце. Когда я выхожу из ванной, Деклан все еще там, все еще готов к спору.

— Я должна была сделать это сама, — говорю я.

— Сделать что, умереть в одиночку?"

— Это было условие Гэвина. Он не стал бы встречаться со мной, если бы я пришла не одна. Кроме того, я не хотела, чтобы вы с Беном оказались на линии огня, на случай, если все пойдет наперекосяк.

— Но именно поэтому мы здесь. Так что мы можем взять на себя часть этого огня.

Я достаю свежую одежду из своей спортивной сумки. Деклан, наконец, поворачивается, чтобы дать мне некоторое уединение, пока я надеваю трусики и чистую рубашку. — Это не

твоя битва, — говорю я, застегиваясь. — Все стало слишком сложным, слишком опасным. Уезжай домой, Деклан.

— А дальше что делать?

— Сядь у огня. Выпей виски. Наслаждайся своим уходом на пенсию.

Он смеется и снова поворачивается ко мне лицом. Я еще не натянула чистые брюки, но его взгляд устремлен к моему лицу. — Ты имеешь в виду усохнуть в инвалидном кресле? Такой выход на пенсию?

— Вряд ли тебе нужна инвалидная коляска.

— Но этот день настанет. Для всех нас. Прямо сейчас я все еще стою на ногах и все еще в здравом уме, и я не хочу провести свои последние хорошие годы, наблюдая со стороны, как бушует битва. Для таких людей, как мы, которые были в гуще событий, выход на пенсию — это все равно что быть заколоченным гвоздями в собственный гроб. Теперь у меня есть возможность вернуться в строй, и прошли годы с тех пор, как я чувствовал себя таким полезным, таким живым.

— Так ты здесь просто от скуки?

— Нет! Дело совсем не в этом! Я здесь, потому что, у тебя неприятности. Потому что ты наконец-то вернулась в мою жизнь, и если с тобой что-нибудь случится...

— То что?

Мгновение он молча смотрит на меня. — Вот дерьмо, — бормочет он и направляется к двери.

— Деклан?

— Оденься, бога ради. И держись подальше от посторонних глаз, пока мы не вернемся.

— Куда ты пошел?

— Нам с Беном нужно поработать. — Он выходит из моего гостиничного номера и захлопывает за собой дверь.

Я смотрю на закрытую дверь, моя влажная кожа холодеет от дуновения кондиционера. Мне показалось, или Деклан только что пытался сказать, что у него есть чувства ко мне? Я вспоминаю нашу долгую совместную историю, начиная со стажировки, когда мы пережили самое худшее, что могла обрушиться на нас Ферма. Я думаю обо всех тех ночах, когда мы отбивали удары других новобранцев, всегда группой, а не только вдвоем. Мы были четверьмя мушкетерами: Деклан, Бен, Ингрид и я. Он ни разу не намекал мне, что я ему нравлюсь, но тогда я была младшей в группе, на восемь лет моложе его, больше похожа на младшую сестру, по отношению к которой он всегда был джентльменом. Меня отправили в Азию, а он направился в Восточную Европу, и в течение многих лет мы в основном переписывались по электронной почте, иногда встречались, когда наши задания приводили нас в один и тот же город, но только как друзей и коллег. Ничего романтического никогда между нами не было.

Потом я встретила Дэнни, и Деклан отошел на задний план, временно забылся. Я не рассказала ему о своем браке, потому что не знала, был ли он настоящим или это просто часть операции. А после Мальты мне было слишком больно говорить о Дэнни, даже с моими друзьями. Отчаянно пытаюсь убежать от горя и сожалений, я стала вездесущей бродягой, переезжала из страны в страну, не желая, чтобы меня нашли.

До того дня, когда Деклан обратился ко мне по электронной почте. *Мы с Беном приземлились в хорошем месте. Ингрид и Ллойд тоже переехали сюда. Этот город тихий и дружелюбный. Много деревьев, много места для отдыха. Тебе бы здесь понравилось. Может быть, группе стоит снова собраться вместе.*

Его электронное письмо пришло в тот момент, когда я отчаянно искала безопасную гавань, место, где можно было бы перестроить свою жизнь и сбросить потрепанную оболочку старой Мэгги, поврежденной Мэгги. Мне никогда не приходило в голову, что его послание было чем-то большим, чем просто случайным приглашением в гости.

Теперь я вспоминаю все намеки, которые упустила из виду. Его частые взгляды на меня поверх коктейлей. Выходные мы проводили вместе в летних походах или на распродажах мебели. Было так много подсказок, но я решила проигнорировать их все, потому что не была готова расстаться с Дэнни.

Возможно, никогда и не буду готова.

Глава 29

Диана

Рим

Мир замыкается на мне — думала она, потягивая кьянти в баре на Виа деи Вольски. Она сидела за угловым столиком, спиной к стене, всего в трех шагах от запасного выхода. Вот как она жила теперь, потому что Агентство хотело, чтобы она оказалась в тюрьме, а Филлип Хардвик хотел ее смерти.

Это было то, о чем она никогда даже не задумывалась, что Хардвик, возможно, жив, но это было единственным объяснением недавней цепочки событий. Очевидно, она облажалась на Мальте, и теперь ей предстояло ответить за последствия. Она могла справиться с угрозой со стороны Агентства — ей просто нужно было опережать их достаточно долго, чтобы стереть свои финансовые записи, — но Хардвик — это совсем другое дело. Должно быть, у него были активы, о которых она ничего не знала, достаточное богатство, чтобы поддерживать работу его машины. Теперь у него были все основания желать ее смерти, и течение времени не охладило бы его ярости. Она знала его психологический портрет, и она знала о судьбах тех, кто причинил ему зло. Она видела посмертные фотографии его жертв и читала описания их последних мук. Она знала, что нарциссических социопатов вроде Хардвика подпитывала жажда мести, и он продолжал бы неустанно охотиться за теми, кто стал причиной катастрофы на Мальте. За деньги можно купить что угодно, включая доступ к совершенно секретным файлам агентства, и если он заполучил в свои руки досье по операции "Сирано", то знал имена всех, кто в ней участвовал.

Это был всего лишь вопрос времени, когда он найдет ее.

Она поднесла бокал к губам и замерла, когда в бар вошли двое мужчин. Они стояли в дверном проеме, осматривая помещение. Не ее ли они ищут? Она потянулась под стол за пистолетом, который лежал у нее на коленях. Теперь он всегда был в пределах досягаемости, с патроном в патроннике. Если бы ей пришлось использовать его в баре, это, к сожалению, было бы очень публичным зрелищем, в отличие от смерти туриста Дэйва в Бангкоке, чье тело она могла бы оставить в темном переулке. Здесь были бы свидетели, и полиция скоро села бы ей на хвост, добавив еще преследователей, от которых ей пришлось бы ускользать.

Она наблюдала, уже держа палец на спусковом крючке, как молодые люди продвигаются вглубь переполненного зала. Ее сердце бешено колотилось, опережая ритм музыки, которая звучала из динамиков бара. Время замедлилось. Ее нервы были на пределе, и каждое зрелище, каждый звук усиливались. Стук шейкера для коктейлей. Блестящая влага растекшаяся лужицей по столу. Никогда не чувствуешь себя более живым, чем перед смертью. Она подняла пистолет со своих колен и уже собиралась занести его над столом и

прицелиться.

Затем две женщины закричали: — Мы здесь, Энцо! Сиамо, Мы здесь!

Мужчины повернулись к женщинам и помахали им. Улыбаясь, они направились к столику, за которым сидели женщины, и все обнялись, поцеловались.

Диана глубоко вздохнула и положила пистолет обратно на колени.

Наблюдая за двумя парами, потягивающими вино, она завидовала их непринужденному смеху, их нормальной жизни. Они выпьют и потанцуют, а потом разойдутся по домам и крепко уснут в своих постелях, чего она, возможно, больше никогда не сможет сделать. Она подумала о предстоящих годах, о том, что всегда будет оглядываться через плечо. Годы, когда она будет лежать по ночам без сна, прислушиваясь к шагам незваного гостя. Ее смерть, несомненно, была бы жестокой, и она задавалась вопросом, где и когда это произойдет. Через неделю, через год? Через десятилетие?

Пока Хардвик был жив, его люди будут искать ее, и она не видела выхода из этого кошмара.

Если только я не убью его первой.

Она заплатила за выпивку и вышла из бара. Пришло время отправляться на охоту.

Глава 30

Джо

Пьюрити

— Старый — не значит захолустный, Джо, — сказал Оуэн Тибодо, готовя бекон на своей недавно установленной индукционной плите. — “Вы, молодые люди, думаете, что уже все знаете, но у нас за плечами опыт всей жизни. Не стоит нас недооценивать.

— Я никогда этого не говорила.

Ее отец повернулся и посмотрел на нее поверх свисающих с носа очков. — Ты недооценила этих призраков, да?

— Ты знал, что они были призраками?

Оуэн рассмеялся и вернулся к своей шипящей сковороде. — Понятия не имел. Может быть, поэтому их называют призраками.

— Все эти новые люди переезжают в город, и я ничего о них не знаю. Все так быстро меняется. — Она наблюдала, как ее отец готовит свои ежедневные пять полосок бекона. Несмотря на все эти жиры и холестерин в его рационе, в шестьдесят семь лет Оуэн оставался худощавым и жилистым, как все мужчины Тибодо, в то время как женщинам Тибодо, казалось, было суждено иметь широкие бедра и мускулистые ноги фермерских девушек. Если бы только Джо унаследовала гены худобы своего отца. Вместо этого эти гены достались ее счастливому брату Финну, который постоянно питался пиццей и чизбургерами и не набрал ни грамма веса.

— Бетти Джонс считает, что было ошибкой устанавливать эту новую индукционную плиту, — сказала Джо. — она говорит, что это снизит стоимость твоего дома при перепродаже.

— Я не собираюсь продавать этот дом.

— Она думает, что люди все еще предпочитают пропан.

— Мне в общем-то все равно, что думает Бетти Джонс. — Он поставил тарелку с яичницей-болтуньей перед Джо. — Люди никогда не готовы от чего-либо отказаться. Как ты думаешь, почему твоя мать так долго меня терпела? — Он сказал это с улыбкой, и было

приятно снова увидеть намек на его прежнее чувство юмора, которое исчезло после смерти ее матери два года назад. Это был еще один недостаток того, чтобы быть женщиной Тибодо: все они, казалось, умирали слишком молодыми, в то время как мужчины продолжали жить.

— Когда меня станет, я оставлю этот дом тебе. Индукционная плита и все такое.

Она нахмурилась. — А что насчет Финна?

— Твоему брату достанется лагерь на Хоббс-Понд. Бетти считает, что они стоят примерно столько же, так что все сходится.

— Перестань говорить об этом, папа. Ты будешь жить вечно.

— Я только хочу прожить достаточно долго, чтобы увидеть вас обоих женатыми и с детьми. — Он сел за стол с двумя яичницами-глазуньями и пятью полосками бекона. — Когда это произойдет, Джо?

— Когда прекрасный принц переедет в город.

— Может быть, он уже здесь.

Она фыркнула. — Значит, он все еще замаскирован под лягушку. — Она принялась за омлет с жареным картофелем — то же самое блюдо, которое отец всегда готовил для нее, когда она присоединялась к нему за завтраком, но этим утром он добавил к картофелю болгарский перец, и ей пришлось выбирать его и перекладывать на край тарелки.

— Тебе это не нравится? — спросил он.

— Просто это, гм, по-другому.

Он рассмеялся. — Тебе никогда не нравилось, когда что-то менялось. Я помню, когда тебе было четыре года, ты орала во все горло, когда твоя мама купила новое покрывало на кровать.

— Со старым покрывалом все было в порядке.

Зазвонил ее сотовый. Она подняла трубку и увидела имя Майка на определителе номера.

— У тебя сегодня выходной. Тебе действительно обязательно отвечать на звонки? — сказал Оуэн.

— Майк не позвонил бы мне сегодня без крайней необходимости. — Она ответила на звонок. — Привет, как дела?

— Я думаю, ты нужна нам здесь, Джо. — сказал ее офицер.

— Зачем? Где ты?

— Возле дома Лютера Янта. Пропала его внучка.

Когда она подъехала к подъездной дорожке, обе патрульные машины Пьюрити уже были там. Майк также вызвал следующую смену, и четверо полицейских стояли во дворе перед домом, пытаясь успокоить Лютера Янта. Когда Джо вылезла из своей машины, Майк бросил на нее взгляд, полный глубокого облегчения от того, что теперь здесь появился кто-то другой, чтобы разбираться с Янтом, который рыдал и кричал, чтобы они, черт возьми, что-нибудь сделали! Майк отошел от других офицеров и отвел Джо в сторону.

— В последний раз он видел свою внучку сегодня около семи утра, когда она вышла из дома и направилась в сарай, чтобы позаботиться о животных. Когда она не вернулась в дом, он вышел проведать ее и обнаружил...

— Вы зря теряете время! — закричал Янт. Он сосредоточился на Джо. — Вы! Предполагается, что вы новый шеф полиции. Так какого черта вы стоите здесь, как истуканы?

Джо подошла к нему, вытянув руки ладонями вниз, словно пытаясь успокоить опасное

животное. — Сэр, сначала нам нужно выяснить, что произошло. Возможно, что она просто отошла и...

— Нет. Нет, все было не так. Они забрали ее!

— Откуда вы знаете, что ее кто-то забрал?

— Джо, — тихо сказал Майк. — тебе нужно посмотреть амбар.

— Извините меня, мистер Янт, — сказала она и последовала за Майком. Еще до того, как она добралась до амбара, она увидела, что все было не так. Корова свободно бродила по двору, ее поводок волочился по земле. Она могла спокойно покинуть территорию, но оставалась поблизости, настороженная и наблюдающая за ними. Прошлая ночь была ясной и холодной, и земля промерзла до блестящей глазури, так что на снегу не было никаких следов, и невозможно было определить, кто недавно проходил по этой тропинке между амбаром и хижинкой. Дверь сарая была широко открыта, и она слышала шумное кудахтанье кур, блеяние коз. Они звучали не радостно, а тревожно.

— Это внутри, — сказал Майк.

Зловещий тон его голоса заставил ее замешкаться в дверях сарая. Она вошла внутрь и увидела свободно разгуливающих цыплят, снующих по соломе, хлопая крыльями. В угловом загоне дюжина коз со встревоженными мордами сбилась в спасительную кучку и дико озирались.

Она уставилась на стену и поняла, почему они боялись.

Забитый козел лежал кучей серого и белого меха, один мертвый глаз смотрел прямо на нее. Его горло было перерезано, и кровь из перерезанной артерии забрызгала сосновые доски. Она медленно направилась к нему, ее сапоги шуршали по соломе, в горле пересохло, но ее внимание было приковано не к козлу. К стене над мертвым животным был прибит лист бумаги с сообщением, написанным печатными буквами:

МАЛЬТА

ЖИЗНЬ ЗА ЖИЗНЬ.

— Что это значит? — Тихо спросил Майк.

Она сглотнула. — Понятия не имею.

— Жизнь за жизнь. — Майк посмотрел на нее. — Они просят кого-то взамен?

— Или, может быть, речь идет о мести, — сказала Джо. — Расплата за то, что сделал Лютер Янт? Ты забрал мое, теперь я забираю твое.

Они услышали шум снаружи. Хлопанье автомобильных дверей и крик одного из ее офицеров: — Вам нельзя здесь находиться! Это место преступления!

Джо вышла из сарая и увидела, что Ллойд и Ингрид Слокум стоят у дома и спорят с ее офицерами.

— Что здесь происходит? — Требовательно спросила Джо, направляясь к паре.

— Эти люди только что приехали, — сказал ее офицер. — они настаивают на разговоре с вами.

— Мы услышали это по полицейскому радио, — сказала Ингрид. — Возможно, произошло похищение?

— Зачем вы здесь? — спросила Джо.

— Мы можем помочь. Это может быть связано.

— Связано с чем? — спросил Майк.

— Шеф Тибодо знает, о чем я говорю.

Все посмотрели на Джо.

— Я просто хочу вернуть мою Келли! — сказал Лютер. — Мне все равно, как вы это сделаете. Если они могут помочь, позвольте им!

Джо посмотрела через поле на ферму Блэкберри. Вот тут-то все и началось, с мертвого тела на подъездной дорожке, за которым последовало покушение на жизнь Мэгги Берд. Теперь пропала четырнадцатилетняя соседка, и Джо почти не сомневалась, что похищение было частью той же головоломки. Слокумы, с их связями и уникальным набором навыков, могли бы помочь ей собрать все воедино.

— Пойдем со мной — сказала она.

Она повела их в сарай, где выжившие перепуганные козы все еще жались в углу своего загона. Какое-то мгновение ни Ингрид, ни Ллойд не произносили ни слова. Они просто молча уставились на записку, прибитую к забрызганной кровью стене.

— Конечно, не тонко, — сказала Ингрид.

— Что-то, что могла бы сделать СВР? — спросил Ллойд.

— Нет. Я не думаю, что это сообщение оставили русские.

— Что такое СВР? — спросила Джо. Они проигнорировали ее.

— Это призыв к действию, — сказала Ингрид. — Вот как я это поняла.

— Чью жизнь они просят взамен? — Спросил Ллойд.

— Я могу предполагать. Но Мэгги должна знать.

— Может, вы двое скажете мне, что, черт возьми, здесь происходит? — выпалила Джо.

— Позже, — сказала Ингрид и достала из кармана телефон. — сначала мне нужно позвонить.

Глава 31

Мэгги

Бангкок

Близился закат, когда Деклан позвонил в мой гостиничный номер и предложил встретиться с ними внизу, на террасе. Я нахожу его и Бена сидящими за столиком у реки, оба уже потягивают джин с тоником. Вечер слишком теплый для чего-либо, кроме джина с тоником, поэтому я тоже заказываю один. Пока официант ставит мой напиток, а также наливает еще для мужчин, мы сидим молча, тишину нарушает только позвякивание кубиков льда в наших бокалах. Деклан снова надел свою холодную непроницаемую маску. В отличие от Дэнни, по лицу которого я могла прочитать все с первого взгляда, Деклан овладел искусством скрывать свои чувства. Все это время я лишь предполагала, что в его жизни были женщины, а почему бы и нет? Но осмотрительность — его вторая натура, и он никогда не раскрывал мне эту часть себя.

Даже сейчас его защита усилена, и мне кажется, что я смотрю на Деклана сквозь слои матового стекла, отражающего и искажающего картину. Конечно, Бен осознает напряженность, витающую вокруг нас, но вместо этого делает вид, что сосредоточен на том, чтобы покопаться в миске с орехами на столе. Только после того, как официант уходит, Бен, наконец, что-то говорит.

— Значит, слухи верны. Ты все-таки жива, — замечает он.

— До самой эмали зубов.

— Ты же знаешь, что мы потратили часы, пытаясь тебя разыскать? Не круто, Мэгс. Оставляешь нас в неведении. Не отвечаешь на звонки.

— Мне жаль.

— Мы уж думали, что нам придется вылавливать твое тело из реки. Это повергло Деклана в настоящую панику.

Я смотрю на Деклана. Он не выглядит встревоженным, но смотрит в другую сторону.

— Чем вы двое занимались весь день? — спрашиваю я.

— Сегодня утром мы наняли баркас и отправились на экскурсию по клонгам, — говорит Бен. — мы видели, как по меньшей мере дюжина полицейских обыскивали собственность Гэвина. Этим утром экономка обнаружила тела. Поскольку Гэвин раньше был сотрудником Национальной разведки, Агентство внимательно следит за расследованием, просто на случай, если это убийство связано с его разведывательной работой. Согласно их контактам в правоохранительных органах, никаких официальных предупреждений в отношении любого подозреваемого, подходящего под твое описание, разослано не было. Я не думаю, что они знают, что ты была там, в доме.

А это значит, что водитель моей лодки не обращался в полицию. Либо он еще не слышал об убийствах, либо толстая пачка наличных, которую я дала ему вчера вечером, купила его молчание. — Что известно полиции? — спрашиваю я.

— Убийца забрал компьютер Гэвина, так что записи с камер наблюдения исчезли, а это значит, что нет никаких видеодоказательств. Полиция считает, что это связано с черным рынком. Внутри дома они нашли тело известного поставщика, а также тайник с запрещенными наркотиками.

— Наркотики предназначались для его личного употребления. Он был болен, умирал.

— Но теория черного рынка действительно отвлекает от тебя внимание. Заказные убийства здесь дешевы. Разозли вора в законе на черном рынке, и из провинции Чонбури будет отправлен наемный убийца. Все, что требуется, — это десять тысяч долларов, чтобы ваш конкурент исчез с лица земли. Если это то, во что полиция хочет верить, то ты свободна.

Я вздыхаю. — Что ж, в любом случае, это хорошая новость.

— Есть ли какая-нибудь вероятность, что убийцу к нему привела ты?

— Нет, я приняла все меры предосторожности. Я уверена, что за мной не следили. И Гэвин был уже на грани, прежде чем я добрался туда.

— Почему? — спрашивает Деклан.

Я смотрю на него, но все еще чувствую дистанцию между нами. Он снова замкнулся в своей защитной оболочке, где я не могу до него дотянуться. Не могу причинить ему боль. — Диана Уорд недавно связалась с ним, попросив о помощи. Она сказала, что кто-то пытается ее убить, и ей нужно безопасное место, чтобы спрятаться. Он прогнал ее.

— Довольно жестко.

— Неприятная история. Вы бы поняли, если бы вам когда-нибудь пришлось с ней работать.

— Кто пытается убить ее? — спрашивает Бен.

— Вероятно, тот же человек, который хочет моей смерти. Филипп Хардвик.

Бен и Деклан уставились на меня. Мы замолкаем, когда мимо с грохотом проплывает туристический катер с гроыхающей музыкой, его палуба забита танцующими телами. Я беру свой напиток, но кубики льда растаяли, а мой джин с тоником стал водянистым и некрепким. Я чувствую, что тоже таю, мой мозг притупляется от жары и изнеможения.

— Жив? — Говорит Бен. — Его не было в самолете?

— А это значит, что все это может быть связано с мекстью. Если Хардвик заполучил в свои руки досье по операции "Сирано", то он знает каждую деталь о том, как это было

спланировано, кто был вовлечен. Вот почему Гэвин мертв, вот почему Диана в бегах. У нее такая паранойя, что она даже Агентству не доверяет.

— Тогда тебе, наверное, тоже не стоит, — тихо говорит Деклан. Наконец-то он смотрит на меня, по-настоящему смотрит. — Ты не можешь вернуться домой, Мэгги. Не сейчас.

Возможно, никогда.

Я думаю о ферме Блэкберри, и внезапно чувствую такую тоску по дому, что это становится физической болью, такой же реальной, как муки голода. Я скучаю по виду на поля из окна моей кухни. Я скучаю по шумящей сантехнике в моем доме, по инею на окнах и звуку моих ботинок, хрустящих по снегу. Я скучаю по своим цыплятам.

— Мне нужно придумать, что делать дальше, — говорю я.

— Вот что ты делаешь: ты остаешься вне поля зрения, пока мы находим способ выследить его и нейтрализовать угрозу — говорит Деклан.

— Что, если у нас не получится? — Я смотрю на Бена. — Ты действительно думаешь, что три старых шпиона могут выступить против кого-то с ресурсами Хардвика? Если у него есть "крот" в Агентстве...

— Я согласен с Декланом, — говорит Бен. — тебе нужно исчезнуть.

— Я уже связался со старым другом в Сингапуре, — говорит Деклан. — Ему я доверил бы даже собственную жизнь. У него есть конспиративная квартира, место, где тебя никто не найдет.

— Вот какой должна была быть моя ферма. Моим безопасным местом. — Я смотрю на Чао Прайю, на плавучие ковры растительности, которые проплывают мимо подобно пышному зеленому ковру, — вид, так отличающийся от моих любимых полей и лесов в штате Мэн. — Мне потребовались годы, чтобы найти место, которое я могла бы назвать домом. Я наконец-то пустила корни и не хочу снова их вырывать.

— Это только временно, Мэгги.

— Неужели? — Я смотрю на Деклана. — Или я никогда не вернусь домой?

Он не отвечает, но в его молчании кроется ответ. Я снова брошена на произвол судьбы и бездомна, как это было в годы после Мальты.

Мимо проплывает еще один речной катер, его двигатель так шумит, что сначала я не слышу звонка сотового телефона. Звук доносится из моего рюкзака. В мире есть всего несколько человек, которые знают номер моего одноразового телефона, и двое из этих людей сидят сейчас со мной за этим столом. Этот номер зарезервирован для неотложных дел, и оба, Бен и Деклан, вытянулись по струнке. Они наблюдают, как я достаю сотовый из рюкзака, как смотрю на имя звонящего.

Это Ингрид.

Преимущество отсутствия семейных уз, детей, мужа или любовника в том, что это делает вас неуязвимой. Каждый человек, которого ты любишь, — это слабое место в твоей броне. Когда тебе ни о ком нет дела, ты можешь быть бесстрашным, потому что мир не может уничтожить тебя так, как он почти уничтожил меня. Это урок, который я усвоила от Дэнни, и в течение многих лет я избегала привязанностей, привыкая к жизни, свободной от привязанностей.

Но отношения имеют свойство подкрадываться к вам незаметно. Вы можете не заметить небольшой выброс окситоцина в вашу кровь всякий раз, когда ваш сосед машет вам рукой или когда его внучка улыбается вам, когда вы заходите к ним на кухню. На протяжении бесчисленных утр, проведенных вместе, потягивая ужасный подгоревший кофе

Лютера или кипятя кленовый сироп с Келли, во время снежной бури, когда они вытаскивали мой грузовик из сугроба, летним днем, когда мы с Келли гонялись за ее своенравными козами, нити отношений медленно связывали нас вместе. Теперь я в ловушке и не могу уйти ни от Лютера, ни от его внучки.

Келли всего четырнадцать лет.

Я думаю о Белле, которая давно мертва, ее останки покоятся где-то в Средиземном море вместе с останками Дэнни. Я могла бы спасти ее. Я могла бы предупредить ее о ее отце и помочь ей сбежать из опасного мира, в котором она жила, но я этого не сделала, потому что она была слишком полезна. Слишком легко поддавалась манипуляции. Белла мертва из-за моего бездействия.

Я не позволю, чтобы это случилось с Келли.

Запихивая одежду в спортивную сумку, я вспоминаю себя в ее возрасте: независимую и уже работающую посменно в закусочной, чтобы оплачивать счета, которые мой отец оставлял накапливаться на кухонном столе. В четырнадцать лет я уже была взрослой, а Келли — нет. Она все еще просто девочка.

Мальта. Жизнь за жизнь. Это была записка, прибитая к стене сарая над зарезанным козлом, и послание не могло быть яснее. Оно адресовано мне. Это зверское похищение направлено на то, чтобы заставить меня выполнять их приказы. Они не новички в этом деле, и они знают, что я буду сотрудничать только в том случае, если поверю, что они выполнят свою часть сделки.

— Ты не можешь вернуться домой — говорит Деклан.

— Если я нужна Келли, я должна вернуться домой. — Я сворачиваю еще одну футболку, запихиваю ее в спортивную сумку.

— Мы с Беном вернемся и разберемся с этим. Тебе нужно держаться подальше.

— И без толку сидеть у телефона?

— Поезжай в Сингапур и не высовывайся. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы найти девочку, но ты не можешь в этом участвовать. Не тогда, когда ты настоящая мишень.

На мой сотовый приходит смс от Ингрид. Это ответ, которого я ждала последние девять часов. Я читаю его и, не говоря ни слова, поворачиваюсь и подхожу к окну. Здесь, в Бангкоке, только что вошло солнце, но дома, в штате Мэн, уже 19 часов, темный зимний вечер, и Лютер Янт пребывающий в бешенстве. Терзаемый вопросами, не замерзла ли его внучка и не проголодалась ли, или она, не дай бог, уже мертва. Я отчаянно хочу быть с ним в Пьюрити, помогать в поисках, но Деклан прав. Я не могу вернуться домой. У меня есть работа, которую я должна выполнить, и мне нужно быть в другом месте. Только так девочка сможет выжить.

Я поворачиваюсь лицом к Деклану. — Ладно, — говорю я. — Я поеду в Сингапур.

— Хорошо. — Деклан тяжело вздыхает. Он думает, что выиграл спор. — Бен ждет внизу в такси. Рейс на Сингапур вылетает в десять пятнадцать. Давай мы тебя проводим.

Поездка в аэропорт проходит в тишине. Бен сидит впереди, а я сзади с Декланом. Мы не смотрим друг на друга, не говорим всего того, что должны говорить два старых друга, которые собираются расстаться, возможно, навсегда. Я уже смирилась с вероятностью того, что это вполне могут быть наши последние минуты вместе. Они с Беном вернутся в Мэн и будут искать Келли, в то время как я направляюсь в другое место назначения, которое, вероятно, не переживу.

Но это сделка, на которую я согласилась. *Жизнь за жизнь.*

Все эти годы я считала Деклана просто другом, хорошим и преданным коллегой. Только сейчас, зимой нашей жизни, я осознаю, сколько подсказок я упустила за прошедшие годы. Это еще один пункт, который можно добавить к списку моих сожалений за всю жизнь: я никогда не давала Деклану шанса.

В аэропорту Бен и Деклан стоят рядом со мной у стойки регистрации Сингапурских авиалиний, пока я покупаю билет, предъявляю свой поддельный паспорт, получаю посадочный талон.

— Мой друг будет ждать твоего звонка, — говорит Деклан, провожая меня к воротам службы безопасности. — с ним ты будешь в безопасности, Мэгс.

— Только найди для меня Келли, хорошо?

— Найдем. — Он улыбается. — Похоже, группа снова в деле.

Мы не целуемся, не обнимаемся. Я просто ухожу и присоединяюсь к линии безопасности. Только оказавшись на другой стороне, я оглядываюсь. Оба мужчины исчезли, направляясь в другой терминал на свой рейс в Бостон. Я жду несколько минут, чтобы убедиться, что они действительно ушли. Только после этого я выхожу из охраняемой зоны и возвращаюсь к билетным кассам, потому что я не собираюсь в Сингапур.

Я снова достаю свой паспорт и бумажник, и покупаю другой билет в один конец.

В Милан.

Глава 32

Озеро Комо, Италия

Вилла расположена на пологом склоне холма над озером Комо, и ее охряные стены сияют золотом в лучах послеполуденного солнца. Ее окружают ухоженные сады — сказочная страна топиариев, живых изгородей и лужаек, спускающихся к берегу. В бинокль я смотрю через открытые ворота виллы на полдюжины машин, припаркованных на подъездной дорожке, две из них — большие грузовики для доставки. Мужчины выгружают столы и стулья из одного из грузовиков и относят их в сады. В этот момент в ворота въезжает еще одна машина. Это фургон общественного питания, и я наблюдаю, как подносы с едой и ящики с вином заносят в дом. Судя по количеству расставленных стульев, сегодня вечером на вечеринке будет присутствовать по меньшей мере сотня гостей.

Я осматриваю дорогу, ведущую к воротам виллы и обратно. Нигде в поле зрения нет охранников, некому помешать незваной женщине просто прогуляться по территории и смешаться с толпой, но угроза убийства, вероятно, не беспокоит мистера Джакомо Лацио, владельца этой виллы. Мистер Лацио сколотил состояние на производстве роскошного женского нижнего белья, бизнес, который обычно не требует телохранителей, хотя на такой впечатляющей вилле действительно должен быть один или два охранника.

Я знаю, что именно здесь сейчас живет Сильвия Моретти, благодаря сообщению, которое я получила от Ингрид, когда была в Бангкоке. Ингрид знает, как выследить любого в мире, и ей потребовалось меньше суток, чтобы узнать, что бывшая любовница Филиппа Хардвика теперь делит постель с мужчиной на двадцать два года старше ее. Сильвии сейчас было бы под сорок, и она, без сомнения, по-прежнему сногшибательна, но срок годности любовницы ограничен. Часы всегда тикают.

Судя по этой вилле на берегу озера, она неплохо устроилась. Она оправилась от трагедии потери Филиппа Хардвика и прекрасно встала на ноги с Джакомо Лацио. Когда вы теряете одного богатого любовника, вы просто находите другого.

Последние столы выгружены, и мужчины захлопывают задние ворота грузовика. В ворота въезжает еще один фургон доставки. Флористы, которые вытаскивают вазы с роскошными цветочными композициями.

Я опускаю бинокль и смотрю на безоблачное небо. Для конца февраля день не по сезону теплый, но ночью на озере Комо может быть прохладно. И все же нельзя появиться на элегантной вечеринке во фланелевой одежде, как лесоруб.

Я завожу взятую напрокат машину. Пришло время купить платье.

К девяти вечера узкая дорога, ведущая к вилле Джакомо Лацио, была заставлена припаркованными машинами. Я оставляю свою в конце дороги и поднимаюсь в гору, мимо припаркованных "Феррари", "Мазерати" и "Мерседесов", чтобы добраться до кованых железных ворот виллы. Она широко открыта, и в ней работают только два швейцара в форме, которые улыбаются и склоняют головы набок, когда я подхожу. Я не вижу ни вооруженных охранников, нигде никакого оружия, только этих двух темноволосых очаровашек, которые выкрикивают "Бона сера", когда я прохожу через ворота. Бизнес по производству женского белья гораздо более дружелюбен, чем тот мир, к которому я привыкла.

Мои высокие каблуки стучат по брусчатке, когда я иду по подъездной дорожке. Прошло много времени с тех пор, как мне приходилось носить каблуки, и я уже чувствую, как на ногах образуются волдыри после подъема на холм от моей припаркованной машины. Я скучаю по своим фермерским ботинкам, джинсам и фланелевой рубашке, но сегодня это вечернее платье — моя боевая форма, и зеленый шелк шуршит у моих ног, когда я иду по каменной дорожке навстречу звукам живой музыки и смеха. Может, я больше и не горячая штучка, но мои бедра по-прежнему стройные, руки подтянутые, и я все еще умею носить платье.

Тропинка выводит меня на заднюю террасу виллы, которая сегодня вечером освещена подвешенными бумажными фонариками, раскачивающимися на ветру с озера. Я беру бокал шампанского у проходящего мимо официанта и иду вдоль края террасы, разглядывая лица. Эта публика отличается от тех кругов, за которыми я привыкла наблюдать. Эти люди моложе, энергичнее и гораздо привлекательнее. Вместо седовласых дипломатов, банкиров и политиков я вижу мужчин с пышными черными волосами и женщин, которые достаточно сногшибательны, чтобы расхаживать с важным видом по модным подиумам. Никто не обращает на меня внимания, да и с какой стати им это делать? Я просто безмянная фигура, проплывающая мимо, ничем не выделяющаяся.

Я прохожу мимо живой группы, которая играет грохочущий электронный шум, который в наши дни считается музыкой, и беру подносы для канапе с соблазнительным ассортиментом копченой рыбы и брускетты, сыров и пармской ветчины. Мой итальянский немного подзабыт, но его вполне достаточно, чтобы понять несколько обрывков подслушанных разговоров.

В каком отеле вы остановились?

Вы слышали, что Паоло съехал? Она опустошена.

Я на этой ужасной новой диете. С ума схожу от желания выпить бокал вина.

Наконец, я замечаю ту, кого искала, и она окружена кольцом своих гостей. В наши дни волосы Сильвии подстрижены короче, но они по-прежнему черные как смоль, а ее фигура столь же сногшибательна. Ее красное трикотажное платье неумолимо облегает каждый изгиб и не скрывает ни выпуклостей, ни излишков плоти. Либо годы были исключительно милосердны к ней, либо она упорно трудилась, чтобы поддерживать это подтянутое тело.

Я отворачиваюсь, прежде чем она замечает, что я здесь.

Раздвижные стеклянные двери на виллу широко открыты, что позволяет обслуживающему персоналу свободно перемещаться между кухней и террасой. Я пользуюсь этими открытыми дверями, чтобы проскользнуть в дом.

Внутри интерьер лаконичный и белый, лишь с несколькими художественными цветовыми акцентами, призванными привлечь внимание к скульптуре из обожженного оранжевого стекла и картине в бирюзовых и золотых тонах. Мои каблуки громко цокают по белому мрамору. Я снимаю туфли, испытывая облегчение оттого, что могу идти босиком. Через несколько секунд я уже иду по коридору и скрываюсь из поля зрения других гостей. Если кто-нибудь столкнется здесь со мной лицом к лицу, я просто пожилая дама с маленьким мочевым пузырем, отчаянно пытающаяся найти туалет. Ни одна из дверей, ведущих из коридора, не заперта, и я заглядываю в них, обнаруживаю ванную (разумеется, отделанную белым мрамором), гостевую спальню и шкаф для белья. В этом доме, похоже, нет никаких потайных мест.

В конце коридора я, наконец, добираюсь до главной спальни. Я проскальзываю внутрь и закрываю дверь. Здесь царит тот же белый мрамор, декор, который некоторые могли бы назвать изысканным, но мне он кажется холодным и бесстрастным. Является ли это отражением вкуса Сильвии, или это пришло вместе с новым мужчиной, которого она себе приобрела?

Пара аквамариновых очков для чтения на прикроватной тумбочке подсказывает мне, что дальняя сторона кровати принадлежит Сильвии. Я обхожу кровать и открываю ящик ее прикроватной тумбочки. Внутри ее паспорт, а также обычный набор женских принадлежностей: крем для рук, маска для сна, гигиенические прокладки.

Я засовываю руку поглубже и в глубине ящика нахожу потрепанную записную книжку с адресами. Страницы погнуты, а некоторые записи выцвели, превратившись в жалкие подобия самих себя. В то время как большинство из нас сейчас хранят свою контактную информацию в цифровых файлах, мало кто из нас готов выбросить свои старые записные книжки, написанные от руки. Я листаю до буквы "X" и нахожу имя, которое, непременно, должно было там быть: Хардвик. Здесь есть номера телефонов Филиппа, а также его дочери Беллы, но это старые записи, номера, которые датируются тем временем, когда Сильвия все еще была его любовницей. Здесь нет никакой новой контактной информации, никаких обновленных номеров телефонов или адресов. Это документ, застывший во времени.

Я кладу записную книжку обратно на прикроватную тумбочку и собираюсь задвинуть ящик, когда слышу, как дверь спальни внезапно со скрипом открывается.

Нет времени броситься к шкафу, нет времени даже задвинуть ящик. Я мгновенно падаю на пол и лежу там, прижавшись лицом к холодному мрамору, когда в комнате раздаются шаги. Заглянув под кровать, я вижу пару мужских ботинок, расхаживающих взад-вперед. Он говорит по телефону на быстром итальянском, и голос у него взволнованный. Что-то об ошибке. Он хочет знать, кто несет ответственность.

Теперь ботинки приближаются к кровати, и матрас вздыхает, когда он садится. Я вижу, что ботинки из коричневой кожи, несомненно, дорогие, и одна из подошв непрерывно постукивает по полу. Он слишком занят своим телефонным разговором, чтобы заметить, что в его спальне что-то не так. Я поднимаю взгляд на прикроватную тумбочку Сильвии и вижу, что ящик все еще открыт. Пространство под кроватью слишком узкое, чтобы я мог туда втиснуться. Если он подойдет, чтобы закрыть ящик, он обнаружит.

Дверь спальни снова распаивается. На этот раз я вижу, как входит пара туфель на высоких каблуках. Это Сильвия.

Не смотри на тумбочку. Не смотри в эту сторону.

Сильвия хочет знать, почему Джакомо ушел с вечеринки. Даже здесь, по другую сторону кровати, я чувствую, как между ними нарастает напряжение.

Он рывкает на нее по-итальянски: Минутку!

— Это *твоя* вечеринка — огрызается она в ответ.

— У меня проблема. На фабрике.

— Эти люди — твои друзья, не мои.

— Хорошо, хорошо. — Матрас шипит, когда он встает. — Иду.

Я наблюдаю, как их обувь выходит из комнаты, и дверь спальни с глухим стуком закрывается.

Мое сердце бешено колотится, когда я поднимаюсь на ноги. Я закрываю ящик прикроватной тумбочки, затем босиком подхожу к двери спальни и прижимаюсь к ней ухом. Я не слышу никаких голосов, ничего, кроме отдаленного грохота оркестра. Я приоткрываю дверь и выглядываю в коридор.

В поле зрения никого нет.

К тому времени, когда я возвращаюсь на террасу, мой пульс успокаивается. Я снова надеваю туфли, беру еще один бокал шампанского и пробираюсь сквозь толпу, обратно в море красивых людей с идеальной кожей и в сшитых на заказ костюмах. Но даже здесь, в этом маленьком райском уголке на озере Комо, жизнь Сильвии и ее возлюбленного не идеальна. Это я поняла, подслушав их разговор в спальне. Я вижу Джакомо с седой гривой, который ухаживает за полудюжиной гостей, но Сильвии нигде не видно. Оглядывая толпу, я, наконец, замечаю ее. Она спускается по ступенькам террасы к озеру, и она одна.

Я следую за ней.

Каменные ступени сходят к ухоженной лужайке, которая спускается к кромке воды. Там я нахожу Сильвию, стоящую у плещущейся воды. Она повернута ко мне спиной, и ее силуэт обрамлен серебристым отражением от озера. Она смотрит на Комо, как женщина, оказавшаяся не на той стороне, страстно желая оказаться на противоположном берегу.

Она не слышит, как я подхожу к ней, и когда я говорю: “Привет, Сильвия”, она вздрагивает и поворачивается ко мне лицом. — Кто... я вас знаю?

— Ты меня не помнишь, не правда ли? — Неудивительно, что она забыла. Прошло слишком много лет, и я была всего лишь второстепенным игроком в ее жизни, кем-то настолько незначительным, что она едва ли замечала мое существование.

— Мне жаль, но я тебя не помню — говорит она.

— Моим мужем был доктор Дэнни Галлахер, лечащий врач Филиппа. Дэнни был в том самолете. Мы оба потеряли кого-то в тот день. По крайней мере, меня заставили в это поверить.

Она качает головой. — Я не понимаю. Почему ты здесь? После стольких лет, почему ты приходишь в мой дом и...

— Филипп Хардвик жив, не так ли?

Она замолкает. Здесь, у кромки воды, мы стоим в тени, и я не могу прочесть выражение ее лица, но я вижу ее силуэт, стоящий совершенно неподвижно.

— Нет — шепчет она.

— Ты знаешь, где он?

— Это невозможно. Он мертв.

— Это то, в чем они *хотят* нас убедить.

— В том самолете была бомба. Они все погибли, все семеро.

— Но в море нашли только два тела. Мы не знаем, кто еще был на борту, и кто мог сойти с самолета в самую последнюю минуту.

Она обнимает себя. Даже в полумраке я вижу, что она дрожит. — Если бы он был жив, я бы знала. Я бы почувствовала это. И почему он не позвонил мне? Почему он заставил меня думать, что он мертв?

— Именно так он остался жив, заставив всех поверить, что он мертв. Он все еще где-то там, Сильвия. Вероятно, живет под другим именем, с другой личностью.

— Нет. Нет, это неправда! Он бы не заставил меня так страдать!

Я слышу настоящую муку в ее голосе и, к своему удивлению, понимаю, что это не спектакль. Она действительно не знает, что Хардвик жив.

— Ты любила его — удивленно говорю я.

Она снова поворачивается к воде и тихо говорит: Конечно, любила.

— А он любил тебя?

— Я думала.. — Ее голова опускается. — Я верила, что он любил меня. Я верила стольким вещам.

— И все же он так и не связался с тобой? После крушения самолета ты ничего о нем не слышала?

— Нет.

— У тебя есть какие-нибудь предположения, где он сейчас?

— На дне морском. Это то, во что я верила тогда. И это то, во что я верю сейчас. — Она смотрит на меня. — Почему ты задаешь мне все эти вопросы? Кто ты на самом деле?

Мгновение мы просто смотрим друг на друга, две женщины, чьи жизни пересеклись таким образом, что мы обе пострадали, обе навеки в трауре.

— Я жена Дэнни Галлахера, — говорю я. — Это все, что тебе нужно знать.

Я поворачиваюсь и поднимаюсь обратно по каменным ступеням на террасу, пробираясь сквозь толпу красивых людей в великолепной одежде. Мой визит сюда многое прояснил: Сильвия действительно не знает, где Хардвик. Она действительно верит, что он мертв.

Я не знаю, где искать дальше.

Большинство людей, находящихся в бегах, не могут не искать знакомые места, но Хардвик слишком умен, чтобы возвращаться в свои старые убежища. Единственный способ оставаться невидимым все эти годы, — это не делать того, чего от него ожидают. Однако чего он не мог избежать, так это использования своих многочисленных оффшорных счетов на протяжении многих лет. Возможно, ему действительно нужны были эти средства, или он вернулся к посредничеству в новых сделках, но эти перемещения капитала не остались незамеченными Агентством. Это было его большой ошибкой. Это был ключ к тому, что он все еще жив.

Я обдумываю свои следующие шаги. Я не могу вернуться домой и, возможно, никогда не смогу. В данный момент я плыву по течению, как и в годы после смерти Дэнни, переезжая с места на место, ища точку приземления, где я могла бы оставить позади прежнюю Мэгги и стать кем-то новым, кем-то, кого не преследовали мысли о том, что могло бы быть. Если бы только я отказалась от того последнего задания на Мальте. Если бы только мы с Дэнни сбежали. Сейчас мы были бы вместе, наши волосы поседели, на наших

лицах еще глубже проступили бы морщинки от смеха. Я представляю нас где-нибудь в теплом месте, может быть, в Южной Америке, в деревне, где свободно бегают куры, козы и босоногие дети.

Вместо этого я остаюсь одна, когда выхожу за ворота виллы. Я оставляю позади музыку, смех, то, что могло бы быть, и направляюсь вниз по склону к своей машине. Высокие каблуки жмут, и у меня возникает искушение отшвырнуть их и продолжить путь босиком по острому гравию. Я хочу боли. Мне нужна боль, как искупление за мои грехи. Я заворачиваю за поворот и добираюсь до своей взятой напрокат машины, припаркованной позади черного "Феррари". Я достаю из сумочки брелок с ключами открываю замок.

И тут я слышу шорох гравия на дороге. Кто-то идет прямо за мной.

Я поворачиваюсь и смотрю на Диану. На пистолет, который она направила мне в грудь.

— Привет, Мэгги. Какой сюрприз, что ты появилась здесь.

— Опустит пистолет, Диана. Мы на одной стороне.

— Мы? — Она кивает на мою припаркованную машину. — Садись. Ты поведешь.

Глава 33

Церковь — последнее место, которое я ожидала, что Диана Уорд использует в качестве убежища, но именно туда она привела меня, по ухабистой дороге к этому полуразрушенному каменному зданию на холме. В свете наших фар я вижу заколоченные окна и переплетение агрессивных виноградных лоз, которые карабкаются по стенам. Я выключаю двигатель, и ночь становится черной. На этом холме поблизости нет ни домов, ни огней. Ни свидетелей.

Вместо того чтобы войти через парадную дверь, Диана ведет меня через боковой вход. Ясно, что она пряталась здесь достаточно долго, чтобы ознакомиться с планировкой. Когда она зажигает керосиновую лампу, я вижу, что эта церковь очень давно не использовалась как место для богослужений. Скамьи разбросаны и сломаны, некоторые из незакрепленных витражей наверху разбиты вдребезги, а со стропил, как шелковые шторы, свисает паутина. Рядом с тем местом, где когда-то стоял алтарь, стоит маленький столик с рюкзаком, остатками бутерброда и полупустой бутылкой вина. Это удобное убежище, явно давно заброшенное и уединенное, но достаточно близко к вилле, чтобы наблюдать за Сильвией и ее посетителями. Конечно, именно поэтому Диана здесь, в Комо; она приехала по той же причине, что и я. Она знает, что Хардвик жив, и верит, что Сильвия знает, где он находится.

В этой каменной церкви холодно. В то время как Диана одета в черные джинсы и флисовую куртку, на мне только шелковое вечернее платье и тонкая накидка, которую я набрасываю на плечи, пока смотрю на мерцающую лампу. Диана не опустила пистолет, и дуло, словно обвиняющий третий глаз, уставилось на меня.

— Почему ты в Комо? — спрашивает она.

— По той же причине, что и ты. Я думала, Сильвия могла бы сказать мне, где Хардвик.

— Кто тебя послал?

— Это сделала ты. В некотором смысле.

— Не будь смешной.

— Кто-то из агентства появился в моем доме в Мэне. Она сказала, что ты исчезла и, возможно, тебе нужна помощь.

— Ты здесь, чтобы *помочь* мне? — Ее смех отдается эхом в огромной каменной церкви, и этот звук разбивается на голоса дюжин полуистерических Диан. — Мэгги спешит на помощь!

— Мне насрать, что с тобой случится. Но Гэвин мертв. Он был убит в Бангкоке несколько ночей назад. Я была там, когда это произошло. Ты и я, вероятно, следующие в списке жертв.

Ее рука остается совершенно неподвижной, оружие по-прежнему направлено мне в грудь. — Гэвин сказал тебе, почему все это происходит?

— Хардвик жив, — говорю я. — это месть за Мальту.

Она, кажется, не удивлена этим открытием. — Ты точно это знаешь? Он жив?

— Агентство считает так.

— Какие у них доказательства?

— Деньги исчезли с его счетов. Много денег. Для доступа к этим учетным записям требуются пароли, которые мог знать только он.

Наконец, она опускает пистолет. Ее волосы растрепаны, щеки ввалились. На ее лице я вижу паранойю, которая возникает из-за слишком малого количества сна и слишком большого страха. Она начинает расхаживать взад-вперед мимо керосиновой лампы. В своем возбуждении она, кажется, не обращает внимания на то, что я стою там, и я просто радуюсь, что на меня больше не наставлен пистолет.

— Мы должны нейтрализовать Хардвика, — говорит она. — Мы должны работать вместе.

— Так, как мы делали на Мальте? — Я горько усмехаюсь. — Как будто я могу тебе доверять...

— Мы вместе уничтожили Сирано, не так ли?

— И ты убила моего мужа.

Она останавливается и смотрит на меня. Так же быстро она отводит взгляд. — Это было неудачей. Я бы хотела, чтобы мы могли это остановить — говорит она, но я вижу правду в ее глазах. Вспышку вины как раз перед тем, как она отвернулась.

— Ты могла бы остановить это.

— Не было никакого способа узнать, что бомба будет...

— Гэвин сказал мне правду. Ты знали за несколько часов до этого, что русские собираются нанести ответный удар, но даже не подумала предупредить меня. Ты просто позволила самолету взлететь с Дэнни на борту.

— Угроза в сообщении была неконкретной.

— Она была достаточно ясной, чтобы принять меры.

— Я не могла быть уверена.

— Нет. Тебе просто было все равно! — Мой голос отзывается во мне эхом, повторяющимся криком боли, криком, который я сдерживала все эти годы. Последние отголоски затихают вдаль, и какое-то мгновение мы молча смотрим друг на друга.

Тишину церкви нарушает грохот. Это рычание приближающегося двигателя.

Диана в тревоге вздергивает подбородок. — Они следили за нами. Черт, они следили за тобой. — Она гасит лампу и хватается свой рюкзак. Единственный свет проникает через разбитые окна, слабое свечение из деревни в миле отсюда.

— Дай мне пистолет, — шепчу я, когда мы приседаем в темноте.

— Заткнись.

— Если они здесь, чтобы убить нас, тебе понадобится моя помощь, чтобы сдержать их. Дай мне пистолет.

Ей требуется всего несколько секунд, чтобы взвесить все варианты и понять, что я

права. Я действительно нужна ей. Я слышу, как она роется в своем рюкзаке, и затем вкладывает мне в руку пистолет. Девятимиллиметровый. Это не мой верный "Вальтер", но сойдет.

Кто-то гремит входной дверью, но она заперта. Может быть, это просто церковный сторож? Боже, пусть это будет просто какой-нибудь безобидный старичок, пришедший посмотреть, кто поселился в его здании. Затем я слышу щелчок глушителя и треск дерева. Три удара ногой, и дверь распахивается. Я замечаю смутные силуэты двух мужчин, заходящих внутрь. Нет, их трое.

Диана не колеблется. В быстром темпе она делает четыре выстрела. Я слышу стон боли, затем раздается ответный огонь. Пуля просвистывает мимо моего лица и разбивает вдребезги бутылку вина на столе.

Диана делает еще два выстрела и отступает, уходя глубже в тень. Разумеется, оставив меня один на один с налетчиками. Вот как она действует. Она знает расположение этой церкви, знает все возможные укрытия, и все, что я могу сделать, это последовать ее примеру и надеяться, что она направляется к защищенной позиции. Мои высокие каблуки стучат слишком громко, поэтому я сбрасываю их. Я едва различаю ее удаляющуюся тень во мраке.

Пули рикошетят от стены. Осколки камня жалят мне щеку. Мужчины приближаются; я слышу глухой стук, как будто кто-то натывается на скамью, и я вслепую делаю три выстрела на звук, прежде чем броситься за Дианой.

Она выбрала единственный путь отступления: вверх по винтовой лестнице, которая, должно быть, ведет на колокольню. Я начинаю подниматься по ступенькам и чувствую, как в подошву моей ноги впивается торчащий гвоздь. Морщась от боли, я ковыляю вверх по ступенькам. Винтовая лестница слишком узкая и извилистая для точного выстрела в любом направлении; моя единственная надежда — добраться до вершины, где мы сможем сдержать нападающих и перестрелять их, когда они выйдут с лестницы. Я карабкаюсь по последним ступенькам на колокольню. Диана здесь, присела на корточки чуть в стороне. Зарево, исходящее от деревни, достаточно яркое, чтобы осветить ее напряженное лицо и блеск пистолета в ее руках.

Я не говорю ни слова, просто опускаюсь рядом с ней. Мы вместе ждем встречи с нападчиками. Теперь у меня нет выбора; я вынуждена сражаться спина к спине с этой женщиной, которую презираю.

Сквозь стук своего сердца я слышу шаги на лестнице. В поле зрения появляется тень.

Мы с Дианой открываем огонь, наши пули вонзаются в камень. Это наше последнее укрытие, но у нас преимущество. Здесь мы сможем сдерживать их.

И тут у меня заканчиваются патроны.

Мимо меня просвистывает пуля. Я ныряю вбок, и мое плечо ударяется о древние половицы. Я откатываюсь назад, приседаю и лихорадочно осматриваю башню в поисках альтернативного пути отступления, но единственный другой способ выбраться с колокольни — это нырнуть за ограждение и совершить фатальный прыжок на парковку.

Вот как это заканчивается: босиком и загнанной в угол, с женщиной, которая разрушила мою жизнь, женщиной, чьи решения полтора десятилетия назад наставили нас обоих на путь к этому последнему моменту.

Я бросаю пустой пистолет. Я не верю в загробную жизнь, и не верю, что героическая смерть зарабатывает тебе место в Валгалле. Я знаю только, что бессмысленная борьба продлит агонию, и я выбираю принятие, а не панику. Но Диана не готова умереть. Она

двигается рядом со мной, и в ее голосе слышатся нотки паники.

— Что за хрень? Твой пистолет...

— У меня закончились патроны. Все кончено, Диана.

— Нет. Нет, это не так.

Она наносит удар со скоростью кобры, обхватывая рукой мое горло. Я теряю равновесие, когда она прижимает меня спиной к своей груди. Я — ее щит, жертвенная масса из плоти и костей против пуль. До самого конца Диана — остается Дианой, хотя сейчас это не имеет никакого значения, потому что у нее тоже скоро кончатся патроны.

Появляется силуэт мужчины, затем второй. Диана отступает, увлекая меня за собой, пока не упирается в перила колокольни, и мы больше не можем отступить.

— Сделка! — кричит она. — *Voglio fare un patto!* (ит. Я хочу заключить сделку)

Мужчины ничего не говорят, но оружия не опускают.

— Здесь деньги, — говорит она. — Я могу дать вам двадцать миллионов долларов! Все это ваше, но вы должны меня отпустить!

У нее есть двадцать миллионов долларов?

Даже сейчас, когда я стою на краю смерти, от этого откровения у меня кружится голова. Я жонглирую кусочками головоломки, чувствую, как они начинают вставать на свои места. Я думаю о миллионах долларов, снятых с оффшорных счетов Хардвика кем-то, кто должен был знать его пароли. Я думаю о провалах памяти Хардвика, о его трудностях в запоминании цифры, имен и дат. В одно мгновение все складывается воедино. Где он хранил свои пароли? Они должны быть легкодоступны для него, в записной книжке или телефоне.

Или на флэш-накопителе. Вроде того, что я дала Диане скопировать на Мальте.

Еще один кусочек головоломки встает на место.

У Дианы были пароли, но она не могла ими воспользоваться, пока Хардвик был жив. Он бы заметил, если бы деньги исчезли с его счетов, так что ей нужно было убрать его с дороги. Ей нужна была его смерть, и самый простой способ добиться этого — позволить русским отомстить. Поэтому она позволила его самолету взлететь, позволила ему лететь навстречу своей смерти, и ей было все равно, кто умрет вместе с ним.

На лестнице раздаются новые шаги. Они поднимаются размеренным, неторопливым шагом, в мрачном ритме приближающегося палача.

— Двадцать миллионов долларов! — повторяет Диана. В своем отчаянном желании заключить сделку она теряет надо мной контроль. Я вырываюсь из ее хватки и отползаю подальше, за пределы досягаемости. Теперь она стоит беззащитная, без моего тела, которое могло бы защитить ее.

— Это больше денег, чем вы когда-либо видели, — говорит она. — Вы можете взять ее. Убейте ее. Просто отпусти меня, и я...

Хлопок глушителя останавливает ее на полуслове. Ее голова запрокидывается, а затем ее тело раскачивается, прижимаясь к краю колокольни. Несколько сердцебиений ей удаётся балансировать: ноги здесь, а позвоночник перегнулся через железные перила. Затем начинает действовать сила тяжести, и она перелетает через барьер и падает в тень.

Я не вижу, как она приземляется, но слышу удар. Глухой стук плоти и костей о бетон внизу.

Глава 34

Из полумрака лестницы на колокольню медленно выплывает фигура. Я ожидаю, что в

поле моего зрения сейчас появится Филипп Хардвик, но это женщина. Мужчины расступаются, давая ей пройти. Она подходит к краю колокольни и смотрит вниз, на землю. Хотя прошло шестнадцать лет с тех пор, как я видела ее в последний раз, я узнаю ее широкие бедра, округлый наклон плеч. В лунном свете я замечаю блеск рыжих волос, развевающихся на ветру.

— Это были не ее деньги, чтобы предлагать, — говорит она и поворачивается, чтобы посмотреть на меня. В ее руке пистолет, из которого она только что убила Диану, и теперь дуло направлено на меня. — Наконец-то я получила ответ на свой вопрос. Это была она”.

— Белла, — шепчу я. — Как это возможно?

— Моя мать, — говорит она. — Меня не было бы в живых, если бы не она.

— Тебя не было в самолете.

— Она не отпустила меня в аэропорт, особенно после того, как услышала о налете на яхту Алана Холлоуэя. О, мама знала о сделках моего отца с русскими. Она знала, на что они способны. Когда его самолет разбился, она подумала, что они могут прийти и за мной тоже. Приведи мне пример того, что случится с твоей семьей, если ты перейдешь им дорогу. В итоге она отвезла меня домой на своем собственном самолете. В Аргентину.

— Я понятия не имела, что ты жива. Были похороны — на них была твоя мать.

— Похороны должны были состояться. Это было частью игры, и она знала, как в нее играть.

— Все это время. Я и понятия не имела, что ты был с ней.

— До того дня, как она умерла. Голос Беллы дрожит, и дуло ее пистолета опускается к полу.

— Боже, прости меня, Белла, — бормочу я. — Она любила тебя. Она всегда хотела для тебя только самого лучшего.

— В отличие от тебя. — Она снова поднимает пистолет и направляет его мне в грудь. — Когда я, наконец, заполучила в свои руки это досье, я узнала правду о тебе. — Ее голос режет, как стекло. И того, что ты сделала.

— Я действительно была твоим другом.

— Другом? — Смеется она громко и горько. — Ты использовала меня. Ты бы отправила меня на верную смерть.

— Я тоже должна была быть в том самолете! Я бы пошла ко дну вместе со всеми вами.

— Но тебя там не было, не так ли?

— Мой муж был! Мужчина, которого я любила. Как ты думаешь, отпустила бы я его, если бы знала, что произойдет?

Наступает долгое молчание. — Нет, — наконец бормочет она. Она поворачивается к перилам и смотрит вниз, на парковку. — Господи, я была такой глупой девчонкой.

— Тебе было всего пятнадцать. Ты не знала, кем на самом деле был твой отец.

— Я говорю не о своем отце. Я говорю о тебе. Кем была ты. Все это время я понятия не имела, на кого ты работаешь. Потом я обнаружила, что кто-то совершил налет на счета моего отца, хотя я единственная, кто знал его пароли. ‘Ключи от царства’, — так он их называл. Он заставил меня выучить их наизусть, потому что у него были проблемы с памятью. Кто-то другой перевел эти деньги, а я понятия не имела, кто мог это сделать. Пока не узнала об операции ”Сирано”.

— Каким образом?

Она пожимает плечами. — Все можно купить, Мэгги. Преданность. Доступ. Всегда

найдется кто-то, кто готов продать секреты, даже в вашем драгоценном ЦРУ. — Она поворачивается ко мне лицом. — Ты последняя, кто остался в живых. Хочешь что-нибудь сказать перед смертью?

— Как до этого дошло, Белла? Как *ты* до этого дошла?

— Необходимость. Я знаю имена. И знаю, как использовать их. Этому меня научил мой отец.

— Это не настоящая ты. Я знала другую Беллу, и была счастлива быть ее другом. Веришь ты этому или нет, но я действительно им была.

— Что ж, поздоровайся с новой Беллой. В конце концов, я дочь своего отца.

Я в это не верю. Когда я смотрю на нее, я вижу не Филиппа Хардвика, а ту невинную пятнадцатилетнюю девочку. И я думаю о другой девушке, еще одной невинной, чья жизнь теперь зависит от меня.

— Когда все это закончится, когда ты расправишься со мной, ты отпустишь Келли?

— Девочку?

— Ей всего четырнадцать.

— Неужели так важно, что с ней случится?

— "Жизнь за жизнь". Если я умру, девушка останется жива. Разве не об этом ты меня просила? Вот почему я пришла, чтобы совершить обмен. Моя жизнь в обмен на ее.

Мгновение она просто изучает меня, и я вспоминаю девушку, которой она когда-то была. Одинокая, неловкая и неуверенная в своем месте в мире. Похоже, теперь она нашла это место. Смерть отца превратила ее в самоуверенное, но озлобленное создание, мстительную Медю, для которой одно убийство требует взамен другого. Кто я такая, чтобы разубеждать ее в этом? Я была частью машины, которая уничтожила ее отца и унесла жизни шести человек, в том числе и моего мужа. Та же машина разрушила и жизнь Беллы. Девушки, которую я когда-то знала, больше нет, и отчасти в этом виновата я. Я пыталась убежать от чувства вины, но ничего не вышло. Я унесу его с собой в могилу.

Я выпрямляюсь. Я готова. — Прости меня за все, Белла. Я знаю, что мои запоздалые извинения ничего не изменят, но мне действительно очень жаль.

Она приставляет пистолет к моей голове.

Я смотрю ей в глаза и жду пули. *Я иду, Дэнни. Я почти на месте.* Проходят секунды, а я все еще стою и смотрю на нее. Я хочу, чтобы она увидела, кто я такая, друг, который никогда не желал ей зла. Подруга, которая понесла потерю столь же глубокую и опустошающую, как и ее собственная.

Она поворачивается к своим людям. — Уйдите. Оставьте нас.

Поколебавшись, они отступают обратно вниз, в полумрак лестничного колодца.

Белла медленно опускает пистолет. Она подходит к перилам и смотрит вниз на тело Дианы, лежащее внизу. — Она была готова убить тебя.

— Она никогда не была моим другом.

Проходит мгновение. Сейчас, пока она на меня не смотрит, самое подходящее время, чтобы напасть и отобрать у нее пистолет, но я понимаю, что не могу этого сделать. У меня не хватит духу предать ее еще раз.

— Жизнь за жизнь, — тихо говорит она. Она поворачивается ко мне лицом. — Ты привела ко мне Диану Уорд. Будем считать, что мы в расчете.

— Белла...

— Прощай, Мэгги. Пусть мы больше никогда не встретимся. — Она поворачивается и

исчезает на лестнице. Я слышу эхо ее шагов, когда она спускается с башни.

Мои ноги внезапно подкашиваются. Я опускаюсь на пол, где съезживаюсь, дрожа, но не от холода, а от шока, от всего, что произошло сегодня вечером. Смерть подошла так близко, что я почувствовала возле уха ее дыхание, и потрясена, что все еще жива. Я не должна была выжить, и каждый вздох, который я делаю с этого момента, — это дар, который я никогда не приму как должное, которого я не заслуживаю. Холод просачивается сквозь мое тонкое платье, и мои кости ноют от жесткого пола, но эти неудобства — скрытое благословение, потому что чувствовать их означает, что я жива.

Я поднимаюсь на ноги и смотрю вниз через перила. Далеко внизу я вижу Беллу и ее людей, выходящих из церкви. Они проходят мимо тела Дианы и направляются к своей машине.

— А что насчет Келли? — Окликаю я.

Белла останавливается и поднимает глаза, но не отвечает.

— Ты обещала. Жизнь за жизнь! — Кричу я. — Что насчет девочки?

Белла забирается на заднее сиденье машины, и уезжает.

Все еще пошатываясь, я медленно спускаюсь по лестнице башни. Я понятия не имею, где мои туфли или сумочка с брелоком от машины, и меня страшит долгая и неприятная прогулка босиком до деревни.

Но я переживала и худшее.

Входная дверь церкви открыта настежь. Я ковыляю к освещенному луной дверному проему, и там, на крыльце, лежат мои туфли и сумочка, аккуратно положенные там, где я стала бы смотреть в первую очередь. Последний жест милосердия от Беллы. Я беру свою сумочку и сразу замечаю разницу в весе. Я осматриваю ее содержимое и нахожу телефон, которого там раньше не было. Белла поддерживает связь между нами. Я могу только надеяться, что это для той цели, о которой я думаю.

Я выхожу на парковку и тотчас натываюсь на тело Дианы, лежащее на гравии лицом вверх, испачканным кровью. Пулевое отверстие, пробитое у нее во лбу, скажет полиции, что это не был самоубийственный прыжок с вышки.

Мне нужно быть за много миль отсюда, когда они найдут ее.

Я сажусь во взятую напрокат машину и уезжаю, оставляя Диану там, где она лежит. И снова я оставляю позади мертвых.

Рассвет только занялся, когда я добралась до Милана. Я не регистрируюсь в отеле, а направляюсь напрямик в аэропорт Мальпенса, переодеваюсь и устраиваюсь в кафе, чтобы подождать четыре часа до вылета в Бостон с пересадкой через Лондон. Адреналин схлынул, и мои конечности стали ватными от усталости. Когда я была молода, я могла работать по сорок восемь часов подряд без сна, но я больше не девушка. Я заказываю эспрессо за эспрессо, стараясь не заснуть, проверяя и перепроверя одноразовый телефон, который остался в моей сумочке, в поисках сообщения, которого я жду.

Там ничего нет.

Интересно, найдено ли уже тело Дианы и какие версии у местной полиции. Групповое убийство? Ограбление? Ревнивый любовник? Все обычные мотивы будут изучены, но я сомневаюсь, что истинная причина когда-нибудь будет установлена. Мне жаль полицию; у них не хватит воображения, чтобы понять и половину того, что они видят.

Жизнь за жизнь. Я выполнила свою часть сделки. Теперь Белла должна выполнить свою.

Я допиваю свой эспрессо и встаю. Мой первый рейс вылетает через два часа. Пора возвращаться домой и спасать Келли.

От аэропорта Логан до Пьюрити четыре часа езды на север, и уже 11 вечера, когда я наконец добираюсь до окраины города. Как только я пересекаю черту города, телефон издает сигнал смс-сообщения, которого я так ждала. Каким-то образом она знает, что я приближаюсь к дому, и мне тревожно осознать, что за мной следят, что Белла следила за моими перемещениями, пока я летела из Милана в Лондон, затем в Бостон, пока ехала на север, в Мэн. Тревожно, да, но не страшно. Если бы она хотела убить меня, она бы сделала это в Комо.

Я бросаю взгляд на одноразовый телефон, и моя усталость мгновенно улетучивается. Я не сплю уже почти сорок восемь часов, но текст, который я вижу на своем экране, впрыскивает заряд адреналина в мое измученное тело.

Я жму на педаль газа.

Пятнадцать минут спустя я стою перед заброшенным домом на Коннор-роуд. Я уже несколько раз проезжал мимо него, но он настолько зарос сорняками и шиповником, что я никогда раньше не видел само строение. Мой фонарик освещает облупившуюся краску и гниющее крыльцо, и я знаю, что здесь очень давно никто не жил, но на подъездной дорожке я вижу свежие следы шин на снегу.

Я улавливаю запах дыма в воздухе. Кто-то развел костер.

Мое сердце бешено колотится, когда я поднимаюсь по ступенькам покосившегося крыльца. Я не боюсь за себя, но я боюсь того, что найду внутри. Дверь не заперта. Я толкаю ее, и она распаивается, визжа петлями, открывая только темноту внутри.

— Келли? — зову я.

Я вхожу в дом, и меня сразу же поражает, что, хотя на улице двадцать градусов, внутри дома тепло, почти уютно. Я обвожу фонариком гостиную, в которой нет мебели и которая представляет собой просто пустое пространство с сосновыми полами и свисающей с потолка паутиной. Мой луч останавливается на кирпичном очаге, где я вижу только неубранную золу. Я пересекаю комнату и дотрагиваюсь до кирпичей. Они прохладные.

И все же в доме тепло. Откуда берется тепло?

Пол скрипит, когда я выхожу из гостиной на кухню. Луч моего фонарика скользит по обшарпанному сосновому столешницам, шкафчикам с распахнутыми дверцами, фарфоровой раковине в коричневых пятнах. Я замечаю дровяную печь и, подходя ближе, уже чувствую исходящее от нее тепло, а в углу вижу поленницу с дровами. Кто-то поддерживал в доме тепло.

— Келли?

Звук такой слабый, что я едва его слышу. Хныканье, доносящееся откуда-то поблизости. Я поворачиваюсь, и луч моего фонарика падает на дверь кладовой. Она приоткрыта.

Еще до того, как я открываю ее, я знаю, что она там. Я знаю, что она в безопасности. Я осветил фонариком в пространство и увидела ее, привязанную к стулу, с залепленным скотчем ртом.

В считанные секунды я освобождаю ее, и в тот же миг она опутывает меня, словно осьминог, ее руки обвиваются вокруг моей шеи в удушающем объятии. Она намочила штаны, и от нее пахнет потом, мочой и дымом, но она жива. Дико, трепетно жива.

— Ты здесь! — кричит она. — Я знала, что ты придешь. Я просто знала!

— Конечно, я здесь. Я здесь, дорогая. Я крепко прижимаю ее к себе, и когда она

всхлипывает в моих объятиях, я тоже начинаю плакать. Я не плакала очень, очень давно, и теперь, когда начала, я не могу остановиться. Я плачу по Келли и по всем остальным, кто пострадал из-за меня. По Гоку и его семье, по Гэвину, по Белле и Дэнни.

Больше всего, по Дэнни.

— Я хочу увидеть своего дедушку, — говорит она. — Я хочу домой.

— Увидишь. — Я обхватываю ее рукой за талию и поднимаю на ноги. — Но не сразу.

Глава 35

Джо

Распахнув дверь, Джо поднялась по лестнице, вошла в больничное отделение на втором этаже и направилась напрямиком к дежурному. — Где Келли Янт? спросила она медсестру.

— Она в палате 201, но позвольте мне сначала позвонить врачу. Эй, вы не можете просто так войти туда. Подождите!

Джо уже направлялась по коридору к палате 201. Она дважды громко постучала и проскользнула в палату, но остановилась на пороге.

Девочка крепко спала в постели.

Комната была освещена только одной тусклой лампой на прикроватной тумбочке, и в полумраке Джо увидела Лютера Янта, сгорбившегося в кресле у кровати. На нем была фланелевая пижамная рубашка, а его седые волосы растрепались на голове. Как и Джо, он, должно быть, встал прямо с постели, но сейчас он был совершенно бодр и свирепо смотрел на Джо.

— Не сейчас. Ей нужно отдохнуть, — сказал он. — Не будите ее.

— Где ее нашли? Как она сюда попала?

— Позже. Все, что вам нужно знать, это то, что с ней все в порядке. Они не причинили ей вреда.

— Кто не причинил вреда?

— Остальное вам расскажет Мэгги. Поговорите с ней.

— Где она?

— Она только что вышла. Возможно, вы еще сможете ее догнать.

Черт возьми, я точно собираюсь ее догнать.

Джо сбежала по лестнице в вестибюль и выскочила из больничного входа на парковку. Там она заметила свою добычу, несколькими рядами дальше, отпирившую свой пикап.

— Мэгги! — Позвала Джо. — Мэгги Берд!

Женщина повернулась, и от ее вздоха в воздух поднялось облачко пара. — Пожалуйста. Не сейчас.

— Да, сейчас. Вы должны были позвонить мне, как только узнали.

— Я и так вам позвонила. Разве не поэтому вы здесь?

— Это была наша работа — спасти девушку.

— И вы бы нагрянули туда со своими воющими сиренами. Я не знала, какой будет ситуация. Нужно было все сделать тихо.

— Теперь мы потеряли все шансы на арест.

Мэгги покачала головой. — У вас не было ни единого шанса. Поверьте мне, люди, которые похитили ее, давно уехали отсюда.

— Вы собираетесь сказать мне, кто они?

— Если бы я знала их имена, сказала бы.

Они смотрели друг на друга в тишине зимней ночи, и конденсат от их дыхания клубился и сливался в единое сплетенное облако. Они могли бы жить в одном городе и дышать одним воздухом, но между ними всегда была бы пропасть, потому что Мэгги была пришельцем, инопланетным существом из мира, находящегося далеко за пределами привычных границ Пьюрити, штата Мэн. Однажды они могли бы стать друзьями, они могли бы даже научиться доверять друг другу, но это был не тот день. На данный момент они противостояли друг другу как противники в игре, правила которой Джо все еще пыталась понять.

— Что скрывалось за этим похищением? — спросила Джо. Вы должны мне рассказать.

— Что я сейчас должна, так это поспать. — Мэгги открыла дверцу своего пикапа и забралась на водительское сиденье. — Приходите ко мне завтра, Джо. Я расскажу вам, что смогу. Она завела двигатель и уехала.

- “Что значит, "что смогу"? — Закричала Джо.

Конечно, ответа не последовало. С Мэгги Берд обычно так и бывало.

Джо стояла одна на парковке, наблюдая, как задние фонари исчезают в темноте. Упала снежинка, за ней другая, словно раненые бабочки, падающие с неба. Было 2:00 ночи, ей было холодно, и больше всего на свете ей хотелось пойти домой и забраться обратно в постель, но падающий снег скоро скроет все следы шин у дома, где держали Келли Янт. С каждой проходящей минутой жизненно важные улики о похищении исчезали под белым покрывалом. Ей нужно было осмотреть место преступления, собрать команду по сбору улик и ответить на вопросы — очень много вопросов. Ее постели, какой бы соблазнительной она ни была, придется подождать, потому что граждане Пьюрити рассчитывали на нее. Возможно, она и не была выдающейся личностью, но она знала, что для людей в ее городе действительно имело значение ежедневная уверенность в том, что они могут положиться на нее в выполнении ее работы. Итак, вздохнув, она села в свою машину и сделала то, что делала всегда.

Джо Тибодо приступила к работе.

Глава 36

Белла

Она стояла у окна, глядя на свой сад. Снова шел дождь, холодный, хлесткий дождь, который был таким обычным явлением в этом отдаленном уголке Шотландии, но она видела признаки того, что весна в этом году наступит рано. Был только февраль, а нарциссы уже пустили свои зеленые побеги; к марту сад будет утопать в золотистых цветах. Земля быстро менялась. Великие реки Европы и Азии высыхали до ручейков, тропические леса Южной Америки горели, а в Тихом океане коралловые атоллы исчезали под поднимающимися волнами. Повсюду кипели новые беспорядки, и это означало, что можно было заработать деньги, деньги, с помощью которых можно было повлиять на результаты выборов в разных странах, разжечь старую и новую ненависть и совершать революции.

Когда Белла была девочкой, она не ценила сады, но теперь, когда она вырастила свой собственный, она поняла, что смотрит на микрокосм большого мира, где выживание никогда не гарантировалось, где конкуренты незаметно притаились в тени, ожидая шанса настигнуть и задушить вас. Это был фундаментальный принцип, которому она научилась у своего отца: кто-то всегда ждет, чтобы занять твое место, поэтому нужно делать все необходимое, чтобы воспользоваться преимуществом.

Даже если для этого придется похитить четырнадцатилетнюю девочку.

Она знала, что ее мать не одобрила бы такую тактику, но Камиллы здесь больше не было. Шесть лет назад она умерла от опухоли головного мозга, которую не смогли бы вылечить все деньги в мире. Теперь Белла была предоставлена самой себе, ее больше не сдерживали благожелательные советы матери, и она делала все необходимое, чтобы обеспечить себе место за столом. Когда дело доходило до выживания, у нее уже был самый лучший учитель из всех возможных. Она воспользовалась фондом, заложенным ее отцом, и создала собственную сеть.

Она услышала стук в дверь и повернулась, чтобы посмотреть на своего ассистента. — Ну? — спросила она его.

— Девочку выписали из больницы. Она вернулась домой к своему дедушке.

— А наша команда?

— Уже летит домой.

— Тогда вы можете отменить их платеж.

— Конечно.

Ее ассистент вышел из комнаты, и она снова повернулась к окну, откуда открывался вид на ее сад. Дождь усилился, капли теперь смешивались с мокрым снегом, который стучал по кирпичной дорожке. Ей стало интересно, идет ли снег там, где жила Мэгги. Она поискала город Пьюрити на карте и увидела, что штат Мэн находится рядом с Канадой. Это было странное место для уединения на замерзшем севере. Она представила себе пейзаж с метелями, сугробами и пронизывающими ветрами — суровое место для жизни зимой.

Мэгги вообще не должно было быть в живых. Она должна была умереть в Комо, с пулей в голове, и у Беллы было намерение привести эту казнь в исполнение. Но в тот момент в башне, когда она приставила пистолет к голове Мэгги и посмотрела ей в глаза, она не смогла нажать на спусковой крючок. Она поняла, что Мэгги тоже была жертвой, что ее жизнь тоже разрушилась в результате взрыва пламени и пепла над Средиземным морем. Филипп Хардвик без колебаний нажал бы на курок, но Белла предпочла этого не делать.

Возможно, она была больше похожа на свою мать, чем сама осознавала.

Я пощадила тебя в этот раз, Мэгги. И если мы когда-нибудь встретимся снова, я не могу гарантировать, что буду столь же милосердной.

Она не думала, что они когда-нибудь встретятся снова, хотя они, несомненно, знали бы о существовании друг друга, даже сохраняя настороженную дистанцию, Мэгги в своей безвестной деревушке на побережье штата Мэн, а Белла в своем мире теней и анонимности. Мире ее отца. В пятнадцать лет она, возможно, и была неуклюжим подростком, но она никогда не была глупой. Она слушала, усваивала и переваривала уроки, которые преподавал ей Филипп. Она знала, что нужно, чтобы выжить, и эти уроки сослужат ей хорошую службу в последующие годы, когда она вернет деньги, украденные Дианой Уорд, когда она распрострет свои щупальца и укрепит свою власть.

Было ли ошибкой оставить Мэгги в живых? Она не знала. Если бы ее отец был жив, он бы отругал ее за то, что она позволила Мэгги уйти, и однажды она вполне могла бы пожалеть об этом моменте слабости и сентиментальности. Если это была ошибка, то ее можно было исправить.

Я знаю, где ты живешь, Мэгги. Я всегда могу передумать.

Когда мы впятером сидим за моим обеденным столом, кажется, что жизнь вернулась в нормальное русло. В 17:00 Ингрид и Ллойд были первыми, кто без предупреждения появился у моей двери, неся блюдо из пирекса с мусакой, еще теплой из духовки. Десять минут спустя появился Бен со своим предложением — рисом по-персидски и бараниной, а затем вошел Деклан с зеленой фасолью и измельченным миндалем. Обилие запеканок — это то, что друзья приносят вам в трудную минуту, если вы только что потеряли супруга или сломали ногу, и вот они, четверо моих самых близких друзей, их визит неожидан, но желанен. Похоже, группа действительно снова вместе, снова делится рецептами и сплетнями, головокружительное возвращение к нормальной жизни. Бангкок и озеро Комо теперь кажутся мне такими же далекими, как дурной сон.

Но все это действительно произошло, и теперь Диана мертва. Согласно источникам Деклана, полиция Комо утверждает, что тело американки, найденное у заброшенной церкви с пулевым отверстием в голове, вероятно, было делом рук местных гангстеров, за то что она невольно забрела в их логово. Это теория, которой они, вероятно, будут придерживаться, потому что поиск истины требует слишком больших усилий. Обычно так и бывает.

— И теперь нам нужно разобраться с новой проблемой, — говорит Бен.

— С какой именно? Спрашивает Ингрид.

— Что делать с Беллой Хардвик.

Они все смотрят на меня, потому что я единственная, кто на самом деле знает Беллу — или знал ее в другой жизни, до того, как потеря и горе превратили ее в женщину, которая приставила пистолет к моей голове. Она могла убить меня там, на колокольне, и у нее были все причины желать мне смерти. Вместо этого она предпочла уйти. Я верю, что глубоко внутри нее, погребенная под всеми этими шрамами, живет пятнадцатилетняя девочка, которую я когда-то знала и любила.

— Белла — не наша проблема, — говорю я.

— Она преемница Филиппа Хардвика, — говорит Ингрид.

— Но она не Филлип Хардвик.

— Тогда кто она?

Я не знаю ответа. Все, что я знаю, это то, что она могла убить меня, но не сделала этого. Ее отец не был бы таким милосердным.

— Это не от нас зависит, — говорю я. В конце концов, мы на пенсии.

— Мэгги права, — говорит Деклан. — Мы проинформировали Агентство о Белле, так что теперь мяч на их стороне. Пусть они сами с ней разбираются.

— Мы могли бы помочь, — говорит Ингрид. — Если бы только они попросили.

И это то, с чем мы должны научиться справляться: наше место в мире, который считает нас использованными и неуместными. Это новое поколение смотрит только в будущее, не обращая особого внимания на прошлое и на то, чему оно могло бы их научить. Чему мы могли бы их научить.

Я достаю пять бокалов и только что открытую бутылку виски "Лонгморн" тридцатилетней выдержки — подарок Ингрид, которой удалось найти источник в Лейте, Шотландия. Эта бутылка — сигнал о том, что наш разговор вот-вот станет серьезным. Сначала я вручаю Лонгморн Деклану, который за весь вечер почти ничего не сказал. Он также избегает моего взгляда, потому что все еще чувствует себя уязвленным из-за того, что я сорвалась с места и отправилась в Италию, ничего не сказав ему, хотя он знает причину, по которой я это сделала. Это была моя битва, и я не хотел, чтобы он пострадал под

перекрестным огнем.

И вот результат: Деклану потребуется время, чтобы простить меня, время, чтобы восстановить доверие между нами. Добавьте это к длинному списку вопросов, которые нам с Декланом нужно будет уладить между собой.

Ллойд поднимает бокал с виски и произносит тост: *Cin cin! Alla vostra salute!* (*Cin cin*, произносится, как Чин-чин, итальянское застольное приветствие; *Alla vostra salute* ит. За ваше здоровье!)

— Чин-чин! — скандируем мы и делаем по первому глотку.

У меня срабатывает сигнализация по периметру.

— Ты кого-то ждешь? — спрашивает Бен.

Я встаю из-за стола. — Я думаю, мы все знаем, кто это.

Я открываю входную дверь, и там стоит она, подняв руку, чтобы постучать. Джо Тибодо выглядит так, словно не спала несколько дней. Под глазами у нее темные круги, конский хвост распался, а выбившиеся пряди светлых волос свободно свисают вокруг лица. Я почти чувствую исходящий от нее запах усталости.

— Мисс Берд, — говорит она. — У меня есть вопросы.

— Разумеется-разумеется. Входите.

Она следует за мной в столовую и оглядывает моих гостей, сидящих за столом. “Почему я не удивлен, что наткнулась на очередное заседание Клуба Мартини?”

Деклан, как всегда джентльмен, выдвигает стул. — Пожалуйста, шеф Тибодо. Присаживайтесь и присоединяйтесь к нам”.

— Бокал виски? — предлагает Ллойд.

— Я на дежурстве, — говорит она.

— Вы когда-нибудь бываете не на дежурстве? — спрашиваю я.

— Мисс Берд, мы можем перейти в другую комнату и поговорить?

— Это мои друзья. Я бы хотела, чтобы они услышали все, что мы говорим.

Тибодо вздыхает. Она слишком устала, чтобы спорить со мной сегодня вечером, и знает, что ей не победить, поэтому она опускается на стул, который Деклан выдвинул для нее. В свете ламп в столовой ее лицо выглядит измученным и старше своих тридцати двух лет. За то короткое время, что я ее знаю, я научилась ценить ее упорство. Она не спринтер, а марафонец, который просто продолжает двигаться вперед, ставя одну ногу перед другой, всегда сосредоточенный на своей цели. Она не может перехитрить нас, но она может пережить нас, и она была бы проблемой, если бы мы были по разные стороны баррикад. На данный момент это не так, и я думаю, мы оба это знаем.

— Полиция штата изучила то текстовое сообщение, которое вы получили, о том, где найти девушку, — говорит она. — Они не в состоянии отследить, кто вам это отправил.

— Я же говорила вам, что они не смогут — говорю я.

— А *вы* знаете, кто отправил сообщение?

— Похитители, я полагаю.

— С чего бы им вдруг раскрывать местонахождение Келли? Кто-то заплатил выкуп?

— Насколько мне известно, нет.

Она оглядывает сидящих за столом. — *Кто-нибудь* здесь знает?

— Откуда нам знать? — Невинно спрашивает Ллойд.

— Получу ли я когда-нибудь от вас прямой ответ, люди?

— Вы выглядите так, будто вам это не помешало бы — говорит Деклан и почти

волшебным движением руки ставит перед ней бокал виски.

Тибодо опускает взгляд на бокал с искушающей жидкостью цвета карамели, и мы все наблюдаем, гадая, поддастся ли она. — А, к черту — бормочет она. Она делает глоток и тут же раздражается кашлем. Очевидно, что она не опытный любитель виски, но при небольшом ободрении научится.

— Как дела у Келли? — спрашивает Деклан.

Тибодо вытирает рот. — С ней все в порядке, учитывая обстоятельства. Они не причинили ей вреда.

— Что она помнит? — спросила я.

— Они держали ее с завязанными глазами, поэтому она ни разу не видела их лиц. Судя по голосам, это были мужчина и женщина. Они кормили ее, согревали, никогда не угрожали ей. Мы понятия не имеем, почему они это сделали. — Она смотрит на меня. — Может быть, вы знаете?

Я действительно знаю. Келли никогда не хотели причинить вреда; она была просто средством для достижения цели, способом для Беллы заставить меня выйти из тени. Но эта информация будет мало полезна полиции, потому что люди, похитившие Келли, теперь вне досягаемости Джо Тибодо. Как и женщина, отдавшая приказ о похищении. Как мог полицейский из маленького городка, работающий в тихом уголке штата Мэн, когда-либо справиться с Филиппами Хардвиками всего мира? Вот почему я решила жить здесь, и почему здесь живут мои друзья. Большую часть своей жизни мы служили нашей стране, борясь на тайных полях сражений по всему миру, уничтожая таких монстров, как Хардвик. Теперь мы хотим спокойной жизни. Мы заслуживаем спокойной жизни.

— Простите, — говорю я. — На самом деле я больше ничего не могу вам сказать.

— Да. Я так и думала, что вы это скажете.

Ее рация оживает, и мы слышим голос диспетчера: Всем подразделениям, десять тридцать один, десять тридцать один. Местоположение два-четыре-два по Берч Роуд...

Тибодо не утруждает себя прощанием, в одно мгновение она уже на ногах и направляется к двери. Секундой позже мы слышим, как ее машина с ревом отъезжает с моей подъездной дорожки.

— Десять тридцать один, — говорит Ингрид. — Это их радиокод, обозначающий совершаемое преступление. Возможно, мы могли бы оказать помощь. Это было бы нашим гражданским долгом, вам не кажется?

Мы размышляем над этим вопросом, в очередной раз передавая по кругу бутылку "Лонгморна" и наполняя наши бокалы виски. Преступления продолжают. Есть ли какая-нибудь деревня, какой-нибудь город, к которому эти слова неприменимы? Мы узнали, что даже наш маленький городок не защищен от мировых бед. Если ядерная бомба упадет на Вашингтон, господствующие ветры принесут радиоактивную пыль прямо в наш маленький безопасный уголок. Если страны в Европе рухнут или в Восточной Азии разразится война, волны опустошения в конечном итоге докатятся до Пьюрити, штата Мэн. Мы не застрахованы. Никто не застрахован.

— Что бы это ни было, я уверена, Джо Тибодо справится с этим, — говорю я. — И если ей понадобится наша помощь, она знает, где нас найти.

Примечание автора

На «Шпионский берег» меня вдохновили необычные маленькие тайны, на которые я

наткнулась много лет назад в небольшом городке в штате Мэн. Вскоре после того, как мы переехали сюда, мой муж-врач открыл медицинскую практику, и когда он спрашивал своих новых пациентов об их прежних занятиях, разговор иногда шел примерно так:

Врач: Чем вы зарабатывали на жизнь?

Пациент: Раньше я работал на правительство.

Врач: И что вы делали для правительства?

Пациент: Я не могу говорить об этом.

Примерно после того, как это произошло в третий или четвертый раз, мой муж понял, что в пенсионерах, которые здесь живут, есть что-то очень необычное. Местный риэлтор наконец раскрыл секрет: “О, они все были из ЦРУ”. Мы обнаружили, что как раз на нашей короткой улице у нас соседями были два отставных шпиона. Почему так много из них собралось в этом городе с населением всего в пять тысяч жителей? Не потому ли, что они чувствуют себя в безопасности здесь, на лесистом севере, вдали от любых ядерных объектов? Это потому, что наш город занимал видное место (по крайней мере, так сказал нам наш риэлтор) в пенсионном журнале для шпионов? Или потому, что в прошлом штат Мэн так часто использовался в качестве места для конспиративных квартир? Это одна из теорий, которые я слышала, но мне никогда не удавалось получить прямой ответ, потому что люди, которые действительно знают этот ответ, не могут — или не хотят — говорить об этом.

Из-за их возраста и седых волос мы можем не обращать внимания на этих пенсионеров. Они просто наши соседи, которые сидят с нами плечом к плечу в местной кофейне, толкают свои тележки по проходам продуктового магазина, как и мы, и желают нам доброго утра на почте. Они настолько хорошо вписываются в общество, что мы никогда не задумываемся о том, кем они были раньше и какие секреты будут хранить до могилы.

Скромные пенсионеры с тайной прошлой жизнью становятся интересными персонажами, которых интересно изучать, и именно так родился «Шпионский берег». Я хотела написать о шпионах, которые похожи не на Джеймса Бонда, а на моих соседей, спокойно живущих как самые обычные пенсионеры... пока прошлое не возвращается и не преследует их, и они не вынуждены прибегнуть к старым навыкам, которые, как они думали, им никогда больше не придется задействовать.